

Рид Хаас

Йи Дэи. Смерть палача

Эта история о том, как в давние-стародавние времена, когда в Циньане жили люди Звёздной Императрицы, Заклинатели, демоны, полудемоны, драконы-оборотни, Учителю-палачу клана Нефритовой Богини его воспитанник-полудемон принёс найденного под вишней у входа в клан странного младенца, с появлением которого сразу же начались предзнаменования о пробуждении Вечного Зла.

(Автор использует в построении мира элементы китайской мифологии, для имён и названий — словари китайского языка, искажает транскрипцию, оставляя по возможности близко к смыслу: этот мир отчасти похож на Китай, но на 100 % Китаем не является. Автор приносит свои извинения знатокам китайских традиций и языка)

Глава 1. Тени

Десятое полнолуние года выдалось таким, каким Учитель и ожидал: угол наклона солнечных лучей сменился, дни продолжали радовать теплом, по ночам же приходили холодные ветры от гор Крокодилового хребта; листва на деревьях только готовилась сменить цвет, но под самым лёгким сквозняком шелестела, словно от ударов дождевых капель.

Светлый лик полной Луны нервно теребили чёрные клочья облаков. Учителю не мешало их мельтешение: он ждал.

Он умел ждать.

Он знал, что лучшие Тени, отправленные Алой Лентой клана Звёздной Императрицы скоро должны вернуться.

Он надеялся, что сегодня — та ночь, в которой предчувствия впервые в жизни обманут его.

Когда-то давно у него было много имён. Его нарекли Ченглэй², Большой, отыскав под вишней у входа в Земную Канцелярию клана Звёздной Императрицы. Его имя наставники сменили на Рэншү³, Доброжелательная Воздержанность, открыв в нём врождённое чувство меры. Он сам менял имена, отмечая ими вехи жизни, признал именем кличку Фа⁴, Великий, данную за умение слышать и понимать внутренний голос. С гордостью отказался от всех имён, приняв звание «Учитель». Ему, тому, кто начал путь жизни палачом, этим была оказана величайшая честь.

Умение понимать течение внутренних сил от него никуда не делось и всегда обострялось в особенно важные моменты.

Сегодня, ловя взглядом бег теней по лику Луны, он просил Небесную Императрицу дать указ Небесной Канцелярии переписать эту ночь в жизни Теней клана.

Не хотел хоронить своих лучших учеников, пятерых за одну ночь.

Жизнь Циньана, размеренная и неспешная, веками, тысячелетиями текла, как воды реки Сианцзе⁵. Неукоснительно соблюдались правила, выбитые по указу Небесной Императрицы на нефритовых скрижалях Небесной Канцелярии. Каждая новая Звёздная Императрица становилась отражением Небесной на земле, помогала людям слышать её волю, направляя все свои действия в созидание. В судьбе каждого, красавицы или мужчины, ставилась последняя точка в свитке Небесной Канцелярии в момент его рождения. Что-то, конечно, люди могли изменять, но всё самое важное уже вписано в свиток.

Все двадцать один и два диалекта Циньана, все окрестные диалекты, от Жёлтой Реки Сианцзе до Синей Реки Дуаньцзе, почитали правила Нефритовых Скрижалей.

Для защиты их от живущих на территориях, где не чтут Небесную Императрицу и её волю, для вразумления и наставления на путь истины заблудших, для спасения от происков Заклинателей и служителей Демонов были созданы кланы воинов. Каждый из них связывала Алая Лента, глава клана. В каждом из них растили и воспитывали бойцов, с самого рождения вчитываясь в назначенное им судьбой. Кто не имел власти ни над одной стихией, становился пехотинцем. Кого слышал ветер, обучался стрельбе из лука. Созвучные огню или металлу учились бою на мечах. Связанные с водой шли в целители. Те, кому отзывались ветер и камни, непременно сразу и то, и другое, достигая верного возраста, часто осваивали владение ещё одной сущностью: Тенью. Уходя в Тень, они

становились невидимы внешнему миру, могли быстро преодолевать огромные расстояния, перенося известия, а также достигать врага самыми неожиданными ударами.

Сегодня в клан Звёздной Императрицы, расположенный к зиме от Циньдара, столицы Циньана, приходил странный мужчина. Он назвался отцом новорожденного, оставленного утром под вишней у входа в Земную Канцелярию клана. Просил вернуть ему сына, но Учитель уже принял дитя на воспитание и нарёк за прямой и осмысленный взгляд Йи Дэйб. Интуиция подсказывала, что мужчина лукавит, если не напрямую обманывает: Учитель держал мальчика в руках и не ощущал в своей памяти о нём ни единого отклика на сущность мужчины. Под вишнями у Земных Канцелярий оставляли сыновей палачей, чтобы они продолжали непростое дело отцов, но, хоть этот странный незнакомец средних лет в традиционном наряде странника и походил манерами на палача, в нём не было ни капли соответствия сути Йи Дея, какое должно быть у отца с сыном. Вообще сложно разобрань, что он из себя представлял на самом деле, а чем всего лишь хотел казаться.

Учитель чувствовал за собой правду и не отдал младенца мужчине. Рассказал о госте Алой Ленте, и та, испросив совета у Небесной Императрицы, повелела Теням отправиться следом за ним. Было в нём то, что требовало особого внимания.

Заодно Алая Лента заинтересовалась новым воспитанником.

Мальчик спал. Его не потревожили голоса рядом, не разбудили прикосновения красавицы Алой Ленты, и когда та взяла его на руки, и когда уложила назад в колыбель.

Пятеро Теней собрались в путь быстро и ловко. Заговорённые целителями рубахи и штаны, мягкие кожаные доспехи, обшитые изнутри металлическими пластинами, чтобы обеспечить защиту телу, не стесняя движений, мягкие сапоги, лёгкие, но прочные шлемы... Мечи, боевые ножи, наручи с метательными иглами — всё, как всегда.

Учитель не понимал, почему захотелось самому их проводить, до того самого момента, когда, показывая пальцами знак процветания, соскользнул в Тень последний, Цингсан7.

О, он метнулся бы за ними, отменил бы приказ! Но, подобранный под вишней сын палача, главный палач клана, Мастер Огня, Учитель — не имел доступа к Тени.

Мог теперь только ждать и молиться.

Когда Учителю вдруг захотелось отправиться к ручью сада медитаций, вдоль которого пару веков назад рассадили плакучие ивы, он исполнился надежды и побежал звать целителей.

С факелами, бинтами, одеялами и циновками для переноса больных они отправились туда, куда уже потянуло, как Учителя, и некоторых из них.

Первым вышел из Тени Йонгруи8. Света луны хватало, чтобы различить белые струйки в чёрных волосах, по обыкновению Теней недлинных и стянутых в высокий хвост. Их не было, когда он шёл в этот поход! Не было на Йонгруи и особенных ран, но Цуею9, старший из целителей, застонал от ужаса, пытаясь бинтовать обильно кровоточащую рану на боку воина.

Учитель с факелом наклонился посмотреть поближе. Не будь он если не ко всему, то ко многому привычным палачом, тоже не смог бы сдержать возгласов: из короткого неглубокого пореза струёй лила кровь, словно были перебиты и вены, и артерии, а там, где раны коснулись пальцы целителя, плоть сделалась полупрозрачной и чёрной.

Старый палач решил, не касаясь раны руками, завязать её тканью, но на ней, где та соприкоснулась с почерневшей плотью, мгновенно появились дыры, словно прожжённые

кислотой. Учитель тронул чёрное пальцами, готовясь к болезненным ощущениям, но... чёрная слизь была на ощупь как ещё не застывшие заготовки для мармеладных рыбок хои, не обжигала...

Йонгруи пытался что-то говорить, но не мог, спазм сдавил его горло, и целители, уложив Тень на циновку, понесли его в лазарет. Не успели далеко отойти, как почти в том же месте, что и Йонгруи, из Тени вышел Канг10.

Учитель шагнул к нему, подхватывая валяющееся тело на руки, тут же подоспели целители, приняли Канга на одеяло.

— Учитель... за нами в Тень вошли четырнадцать Клинков Руки Бога... — голос Канга дрожал, скатываясь в еле слышное сипение. — Учитель... они шли с единственной целью, убить нас... один из них сказал, что мы... зря берёмся защищать демона... я не понял, что он имел в виду... но мне... показалось, они решили... что мы шли защищать того странника... учитель... пусть меня оставят здесь, не хочу... чтобы видели... как умираю...

Учитель отослал в лазарет целителей и остался рядом с Кангом:

— Малыш, я менял тебе пелёнки, учил держать палку, а после меч, и прыгать выше твоей головы. Не лишай меня права закрыть твои глаза, когда ты откроешь их в Небесной Канцелярии.

Это случилось ещё до того, как луна успела коснуться круглой щекой Крокодилового хребта.

Йонгруи прожил немногим дольше: кровь покидала его тело, а вместе с ней и жизнь. К нему в лазарет пришла Алая Лента. Учитель сопровождал её. Перед смертью воин всё же сумел рассказать, что им пришлось выйти из Тени у храма Горного Ветра, и там они увидели мужчину, за которым шли, а чуть поодаль четырнадцать Клинков Руки Бога, которые кого-то искали, а заметив того мужчину, попытались напасть на него. Тени клана Звёздной Императрицы сообща решили вмешаться, пятеро Теней — огромная сила против четырнадцати Клинков! Но, когда они, чтобы нанести верные удары, вошли в Тень, Клинки последовали за ними. Они же не могут быть Тенями, или что-то изменилось в этом мире? Алая Лента говорила Йонгруи добрые слова, но Учитель не слушал.

Он не мог уже вспомнить, сколько учеников умерло у него на руках за долгие годы жизни, но впервые они умирали по причине, для которой у него не было объяснения.

1

Здесь и далее автор использует в построении мира элементы китайской мифологии, для имён и названий — словари китайского языка, искажая транскрипцию, оставляя по возможности близко к смыслу: этот мир отчасти похож на Китай, но на 100 % Китаем не является. Автор приносит свои извинения знатокам китайских традиций и языка, если их глаз режут намеренные или случайные ошибки.

2

Ченглэй — Большой

3

Рэншу — доброжелательная воздержанность

4

Фа — Великий

5

Сианцзе — Жёлтая Река

6

Йи Дэй — Яркий Прямой

7

Цингсан — Процветание

8

Йонгруи — Удачливый

9

Цуею — Прилежный и дружелюбный

10

Канг — Благосостояние

Глава 2. Младенец под вишней

За десятым полнолунием пришло одиннадцатое новолуние, небесная красавица сменяла фазы одну за другой — в двенадцатый раз, в тринадцатый. В первое новолуние цзяня встретили новый год. Долгие праздники с яркими фейерверками, пёстрыми карнавалами и изысканной едой прогремели-промелькнули, как один день...

Учитель исполнял свои учительские обязанности так же, как Луна свои небесные. Просто потому, что так — надо. Чего не сумели добиться годы, легко скользившие мимо палача клана, то сделали необъяснимые смерти. Он сохся и почернел, состарился в одну ночь, ту, что забрала себе жизни пятерых Теней, и долгие месяцы новых живых забот всё никак не могли вернуть ему силы.

На двенадцатое полнолуние уже прошлого года Учитель добрался до Отшельника на Крокодиловом хребте, спрашивал его о том, какое оружие способно оставлять такие раны, как те, что убили Теней. Отшельник пять и два дня разбирал кладовые своей памяти, но сумел вспомнить только то, что в Циньдарской библиотеке должны храниться древние свитки, в которых собраны описания всех демонических существ. К концу первой половины роста Луны Учитель вернулся в клан. Хотел сразу же идти в Циньдар, но... Его ждали новогодние празднества и посвящение в ученики юных ростков клана Звёздной Императрицы, подготовка к летним экзаменам готовящихся к посвящению — и, как всходит и заходит Луна, так потекла и жизнь Учителя.

Он понимал, что для любого дела должен сначала подойти его час. Если что-то не складывается так, как ему хочется, это воля Небесной Императрицы направляет его в более важную сторону. Понимал, что, если бы от написанного в тех древних свитках зависели жизни его клана, то он не смог бы обойтись без посещения Циньдарских книгохранилищ. Значит, так тому и быть...

Алая Лента пришла к нему в мастерскую, где он обучал подрастающих воинов и палачей ухаживать за оружием.

Традиционные повседневные одежды Главы Клана походили на одеяния воинов, а намётанный взгляд палача во время приветственных поклонов отмечал под складками халата меч и метательные ножи.

Солнечные лучи степенно передвигались с потолка на стену. До времени, когда ученики придут перенимать основы мастерства, оставался ещё почти целый час, и можно было говорить свободно на любую тему.

— Новый палач оказался под вишней в день десятого полнолуния, — певуче и тихо проговорила красавица.

— Да, — кивнул Учитель.

— В день, когда к клану присоединился новый палач, были убиты пять воинов клана, — так же напевно продолжала Алая Лента.

— Да, — закрыл глаза Учитель. — Да.

Он не прятал слёзы — все их отдал Крокодиловым горам в дни путешествия к отшельнику. Прятал взгляд, уже понимая, о чём говорит с ним Глава Клана.

О древнем проклятии.

Вселенское Зло получит жизнь в день десятого полнолуния, в тот же день отдадут

жизни три и два воина.

Кровь одного распахнёт двери в этот мир Вечному Злу, что стоит на пороге, не смея войти. Вытекая из жил, кровь перенесёт в себе зло через порог.

Кровь второго подарит дыхание Вечному Злу, что не решается вобрать в себя воздух этого мира. Как смешается с воздухом влага крови, так Зло обретёт дыхание.

Кровь третьего даст зрение Вечному Злу. То, что не в силах разглядеть его глаза, покажут капли крови в глазницах.

А кровь ещё двоих станет плотью Вечного Зла, подтверждением бессмертия воплотившегося зрячего и дышащего, и каждым вдохом Зло будет забирать из подлунного мира что-то хорошее, а с каждым выдохом впускать в него новых демонов...

— Я не знаю, как часто ты видишь своего нового ученика, — говорила Алая Лента, — но в дни твоего путешествия на Крокодиловый хребет мне часто доводилось наблюдать за ним. Он... слишком спокоен. Почти никогда не плачет. Если голоден — не кричит, просто ждёт, пока о нём вспомнят. Если ему мокро — молчит, ждёт, когда взрослые сами решат, что пора поменять пелёнки... Мне неизвестно, кем воплощается в жизнь...

Глава Клана умолкла.

Да, она по праву была Алой Лентой клана, она держала и связывала всех, живущих в нём, несла ответственность за каждого и каждому была готова прийти на помощь всеми доступными ей силами, но произнести вслух слова «воплощается в жизнь Вечное Зло» оказалось выше её возможностей.

Учитель же лишь спрятал в улыбке грусть:

— Мне тоже неизвестно, должно ли прийти в наш мир Вечное Зло одним из младенцев или подчинит себе душу взрослого человека. Может быть, те, кто убил Теней, как раз шли убивать Вечное Зло, воплотившееся в том мужчине. Тени всего лишь хотели отбить его у чужаков, захватить его и привести ко мне на беседу, но... может быть, Вечное Зло наградило тем страшным оружием Клинки Руки Бога... или их уже нужно называть Клинками Руки Демона? А может быть, Вечное Зло обречено вечно стоять у порога в наш мир, потому что ещё не построен тот алтарь, на котором следует принести в жертву пятерых во имя его воплощения.

Алая Лента покачала головой:

— Но предсказания...

Учитель извинился перед ней поклоном:

— Мне кажется более тревожным то, что впервые за двадцать и два года стали поднимать голову служители Тьмы. Устраивают новые горные капища, проводят жертвоприношения... и всегда они на шаг, на полшага впереди нас, как мы ни стараемся их опередить.

Глава Клана встретилась взглядом с Учителем.

Его слова были настолько правильны и честны, что в них она обрела покой и простор для новых размышлений.

Девять и два ученика чирикали крошечными воробышками, решая свои проблемы, пока наставник не призовет к себе их внимания. Они вплотную подошли к той границе, что отделяла их беззаботное детство от детства, наполненного тщательной подготовкой к юности. Не сегодня-завтра пройдут Посвящение красавицы и юноши клана, и каждому малышу по жребию достанется тот, кто будет помогать наставникам вести росток уже к его

Посвящению. Учитель смотрел на мальчиков, и внутреннее течение жизни подсказывало ему, к чему склонен каждый малыш, что из него может вырасти. Свитки, заполненные Небесной Канцелярией, чуть приоткрывали записи, чтобы Учитель мог сверить с ними свои ощущения.

Вот Бэай. Он появился на свет с очень светлыми волосами, за что и назван был Белым. Ему ещё не минуло семи вёсен, однако крепкая косичка уже чернее смолы. Он старательно учится всему и стойко терпит наказания за ошибки, но способен расплакаться, когда наказывают его друзья. Надо будет наречь его Минг — Чувствительный.

Вот Яозу — такой кроха, а уже столько выучил об истории мира! «Почитающий предков» подходит ему куда больше, чем «Донг», «Зимний», данное родителями при рождении.

А вот Лю Чу. Родители нарекли его «Прямым Лучом». Он, сын воина, ничем не отличался от своих ровесников, кроме умения всегда оказаться там, где ему надо, для получения того, что выгодно именно ему. Насколько хватало ума, Лю подгадывал и подстраивался. Пока все эти уловки были как узор алой нитью на жёлтом полотнище. Думать о том, чем это всё может обернуться в будущем, надо было уже сегодня.

Как, например, сейчас. Учитель ещё не собирался звать детей на занятие, но Лю Чу, расправив складки на одежде и поправив отвороты новеньких сапожков, степенной походкой взрослого подошёл к нему. Нет, он не забыл о приветственном поклоне, но в улыбке его за почтительной вежливостью мерцала такая странная для такого юного создания жажда наживы!

— Учитель! Скажи мне, прав ли был я, что принёс тебе в руки того младенца?

Тогда как раз работала способность Лю попадать в совершенно неожиданные места в совершенно неожиданное время, и это он нашёл наречённого Йи Дзем, это с ним сама, лично, пожелала поговорить Алая Лента, это от неё Лю Чу получил в дар за правильный поступок эти новые сапожки.

Учитель ответил вопросом:

— А ты мог бы отнести его куда-то ещё?

Такого поворота Лю не ожидал. Его детское личико немедленно отразило всю игру охвативших эмоций, от гордости, что Учитель ведёт с ним взрослую беседу и задаёт вопросы не на уроке, до испуга, что после первой же фразы разговор свернул в болото непродуманных ходов.

— Я... — он даже забыл поклониться перед ответом. — Я, кажется, нет... или да...

— И куда же?

Учитель был спокоен. Тон его голоса оставался доброжелательным и ровным.

А у Лю задрожали пальцы — от растерянности даже не спрятал руки в рукава, как это всегда делали наставники и старшие ученики. А ещё задрожали губы. Голос тоже:

— Я... отнёс бы его в лазарет, целителям... или на кухню, красавицам...

— Но ты принёс его ко мне. Почему?

Учитель знал ответ. Лю Чу и не подумал скрывать радости, охватившей его, когда он обнаружил будущего палача, младенца под вишней. Он вручил найдёныша наставнику со словами «я нашёл того, сравнивая с кем, ты назовёшь меня лучшим своим учеником».

Но вопрос задан.

— Я... — Лю немного успокоился, выпрямил спину:

— Я скоро встречу свою седьмую весну, и ты начнёшь учить своему ремеслу меня и тех

троих, кто живёт сейчас в одной комнате со мной, а он ещё младенец, и его ты нескоро начнёшь обучать, и я намного обгоню его в обучении и стану лучшим.

Учитель не улыбнулся, хоть и очень хотелось:

— Он палач по праву рождения, и его я уже начал обучать всему, что должен уметь палач, ты же палач по выбору твоей матери и начнёшь изучать ремесло лишь после седьмой твоей весны. К той поре он уже обгонит тебя.

Учитель не шутил, и Лю это чувствовал. Его снова охватила буря эмоций.

Он же выстроил такой хороший план, как станет лучшим учеником, ведь быть лучше четверых интереснее, чем быть лучше троих — а тут такое крушение всех надежд...

— Но, Учитель, — начал он говорить, ещё не зная, что скажет, и тут же запнулся.

Учитель подождал немного и спокойно, доброжелательно объяснил малышу:

— Ты совершенно верно заговорил о том, что скоро встретишь седьмую весну.

— Да, да, Учитель! Я уже почти совсем взрослый! — Лю показалось, что верная тропинка сама ложится под ноги.

— Ты прав. Ты уже совсем взрослый.

Услышав, что слово «почти» из уст наставника так и не прозвучало, Лю вновь расправил плечи.

— Ты взрослый, и я тебе, как взрослому, назначаю первое наказание — семь плетей, за неподобающую позу при разговоре с учителем.

Лю на миг застыл с широко распахнутыми глазами и открытым ртом, но сразу же вспомнил о руках, спрятал ладони в рукава. Те неловко подвернулись, и стало ещё хуже, чем было.

Но Лю помнил, как реагировали на подобные слова учителей старшие ученики и попытался, как мог, повторить, склоняя голову:

— Бла... благодарю...

Учитель с каменным лицом приказал:

— На колени. За науку благодарят поклоном на коленях.

Да, Лю видел и такое, но не придавал значения, а раз Учитель так сказал, то так и надо, однако недавно прошёл дождь, и у мальчика сложились совершенно непредвиденные обстоятельства:

— Но я измажу новые сапоги!..

Учитель ведь знал, что они — предмет особой гордости, что Лю к ним относится особенно бережно, и должен был понять, что не всякую обувь можно изгаздать в грязи.

— Девять и две плети, Лю Чу, ученик палача. На колени. Благодарю за науку.

Глаза мальчика, в которых плескались слёзы испуга и недоумения, встретились с непроницаемым взглядом Учителя.

Он поступал так не потому, что был жесток, но потому, что хотел дать шанс каждому ученику вырасти хорошим человеком.

Даже если от человека в нём только часть.

Глава 3. Полудемон

— Ма-ма! Мама, заплети мне косу!

Лю ворвался в дом, как маленький ураган.

Крепкий, рослый для своих семи лет, он унаследовал от мамы завораживающую миловидность. Яростная вспыльчивость досталась ему от покойного отца.

— О мой юный воин! Разве ты не плетёшь свои косы сам? — вкрадчиво зажурчала Йогоаи1.

— Ну ты что, мама! Ты разве не видишь?! — мальчик встряхнул руками, и алые брызги разлетелись по комнате.

Несколько крупных ярких капель попали на лицо матери юного воина, прекрасной, как картины старых мастеров на шёлке.

Тут же расплылись в бахромчатые пятна, замерцали на миг сине-белыми искрами и втянулись в гладкую белую кожу как и не бывало.

— Ты дежуришь на кухне? — в голосе красавицы зазмеились обманчиво-нежные нотки.

Она слишком хорошо знала, насколько ленив её сын, а также знала, на какие жертвы готов пойти, лишь бы ничего не делать.

От кого ему досталась эта черта, не знал никто.

— Нет! — возмутился Лю. — Не на кухне! Я на этой неделе дворник! А эти гадёныши снова мне чуть палец не отчекрыжили!

Пару дней назад Йогоаи уже лечила жестоко, до кости распоротую ладонь малыша. Он обманывал её, рассказывая сказки про лопнувшую в ткацком станке струну — от струны такой раны не могло появиться, зато и к ткачихам-прядильщицам с глубокой раной его больше не пустили, велели отдыхать, пока не подживёт.

А теперь заговорил о каких-то «гадёнышах».

— Ну-ка, покажи-ка мне, о ком ты говоришь.

Йогоаи не меняла тона голоса, но Лю заметно съёжился, чуя подвох, и попробовал настоять на своём:

— Заплети мне косу, мама!

— Покажи мне руки. Обе. И... гадёнышей.

Мальчик засопел, насупился.

Он научится держать себя в узде, будет лгать, как дышать, и его ложь смогут чувствовать лишь драконы, Алые Ленты и учителя вроде того, кто взял Лю под защиту в память о своём погибшем ученике. Но пока он так мал, что и не думает о том, как просто прочитать истину по суетливым жестам, по играющим на лице бровям: сдвинул, не хочет показывать, вскинул, хочет просить совета, одну придвинул к переносице, вторую приподнял, думает, просить ли сначала лечить пальцы или заплести косу...

Йогоаи погладила сына по голове:

— Покажи руки, юный воин. Покажи, и я исцелю их.

Тяжело вздохнув, Лю протянул матери обе руки.

Полы придётся мыть — на них тут же закапала кровь; одежду мальчика выстирать, да и самого его помыть не помешает. Судя по исполосовавшим пальцы и ладошки малыша разрезам, ему довелось не на жизнь, а на смерть сразиться с крошечным мастером клинка.

Кончики пальцев Йогоаи замерцали еле видимым в лучах солнца синеватым светом. Там,

где она касалась рук сына, кровь, текущая по его коже, испарялась, красные облачка рассеивались на пути к врачующим рукам...

Мальчик зевнул:

— Ну, а теперь косу, да?..

— А теперь показать маме «гадённышей», после купаться и переодеваться, — вздохнула, облизываясь Йогоаи.

Лю фыркнул:

— Я так и знал, что ты всё равно попытаешься их у меня отобрать... на! Смотри.

Он засунул руку, на которой остались еле заметные волоски шрамов, за пазуху и тут же взвыл:

— Гадённыши! Оба! Гадённыши!..

Всхлипывая от боли, злости и обиды, мальчик вытащил из нагрудного кармашка два маленьких клинка.

Йогоаи не сдержала улыбки: крохотные для взрослой руки, но от центра ладони до кончиков пальцев семилетнему богатырю, изящные, аккуратные, чуть изгибающиеся на концах, два ножика успели по новой изранить ладонь Лю, пока он доставал их на свет. Кровь на лезвиях вытягивалась тоненькими жгутиками по желобкам, рисовала хищные улыбки на лунном серебре левого и солнечной ртути правого.

— Вот это да, — покачала головой Йогоаи. — Лю, скажи мне, тебе их дал Учитель?

— Не-эт, — удивился мальчик. — Он вообще про них не знает!

— А кто тебе их дал?

— Да никто! Никто не дал! Я сам взял... сам нашёл!

Йогоаи хитро прищурилась:

— Хорошо! А у кого ты их сам нашёл?

Лю решительно сдвинул брови к переносице, стараясь убедить то ли маму, то ли себя самого:

— Да они ему всё равно не нужны! И всё равно я нашёл его, а значит, и их тоже нашёл! Сам! Вот!

— Хорошо... — задумчиво протянула Йогоаи.

Всё встало на свои места.

Пару недель назад Лю нашёл под вишней у входа на земли клана младенца. Там оставляли детей красавицы, которые родили от палачей... или красавицы, которым в силу каких-то причин не хотелось оставлять себе именно этого ребёнка.

Лю нашёл мальчика, оттащил его Учителю и ходил гордый, как павлин, почти неделю. Алая Лента ему подарила новые сапожки, так одаривают первого, кто увидит младенца, но не имеет кровного родства с ним.

Найдённыша нарекли Йи Дэй, что значит «яркий прямой», за не по-детски спокойный взгляд чёрных глаз. Сама Йогоаи ещё не видела малыша, то тем, кто рассказывал, верила.

— Значит, это клинки в косу Йи, — она не спрашивала, утверждала, но Лю не смог промолчать:

— Да у него никакой косы и в помине нет! Ты о чём, мама! Вплети их лучше мне, если умеешь! Раз я нашёл, то я и буду носить!

«вплети, вплети, вплети ему, так нам проще будет, проще будет его зарезать»

Йогоаи вздрогнула, хоть с первой секунды признала Живой Металл.

Не всякому Мастеру Оружия давалась работа с ним, не у каждого из тех, кому он

подчинялся, рождались Стальные Женщины — разумные клинки, сами выбирающие себе хозяев.

«он же вас нашёл, зачем вы вредите ему?» — осторожно спросила Йогоаи клинки.

«мы не принадлежим ему, никогда не будем принадлежать ему, ни слова не скажем ему, мы убьём его, убьём, убьём»

Голоса звучали в унисон.

— Но со мною вы говорите! — улыбнулась Йогоаи, отвечая клинкам вслух.

«ты родственная нам сущность А с ним мы говорить не будем И пусть не думает вплетать нас в косу, если не хочет быть зарезанным»

— Кто?.. Кто говорят?.. — испуганно присел Лю. — Мама? Мама, ты с кем?!..

— Я с ними, — указала ресницами на клинки Йогоаи. — Это Стальные Женщины.

— Ого, кого я нашёл! — тут же забыл и о боли, и о злости Лю.

Страха тоже не осталось:

— Они ж теперь мои! Ну, я знаю, что, раз я их не слышу, то не мои, но я же могу теперь их продать! Они ж дорогушие!..

Йогоаи покачала головой:

— Подставляй руки, о будущий воин. И ступай плести себе косу, но к этим Стальным Женщинам прикасаться не смей. Они хотят тебя убить.

— Уговорила, — сделал одолжение Лю. — Я возьму тогда салфетку и спрячу их... вырасту — разберёмся!

1
Éguï — «демон»

Глава 4. Новые тени

До шестого полнолуния Йи Дэй добрался, изрядно прибавив и в росте, и в весе, хотя накормить его оказалось той ещё проблемой: первым делом он научился шустро убежать на четвереньках, мастерски прятаться от заботливых рук следящих за малышами красавиц, уворачиваться от бутылочек с молоком. Спал помалу, все шутили, что выспался на всё младенчество вперёд за первые два месяца жизни. По-прежнему не плакал, даже не пытался издавать звуки.

Учитель сам осмотрел его по просьбе обеспокоенных немотой малыша красавиц. Сказал, что с голосом должно быть всё в порядке и надо подождать — мальчики не всегда начинают говорить рано.

Выворачиваясь из рук красавиц и уползая от всех желающих поиграть с ним, он мог часами сидеть рядом с Учителем, даже когда тот проводил занятия со старшими ребятами. Не мешал, просто сидел. Учитель только следил, чтобы Йи усаживался не прямоком на камни или землю, и постоянно давал поддержать ему то одно, то другое, всё, что попадало под руки. Учил уходу за оружием — в маленькие ручки Йи Дея попадали громадные для него метательные ножи, дротики, иглы, иногда и большие ножи, иногда и боевые мечи. Их Учитель просто клал рядом с малышом. Учил основам пыточного ремесла — и рядом с Йи оказывались крюки, крючки, крючочки, иглы, ремни, верёвки, ленты, цепи...

Красавицы не приходили к Учителю — шли прямоком к Алой Ленте, выяснять, что за странная метода такая, у полугодовалого мальчика все руки и ноги изрезаны, исколоты, исцарапаны! Да он, наверняка, потому и спать перестал, что у него болит всё тело! Алая Лента в ответ могла только ссылаться на волю Небесной Императрицы, согласно которой Учитель растит палача, а палач от рождения должен знать, что такое боль, и должен знать границы собственного терпения.

Красавицы разворачивались и уходили. Не пристало перечить воле Небесной Императрицы, но как же не возвращаться раз за разом за пояснениями, принося Алой Ленте мальчика со свежими порезами на руках, на ногах, на лице... Глава Клана брала малыша на руки и уносила в лазарет, объясняя, что, конечно, и она умеет лечить царапины, но всё же каждый должен исполнять то, что начертано ему в свитках Небесной Канцелярии. Пусть лечат — целители. А учить Йи Дэй будет — Учитель. На вопрос, не желают ли красавицы поговорить с ним лично, они неизменно отвечали отказом.

Да, Учитель Клана — человек, отрешившийся от всех имён и званий ради того, чтобы учить детей, но ведь начинал он свой путь палачом. Палачи — не те, к кому можно просто так подойти с разговором.

Йогоаи подошла.

Она часто делала то, что неспособны были сделать другие, решалась говорить о том, о чём молчали все прочие.

— Я чувствую, что заканчивается срок моего пребывания в Поднебесной Империи. Потусторонняя Контора призывает вернуться в Тёмные Палаты.

Учитель мягко улыбнулся:

— Начиги! говорил мне, что ваша любовь ночами затмевает сияние Холодного Дворца на небе. Я и верил, и не верил, но то, что ты оставалась рядом с вашим сыном семь лет...

Тёмные Палаты иногда отпускали в мир людей своих жителей — демонов. Если их вела похоть, они обретали плоть лишь на время, которое требуется для удовлетворения желания. Если вела страсть — о, похоть и страсть демонов различались сильнее, чем людские.

Люди называли страсть жителей Потусторонней Конторы любовью.

Страсть дарила силы демонам и демоницам удерживать в Поднебесной Империи божественно прекрасные тела и лики всё то время, что человек, на которого нацеливался демон, продолжал любить и хотеть его.

Крайне редко демонов обурежала страсть к людским красавицам. Зато демоницы приходили в мир людей сопровождать по жизни избранных ими мужчин то там, то здесь. Это считалось обычным делом.

Идеальные, прекрасные во всех отношениях, демоницы, если страсть их была сильна, способны были даже дарить мужчинам детей. Полудемоны всегда рождались мальчиками, красивыми, не слишком умными, зато сильными, здоровыми, редко-редко предлагали себя в мужья красавицам, когда вырастали, и никогда не оставляли потомства.

Когда умирал или погибал мужчина, на которого была обращена страсть демоницы, создание Тёмных Палат истаивало в считанные часы, не умея больше удерживать необходимое для жизни тело.

Начиги погиб от ран, полученных в бою, когда их с Йогоаи сыну не было ещё и года. Перед смертью воин просил Учителя взять в ученики Лю — и Учитель принял на себя обязательство помогать сыну демоницы. Готовился искать для него кормилицу, подбирая дом, в котором не откажутся растить полудемона, но час шёл за часом, день за днём, умирала и вновь рождалась Луна... казалось, Тёмные Палаты забыли о Йогоаи, позволили ей растить плод страсти с человеком.

— Семь лет и два дня, — прошептала Йогоаи. — Я знаю, сыну исполнится семь, ты наречёшь его своим учеником, и я даже порадуюсь за него день и ещё один, а потом... потом обо мне даже памяти не останется... разве что ты будешь помнить.

— И Лю, — тихо подсказал Учитель.

— Если бы! — горько усмехнулась Йогоаи.

Её прекрасное лицо, жемчужным облаком сияющее в сумерках, словно покрыла сеть трещинок сродни тем, что проступают на древних фарфоровых статуэтках.

— Ах, если бы, — с грустью повторила она. — Лю забудет обо мне. В тот же день.

Всю прошедшую неделю ученики, красавицы и юноши, сдавали экзамены, получали в подтверждение принятых на себя обязательств татуировки, согласованные с Небесной Императрицей, готовились к празднику, на котором юноши получают право называться мужчинами.

Поле Смены Имени, где вечером соберётся весь клан, украшали флагами, лентами, цветами; ставили шатры, готовили яства. Мастера Огненной Пыли расставляли по им одним понятным местам особые корзинки: сегодня в ночь в небеса взвьются сотни тысяч фейерверков. Подкреплённые магией, разноцветные огни подарят всем зрителям красоту, мимолётную, как человеческая жизнь.

Учитель чувствовал, что без гостей в этот день не обойдётся. Течение жизненных сил подсказывало, что на самой границе дня и вечера ему встретится то, что пробудит горе, но дарует радость. Что это будет, он даже не пытался представлять, но к приходу незваных гостей оказался готов.

Краткие минуты, в которые день становился вечером, предназначались для того, чтобы вступающие во взрослую жизнь красавицы в алых почти свадебных платьях и юноши в чёрном, как учёные мужи, сменили имена, как меняет облик небо. Никто не ожидал, что длинную вереницу молодых людей, по одному подходящих к Алой Ленте за благословением, возглавят один за другим выходящие из Тени мужчины.

Выстроившись в ряд, они преклонили колени перед Алой Лентой. Заходящее солнце пятнало траур их одежд, белоснежный, как вершины гор, золотом, словно сама Небесная Императрица ставила на них свою печать.

Один, плечистый крепыш, поднялся во весь немалый рост и заговорил голосом, густым, как туман в низинах Вышних Пиков:

— Алая Лента! Клан Нефритовой Богини! Мы, пятеро Теней из кланов Зимней Свечи Белого огня и Нефритовых Скрижалей, умерли для своих кланов, чтобы заменить собой безвременно покинувших клан Звёздной Императрицы Теней. Я принимаю имя Канг².

Единым выдохом живущие в клане подняли ветер, всколыхнувший полы праздничного одеяния Алой Ленты.

Канг склонился в церемониальном поклоне, которым меняющий имя испрашивает разрешения на это сразу у Небесной Императрицы и у представляющих её волю на земле.

Один за другим поднимались с колен и склонялись перед Алой Лентой и другие мужчины:

— Алая Лента! Клан Нефритовой Богини! Я принимаю имя Зихао³!

— Алая Лента! Клан Нефритовой Богини! Я принимаю имя Цингсан⁴!

— Алая Лента! Клан Нефритовой Богини! Я принимаю имя Йонгруи⁵!

— Алая Лента! Клан Нефритовой Богини! Я принимаю имя Энлэй⁶!

Сердце Учителя пропускало удары с каждым именем. Желание закрыть глаза, закрыть и не видеть, не видеть и не помнить более этой страшной в своём величии сцены, с каждым вдохом становилось всё жарче, сжимало когтистую лапу на горле всё туже...

Но это стало бы предательством.

Предать своих учеников он не мог. Продолжал смотреть. Слушать голоса нового Канга, нового Йонгруи... смотреть на улыбку нового Цингсана.

Голос Алой Ленты дрогнул, когда она заговорила:

— Я... я, Алая Лента клана Нефритовой Богини, принимаю в свой клан и беру под свою опеку тебя, Канг!..

Она справилась с собой, и следующие фразы дались ей гораздо легче:

— Я, Алая Лента клана Нефритовой Богини, принимаю в свой клан и беру под опеку тебя...

Церемония не предусматривала этого, но что-то свыше подсказало всем, кто пришёл на Поле Смены Имени, опуститься на колени в поклоне. Выразить иначе свою благодарность живым людям, отрешившись от своих жизней, они не могли.

Пальцы Учителя помнили лихорадчный жар мёртвых век Канга, в считанные часы сгоревшего от колдовского оружия.

Канг, балагур и весельчак, всегда знал, когда нужно остановиться, чтобы никому не мешать весельем и шутками, из него получился хороший муж для красавицы-вышивальщицы Жилан⁷, он стал бы правильным отцом двойняшкам, не успевшим родиться при его жизни.

Новый Канг не был похож на прежнего ни единой чертой, ни во внешности, ни в

характере.

Учитель одёрнул сам себя: что он, как маленький, ищет поверхностного сходства в наречённых одним именем!

Доведя Нового Канга до дома, где жил прежний, Учитель так и не решился задать вопрос — однако у самых дверей Новый Канг дал на него ответ. Просто так, просто потому, что слова сами просились наружу и были той частью реальности, без которой не мог завершиться вечер:

— Нас никто не принуждал. Нам никто не приказывал. С нами говорила Небесная Императрица устами Звёздной Императрицы... через Алых Лент. Мы все понимали, потеря одного воина Тени для сторожевого клана — невозможная утрата. Потеря пятерых сразу — великая опасность. Небесная Императрица даже не просила нас о такой помощи. Но... это наш выбор. У каждого из нас были свои причины. Я — Канг, потому что год назад схоронил жену и сына. Я не готов предлагать себя другой красавице! Я, слушая Небесную Императрицу, понял, что готов быть опорой и поддержкой той, что потеряла мужа.

Учитель не знал историй других новичков — пока не знал! — но услышал главное: у каждого Нового воина Тени были свои причины оставить в прошлом прежнюю жизнь.

1

Nàoshìguǐ — забияка

2

Канг — Благосостояние

3

Зихао — Героический сын

4

Цингсан — Процветание

5

Йонгруи — Удачливый

6

Энлэй — Польза

7

Жилан — Радужная Орхидея

Глава 5. Вечные

Маленькие мальчики быстро вырастают. Согласно древней мудрости, быстрее всего растут чужие дети, а пока растут свои, каждый день тянется как сто и два года. Учитель всегда помнил это, и каждый раз, принимая на воспитание очередного младенца, краем сознания успевал зацепить извивчивую как горная змейка мысль: его собственная жизнь так длинна лишь потому, что в ней всегда есть маленькие дети. Медленно растущие, потому что — свои.

По Небесному Закону Нефритовых Скрижалей у палача не должно быть семьи, кроме клана, жены, кроме кнута, и детей, кроме воспитанников. Но воспитанники всё равно дети. Нарекая новыми именами мужчин в чёрных халатах, Учитель каждый раз видел перед собой глаза годовалых птенцов в золотом и понимал: в той древней мудрости простор для осознания сарказма — свои дети растут ещё быстрее чужих.

— Ну, юный палач Йи Дэй, будешь с нами разговаривать? — спросил Учитель малыша, завязывая покрепче пояс императорски-золотого халата.

Одежду такого цвета надевал хоть один раз в жизни каждый человек, в ознаменование завершения первого года жизни.

Чёрные, как самая безлунная ночь, глаза мальчика смотрели всё с той же осознанной прямоотой, которая сразила прямо в сердце старого Учителя год назад. За весь этот год Йи только несколько раз смеялся, ни разу не плакал и не сделал ни единой попытки заговорить. После вопроса нахмурился и старательно выговорил:

— Жашем?

По спине пробежал холодок.

Да, Учитель со спокойной уверенностью отвергал предположения Алой Ленты о том, что в маленьком Йи Дэе обрела воплощение бестелесная сущность Вселенского Зла, но столько совпадений... если даже предположить, что смерть лучших воинов клана в день появления малыша была просто случайностью, и не вспоминать другие пугающие приметы... он же сам учит своих детей, что совпадений не существует, есть только не до конца изученные закономерности.

Должен ли годовалый малыш интересоваться у взрослого, зачем ему с ним разговаривать, Учитель не знал.

Нет, знал. Не должен! Но согласиться с тем, что он не ослышался, значило признать, что этот сын палача, оставленный под вишней, не так-то прост.

Постаравшись не выдать своего замешательства, Учитель доброжелательно улыбнулся, ещё раз поправляя завязки на костюме Йи:

— Например... например, чтобы у нас что-то спрашивать.

— Ука во?

Год. Ему только год. Всего лишь. Он произнёс третье в жизни слово — поддерживая осмысленную беседу! Небесная Императрица! Направь мои мысли туда, где меня ждёт указанный в свитках Небесной Канцелярии поворот!

Солнечный луч, оттолкнувшись от зеркальца над окном, запрыгал по стенам, и Йи тут же снова стал годовалым ребёнком, с чистым безмятежным лицом без тени раздумий следящим за пляской солнечных зайчиков.

Но вопрос был задан, и Учитель решился ответить, чувствуя тёплое пожатие пальцев

Небесной Императрицы — на запястье:

— Ты хотел бы что-то узнать у меня?

Секунду назад Учителю казалось, что за игрой зайчиков смотрит восторженный малыш — но настоящий восторг отразился на его лице, когда он обернулся к нему и затарахтел, как клавишные колокольчики под молоточками неумелого музыканта. И сам же разочарованно умолк.

— Вот видишь, ты, оказывается, хочешь с нами разговаривать, но не можешь, потому что не умеешь. Чтобы уметь, надо учиться. Так будешь с нами разговаривать, юный палач Йи Дэй?

Тяжко, по-взрослому вздохнув, малыш кивнул.

— Нет уж, вслух, пожалуйста!

Учитель продолжал вести себя, как ни в чём не бывало, но сам вдруг понял: надо ехать в Циньдар. Надо ехать в главную библиотеку. Узнавать, что ещё знали в прошлом о том, каким может стать будущее.

Не может быть, чтобы этот ребёнок был воплощением Вечного Зла.

Не должно.

Но чем иначе объяснить вот хоть этот разговор...

Запряжённая волами повозка неспешно пылила по широкой накатанной дороге от Клана Звёздной Императрицы к Циньдару.

В эту зиму, как и в прошлую, на равнинах снегов не было, даже заморозки по ночам не баловали посещениями, но и дождей не шло, и пыли набралось в избытке. За дорогой ухаживали: оттоком от Белой Реки Бэйцзе промывали каждую весну, заодно избегая паводка в столице. После привозили песок от Жёлтой реки Сианцзе, плоские камни от Вышних Пиков, аккуратно выкладывали камни на песок, ремонтируя пришедшие в негодность участки...

Учитель спокойно рассказывал это всё и многое другое своим ученикам. Он взял с собой годовалого Йи Дэя, чтобы показать его Звёздной Императрице: её тоже волновали узоры совпадений и случайностей, сплетённые вокруг этого маленького человечка. Ехали в Циньдар Яозу — он давно мечтал увидеть самое большое книгохранилище страны, и Учитель чувствовал, что мальчику доведётся остаться в столице надолго, если не навсегда, — Новый Канг, пара воинов, целитель Цуею и Лю Чу. Без последнего вполне можно было бы и обойтись, но Учитель счёл важным показать растущему зазнайке, какой может быть жизнь за пределами клана. Объяснил, что эта поездка — не награда за достижения, а ещё один экзамен, сдавать который придётся ежеминутно, и в Циньдаре, и в пути.

Пока ещё Лю обдумывал слова Учителя, прикидывал свою выгоду, тот уже делал выводы: во время остановки у колодца все, и возницы, и путники, пошли таскать воду для волов, в повозке остались сам Учитель с маленьким Йи — и Лю, притворившийся крепко спящим. Теперь оставалось только ждать, перевесят ли хорошие поступки этот проступок за время путешествия.

Иногда Учителю казалось, что у него всего два слушателя: впитывающий знания, как рыхлая ткань вбирает воду, Яозу — и маленький Дэй. Понимал ли он что из рассказов наставника, можно было только догадываться. Слушал, улыбался, отвлекался на пролетающих птиц, пробегающих белок и зайцев, встречные повозки, обгоняющих верховых,

пеших путников... Он теперь старался говорить как можно чаще. Сначала Учитель даже насторожился, очень уж гладко малышу давались слова. Потом Лю, крайне ревностно относившийся к Йи, подсмотрел сам и донёс Учителю: Йи, стоило ему остаться одному, много-много раз подряд повторял одно и то же слово, потихонечку, чтобы никому не мешать. Как только оно начинало получаться понятно, принимался повторять другое. Во взгляде Лю читалась надежда, которую заметили бы даже слепые, на то, что жестокий наставник, приравнивающий младенца ко взрослым, примется его наказывать так же, как наказывает всех своих учеников. А Учитель просто стал посылать к Дэю молодых красавиц и палачей, освоивших все двадцать один и два диалекта и языки дальних стран, так же, как посылал их к другим будущим палачам. Он всегда говорил своим ученикам, что воинам можно не знать других языков, кроме родного диалекта, на котором говорят соседи, и Старшей Речи, из которой берут имена, но палач должен понимать, что говорят его жертвы на допросах, а мало ли, на каком языке они заговорят.

Новый Канг — Учитель никак не мог начать называть его мысленно просто Кангом — перебрался от возницы, с которым ехал рядом последние пару часов, к остальным.

— Учитель, — с поклоном завёл он речь, — Учитель, мне не нравится тишина вокруг. Нет встречных, давно уже нет встречных, ни всадников, ни пешеходов, и никто нас не догоняет...

Учитель прислушался к себе. Попытка обратиться к течению жизни запела внутри протяжной нотой горной чаши. Пусто внутри, пусто снаружи, суть имеет только каменная граница, через которую не пробиться настойчивому сигналу тревоги.

— Ученики. Ложитесь на дно повозки. Быстро.

Он ещё не успел отдать приказ, а воины уже взялись за луки, готовя стрелы. Новый Канг, перемахнув через борт повозки, ушёл прыжком в Тень.

Лю Чу первым нырнул под сиденье, целитель под второе отправил Язу, сунув ему в руки Йи, сам вытащил из ножен Баожей — Драгоценную Шпильку. Пока никто из своих не ранен, можно задать работы целителям противника.

Волы остановились. Один из возниц закатал рукава, освобождая доступ к метательным ножам. Второй был готов в любой момент возобновить движение. Учитель встал на борт повозки, выпуская на волю из петли кнут.

Дэйю, Чёрный Нефрит, казалось, слушается даже мыслей хозяина. Направляют её движения рук Учителя или его боевая магия, но чёрный, глянцево-поблёскивающий «хвост» вьётся, словно принохивается к тишине и пустоте вокруг.

Знойным маревом дрожит воздух позади повозки, готовясь выпустить из Тени что-то чуждое самой жизни. Учитель поворачивается на носках, отправляет Дэйю в бой, и летящую напрямик на повозку чёрную тушу одновременно рассекают меч Нового Канга и металлический коготь на конце кнута.

Паук.

— Не расслабляться! — кричит Учитель. — Это хэнги! Их двое! Всегда!

Известную опасность проще встречать, чем неведомую, и второго хэнга принимают снова Канг и два метательных ножа возницы.

Пауки огромны. Празднично яркие в лучах зимнего солнца свадебно-алыми и торжественно-жёлтыми пятнами на чёрных боках. Быстры — пока не умрут.

Но хрупки.

— Не трогать! — приказал Учитель. — Не прикасаться! Ножи и мечи чистить тканью,

ткань сжечь!

Учитель обтёр конец кнута, измазанный в ядовито-зелёной крови чудовища, поделился тканью с Кангом и возницей, сложил на дорогу тряпки, приказал им гореть — поющая чаша внутри утихла, и он снова слышал течение жизни. На дороге вновь появилась встречная повозка, с боковой тропы выходили пешие путники... воины побежали предупреждать об опасности.

Придушенный писк со дна повозки заставил взрослых вспомнить о детях: Лю Чу самозабвенно душил Йи, одновременно отбиваясь от Яозу.

Целитель успел первым, поднял Лю за волосы, отбрасывая ногой подальше от него кашляющего малыша.

— Это же он! Это он их позвал! — орал Лю Чу. — Он их позвал! Вы не слышали, а он повторял: «пауки, пауки»! А мы их ещё не видели!

Учитель усадил Йи Дзя рядом с собой. Собранные воинами в кучу тряпки и останки пауков уже догорали, магический огонь сам погаснет с последней крошкой назначенного к сгоранию, и пора продолжать путь.

— Ты знал, кто наши враги сегодня?

Йи кивнул. Вспомнил, что надо разговаривать, и добавил:

— Да.

Если бы только Учитель умел читать мысли! Но пока он умел читать лишь движения и дыхание, и нервное ёрзанье мальчика о многом ему сказал.

— Как давно ты знал, кто наши враги?

— Неда в но, — старательно выговорил он ещё не натренированное слово и сосредоточенно притих: ему пока ещё не хватало ни опыта, ни слов для того, чтобы объяснить, как всё было.

А как? Как всё было?

Все взоры обратились на Учителя и ученика, даже один из возниц, не правящий сейчас волами, перегнулся на борт повозки, слушать и смотреть.

— Те, кого мы видели, кого мы так легко убили, на самом деле не пауки, — заговорил Учитель так, чтобы слышно было всем. — Их было много в наших краях во времена моей молодости. Они по праву носят имя хэнги — Вечные. Если бы мы не сожгли то, что от них осталось, разрубленные части со временем соединились бы между собой, и эти твари жили бы дальше. Когда я был молод, все, кто умеет управлять огнём, ходили на охоту за хэнгами. Они живут глубоко под землёй, иногда в пещерах можно найти их гнёзда... почти никто из тех, кто находил, не смог вернуться. Хэнгам крайне редко нужна плоть людей для питания, они убивают лишь тогда, когда в гнёздах появляется молодняк. Надо теперь скорее добраться до Циньдара, предупредить, что хэнги вновь вышли на охоту. Вероятно, сегодня нам первым удалось заметить их до того, как они нас поймали. Они умеют дурманить разум, заставляя не видеть опасности. Я уверен, мы проехали по дороге мимо многих пустых повозок, даже не заметив, что они нам попались.

1Хэнг — Вечный

Глава 6. Печать на уста

Звёздная Императрица радушно приняла гостей, сразу же направила отряды магов и воинов охотиться на хэнгов — и в точности, как в своё время Алая Лента клана Звёздной Императрицы, провела параллели между появлением давно забытых монстров и Йи Дзем.

Сколько лет уже не было ни слуху, ни духу о неуловимых кровожадных чудовищах, но стоило появиться на дороге одному маленькому мальчику, в день рождения которого отравленными клинками убили пятерых лучших воинов, как сразу же собрали урожай людских жизней хэнги.

Не седьмое ли полнолуние его жизни вышло полным лунным затмением, которого не было ни в одном календаре? После него в лесах находили много мёртвых волков и лисиц...

Это не в тот ли день, когда он сделал первый шаг, вышла из берегов Синяя Река Дуаньцзе? Смыт урожай с полей, погибли не ожидавшие буйства стихии люди...

Чем больше совпадений подтверждали некую закономерность, тем выше становилась потребность Учителя защитить малыша.

— Нет. Хэнги, Вечные, неистребимы, но для того, чтобы люди вновь начали замечать их, им необходимо как следует расплодиться. Сейчас мы выкосим это их поколение, и вновь о них заговорят на исходе жизни моих учеников, которым сейчас лет по десять...

Звёздная Императрица чуть прикрывала сияющие изумрудным огнём глаза — верный знак того, что сейчас рядом с ней стоит и слушает всё сама Небесная Императрица — и соглашалась: да, так и есть, это решение подтвердили в Небесной Канцелярии.

— Нет. Полное затмение в третье полнолуние года всё же значилось в одном из древних календарей, о нём предупреждал Отшельник на Крокодиловом хребте, как раз говорил, что не следует привязывать это явление к жизни ребёнка...

Звёздная Императрица соглашалась: да, и её люди тоже бывали в горных храмах, крутили жернова драконьих каменных календарей, видели, что чешуйчатые мудрецы давным-давно просчитали и это затмение. Драконы точнее слышали решения Небесной Канцелярии.

— Нет, Синяя Река Дуаньцзе вышла из берегов потому, что в результате диверсии прорвало платину на водохранилище. Почему именно в тот день, когда пошёл Йи — единственно потому, что культисты, как всегда, опережают нас на шаг...

Звёздная Императрица еле заметно вздыхала: увы, увы, так и есть, и её палачи уже отправили на рассмотрение Небесной Канцелярии судьбы тех, кого удалось поймать в связи со взрывом на плотине.

Но...

Звёздная Императрица, в золотой парче, расшитой алыми фениксами, в сложной причёске и многоярусной короне, по традиции закрывающей её заговорёнными яшмовыми нитями пяти цветов по числу пяти стихий от всего злого, могла не опасаться дурного глаза и вредного уха: она беседовала с почтенным Учителем наедине, в саду, в увитой жасмином и розами, сбросившими на зиму листву, беседке.

Здесь она могла спокойно сообщить:

— Учитель, по моему указу, с полного одобрения Небесной Императрицы, мы нашли всех детей, рождённых в тот день. Поверь, именно в тот день ни один ребёнок больше не был подброшен ни одному клану. Рождались мальчики и девочки, и мы весь этот год продолжали

следить за каждым из ста одного и двух младенцев... ни один ребёнок, кроме Йи Дэя, не совпадал с другими предзнаменованиями... да, Учитель, ты скажешь, что не явилось двух Солнц на небе, не встали в ряд пять Лун в ночи, по необъяснимым причинам не умерло больше никого, кроме пятерых Теней...

Она замолчала надолго, и Учитель рискнул подсказать ей вереницу обозначенных в предсказании о воплощении Вечного Зла примет:

— Не шёл дождь из рыб и жаб над столицей, не пришли к Горному Храму сто юных девственниц, чтобы покончить с собой, не звали в ночи невидимые барабаны...

Императрица закрыла глаза, гася изумрудное сияние, улыбнулась:

— Да, да, Учитель, ты прав. Я верю, даже не так, я знаю, что на самом деле всё куда проще, а мы сейчас цепляемся за несущественные совпадения. Но мы же люди, мы всегда будем стремиться прочесть на строку дальше того, что открывается нам с каждой минутой из свитков Небесной Канцелярии. Если бы совпадали все строки предзнаменований, Йи Дэй уже был бы мёртв. А так... за этот год мы не сумели отыскать его родителей, и сама Небесная Императрица молчит мне в ответ на прямой вопрос, кто они были... или есть.

— Благодарю, Ваше Императорское Величество! — Учитель сам не ожидал, что испытает настолько искреннюю благодарность — за то, что его любимому ученику оставили жизнь. — Благодарю, Ваше Императорское Величество! Вы сейчас всего лишь дали подтверждение моим подозрениям: скорее всего, отцом Йи был кто угодно, только не палач, просто, как это стало модно в последние времена у красавиц, под вишней оставили случайного, неудобного мальчика, чтобы он не мешал жизни родительницы.

Императрица с горечью усмехнулась:

— Увы, увы. Это слишком частая практика последних лет. Это слишком яркое свидетельство того, что нравы меняются...

За торжественной трапезой, устроенной в честь приезда гостей из сторожевого клана Нефритовой Богини, не утихали разговоры. Степенные и чинные — где красавицы и воины завели беседы с Учителем, лекарем Цуею и Новым Кангом; празднично-суетливые и звонкие — где хозяева помоложе взяли в оборот воинов и возниц. Яозу уже отпросился в библиотеку, его только и видели за столом, когда он рассуждал об истории возникновения блюд из карпов. А их здесь было в изобилии: и маленькие лунные пирожки с иероглифами, начинённые солёным карпом, и большие праздничные пироги с тушёным карпом, и «хризантемы» из карпа, белая со сладким сливочным соусом и чёрная с кисло-сладким пряным...

Пригожий и ласковый, старательно отряхнувший рубашку и штаны, умудрившийся даже почистить сапожки, Лю Чу, как картинка, сидел паинькой, обнимая Йи. Казалось, и не помнил, как совсем недавно нападал на него, пытаясь задушить. Зато отлично понимал, что к чрезвычайно спокойному, совершенно неразговорчивому и очень послушному малышу со всех сторон тянутся внимательные взгляды и добрые руки красавиц, от служанок до самой Звёздной Императрицы.

А значит, Лю просто обязан быть рядом с Йи, быть с ним милым и ласковым, травить при каждом удобном случае байки о том, как они друг друга любят, и ни одно вкусное яство не пройдёт мимо. Где фасолево-пирожное для Йи, там наверняка найдётся и второе для его лучшего друга. Где желейные конфетки для малыша, там и двух малышей угостят.

Золотистые бубенчики — Йи, Лю эти бубенчики уже не по возрасту, а вот мелкому в самый раз. А расписные шёлковые платочки, и с рыбками, и с птичками, оба сгодятся Лю Чу: он, в конце концов, их уже повязывать умеет, а до Йи пока ещё эти премудрости дойдут — так Лю оба износить успеет...

— Полудемон? — указала ресницами на миловидного мальчика Императрица.

— Полудемон, Ваше Императорское Величество... — вздохнул Учитель.

— Пройдоха и хитрец, уже в столь юном возрасте?

— О, пока только учится этим таинствам, но учится быстро... лучше б другому чему так же быстро учился.

— Он же полудемон, что с него возьмёшь.

Учитель задумался:

— Да я ничего и брать не собираюсь... я б узнать хотел, удавалось ли демоницам проводить рядом со своими детьми более пяти лет после смерти мужчин, на которых обращалась их страсть.

— Нет, — не задумываясь ответила Императрица. — Самый долгий срок составлял шесть месяцев, пока демоница кормила новорождённого грудью.

Учитель покачал головой:

— Йогоаи, его мать, пробыла со своим сыном семь лет и два дня. Почти шесть из них — после гибели мужа...

— Странно, — настала очередь Императрицы задумываться.

В её глазах, взгляд которых был обращён на Лю Чу, заплясали изумрудные искры: Небесная Императрица тоже заинтересовалась маленьким полудемоном, мать которого так долго не забирала к себе Потустороня Контора.

Гости из сторожевого клана Нефритовой Богини пробыли в столице долго: Учителю потребовалось много времени на изучение трактатов древних, на переговоры с коллегами из трёх других сторожевых кланов, на сопоставление фактов из жизни Йи Дзя с пророчествами о воплощении Вечного Зла. Читальные залы Библиотеки Столичных учительских палат стали домом родным, и наземные павильоны, и секретные подземные.

Часто Звёздная Императрица присоединялась к Учителю.

— Он не демон, — говорил Учитель. — Он не полудемон — вот, полудемон растёт рядом с ним, ест, пока не отнимешь, спит, пока не разбудишь, хитрит, ловит и изворачивается как только может, день ото дня всё изящнее и недоказуемее...

Звёздная Императрица, сияя зеленью глаз, смущённо призналась:

— Небесная Императрица говорит: Йи — Гибель Мира. Велит растить его палачом. Запрещает лишать жизни... Наверное, мы слишком сильно провинились в чём-то, раз Небесная Канцелярия настоятельно рекомендует идти, не сворачивая, к гибели...

Учитель поймал себя на мысли, что пробегающий вдоль позвоночника морозец — не сквозняк, его в этих залах быть не должно.

Значит, страх.

В то же время, страха он не чувствовал. Если только за мальчика.

Гибель мира. Подумать только. Воплощённое Зло, Гибель Мира, одно за другим сбывающиеся предсказания, остаётся пройти дождю из рыб и жаб...

— А ещё Небесная Императрица кладёт Печать на мои уста... и на твои уста... — едва слышно прошелестела Звёздная Императрица.

Зелёное пламя её глаз бросало блики на стены просторной пещеры, затмевало собой светильники в читальном зале подземной библиотеки, да они и сами собой один за другим гасли.

Крошечный изумрудный огонёк в кольце сложным образом переплетённых пальцев искрил и вытягивался сияющими нитями в разные стороны. Нити сплетались сложным пульсирующим узором, изменяющимся в каждом подрагивании.

Учитель видел такое не первый раз: Нефритовая Богиня всегда бережно относилась к красавицам, пропускающим сквозь себя её силу, ограничивалась искрами в глазах, но когда брала клятвы, позволяла себе более сложные проявления.

— Принимаю Печать, — опустился Учитель на колени в глубоком поклоне.

— Принимаю Печать, — эхом отозвалась Императрица, и, если б не многолетний опыт, Учитель не успел бы подхватить на руки её оседающее на пол тело.

Звёздная Императрица не подавала признаков жизни, и Учитель с силой вдвух вдувал воздух в её лёгкие, резкими нажатиями на грудь помогал замершему сердцу проталкивать по жилам кровь — одно из рёбер с глухим щелчком разломилось, — пока ресницы красавицы не дрогнули, распахивая чёрные-чёрные, без единой искры зелени глаза.

— Я... жива... — наверное, всё же спросила красавица, просто сил у неё было так мало!

— Жива, — погладил Учитель тыльной стороной ладони нежную щеку. — Я сломал тебе ребро... надо наложить повязку, пока никто не видит...

— Печать... — напомнила Императрица.

— Печать, — согласился Учитель. — Мы оба её приняли, потому и говорю: буду лечить так, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов. Мы же просто читали и обсуждали трактаты Цяна Личао...

Губы красавицы тронула невесомая улыбка:

— Цян такой молодец... Можно всю жизнь проклинать темноту, а можно зажечь маленькую свечку.¹

— Три пути ведут к знанию: путь размышления — это путь самый благородный, — подхватил Учитель, — путь подражания — это путь самый легкий, и путь опыта — это путь самый горький². Я бы хотел пройти путём размышлений, но...

Закончила за него Императрица, в глазах которой вновь замерцали блёклые зелёные огоньки:

— Но нам придётся пройти самый сложный, самый горький путь.

Отряды воинов и огненных магов вступили в бой с хэнгами на равных: человеческий разум против демонической жажды убивать любой ценой, мечи, кнуты, копья и огонь против ядовитых когтей, ведь достаточно крохотной царапины, и выжить человеку поможет только чудо...

Учитель сам выходил в рейды вместе с учениками, причём не всегда это были старшие по возрасту. Также не всегда в бой отправлялись лишь юноши и мужчины: умение обращаться с огнём повело на борьбу с хэнгами и красавиц клана: двух прачек, одну мастера татуировок, трёх вышивальщиц...

Алая Лента клана Нефритовой Богини досрочно сложила с себя полномочия, передав их приемнице, Вэнлинг, потому что мало кого так же слушался огонь, как её:

— Мне не хватит времени связывать воедино живущих в клане, слушать Небесную Императрицу и выжигать гнёзда хэнгов! Что случится со мной — знают лишь писари Небесной Канцелярии, поэтому отныне и до последнего моего вдоха я — Нуорэдэ!3 Это имя мне дали в тот день, когда я вступила во взрослую жизнь, под ним я и пойду в бой.

Сложно было оспорить это решение, но пара дряхлеющих красавиц, помогающих детворе советами с уборкой, всё же обратилась к Учителю:

— Скажи, Вэнлинг4 так молода, разве справится она с задачами Алой Ленты?..

Учитель шёл пообщаться с младшими учениками, едва успел отмыть с лица сажу и привести себя в порядок после похода. Он удивился:

— Не могу понять, о чём вы... При чём тут Вэнлинг и её молодость? Алая Лента связывает всех, живущих в клане... вслушивается в слова Небесной Императрицы... поддерживает связь со Звёздной Императрицей... не переживайте так, может быть, вам побольше отдыхать, раз у вас хватает сил только на разговоры?..

Красавицы смутились. Поняли: Учитель упрекнул их в пустословии.

А он продолжил свой путь к яслям. Его там ждало Воплощённое Зло, ясноглазый Йи Дэй.

О, Печать на устах!.. Ни Учитель, ни сама Звёздная Императрица не имели теперь права ни даже словом предостеречь окружающих о том, что Гибель Мира смотрит на них внимательными умными глазами малыша Йи.

1
из Конфуция

2
из Конфуция

3
huǒrè de — огненная

4
Вэнлинг — очищенный нефрит

Глава 7. Третья зима

Раз в сезон Учитель выбирался в столицу.

Весной вывозил в Оружейную Палату становящихся юношами.

В начале лета показывал Императорский Дворец девушкам.

Осенью провожал выходящих из клана учёных мужей.

В начале зимы вёз малышей клана праздновать день детей: клан Нефритовой Богини единственный из четырёх сторожевых обладал этой привилегией.

Разумеется, с малышами отправлялись и их матери, а в столичных павильонах, специально построенных для приёма большого числа гостей, их ждали и отменно украшенные залы для развлечений, и обильная еда в обеденных залах, и удобные комнаты для отдыха.

Достигших семилетнего возраста прекращали называть малышами и малышками и переставали возить в Циньдар на праздник: мальчиков и девочек привлекали к организации дня детей на территории клана.

Эта зима, третья для Йи, стала уже десятой для Лю.

В прошлом осталась война с хэнгами: мудрецы знали, что, сколько бы гнёзд ни было уничтожено, где-то затаилось хотя бы одно, от которого служащие Потусторонней Конторы отвели взгляд людей, но всё равно этот зимний праздник обещал стать особенно светлым и чистым.

Будущим палачам поручили изготовить из яркой бумаги шары для украшения арок вокруг праздничной поляны, и пятеро мальчиков в возрасте от семи до двенадцати лет дружно взялись за дело. Трое малышей, пока их ещё не увезли в столицу, приходили смотреть. Йи, самый младший, а глядя на него и двое оставшихся, выпрашивали ножницы: нет ничего сложного в том, чтобы вырезать по намеченным линиям необходимые фигуры, а когда так ловко орудуют старшие, так и хочется попробовать самим. Ведь бумажных фрагментов нужно так много, пойдёт любая помощь.

Лю с радостью отдал свои ножницы Йи, а вместе с ними и толстую стопу листов:

— Вот молодец! На, дарю! Режь быстрее, и смотри мне, только попробуй что испортить!

Йи сцапал «подаренное» и уселся поближе к светильнику — начинало вечереть. Лю пристроился рядышком. Судя по суровой решимости в его глазах, он пытался повторить виденный в исполнении Йогоаи фокус: поджечь бумагу силой желания.

— Полудемонам огонь не подчиняется, — поднял взгляд от работы Йи.

— Ты-то почём знаешь? — почти испугался Лю.

Надо же! Этот мелкий червяк слазил к нему в мысли и озвучил их!

— Я слушал, что рассказывал учитель Вэйж1на последнем уроке, — вернувшись к вырезанию, ответил Йи.

— Что-то я ничего подобного не слышал, — процедил Лю.

— Ты же спал, — напомнил Йи Дэй, и не успел он договорить, как стопа пёстрых листов разлетелась по комнате: Лю Чу вцепился в стойку воротника маленького нахала, вздёргивая его в воздух.

Подумать только! Он ещё смеет обвинять лучшего ученика палача в том, что тот спит на уроках! Ну и пусть это правда. Ведь всем известно, на уроках Вэйжа спят все!

— Что ты делаешь?.. — Деминг², старший из мальчиков, отложив ножницы, шагнул к Лю.

— Воспитываю этого сопливого! — встряхнул малыша полудемон, поднимая над полом ещё выше.

— Я уже выздоровел! — возмутился, дрыгая ногами, Йи Дэй. — Учитель сказал, что мне уже можно ехать в столицу!

— Отпусти его, — медленно проговорил Деминг.

Он, хоть и был самым старшим в комнате, сомневался, что сможет отнять у Лю его живую добычу.

Все остальные бросили вырезание, напряжённо следя за развитием событий.

— Он ещё не попросил у меня прощения за то, что оскорбил меня, — снова встряхнул малышом, как пыльной подушкой, Лю.

— Я сказал правду! — пискнул Йи.

— А я говорю, проси прощения!

— Отпусти его, — Деминг постарался вложить в голос всю убедительность, какая только у него была.

И, о чудо! Лю послушался: поднял малыша так высоко, как хватило сил, и разжал пальцы на воротнике.

Того, что Йи не захочет падать, а вцепится в его руку, он не ожидал. Потерял равновесие, попытался ухватиться за подошедшего слишком близко Деминга...

...когда на шум прибежал учитель Вейж, по полу катался клубок из учеников, окружённый роем порхающих заготовок для шаров.

По пять плетей в наказание не получили только малыши.

— Если вы не хотели помогать, — делал свои выводы Учитель, — надо было сказать об этом сразу. Это было бы честно, услышав просьбу о помощи, сообщить, что вам лень, неинтересно, вы просто не хотите. Я бы предложил изготовление шаров девочкам на кухне. Или мальчикам-бойцам.

Никто из взрослых не видел, с чего началась драка, но все были склонны верить словам Деминга: Йи Дэй и Лю Чу, как горящий фитиль и порох, непременно взрывались, стоило им провести рядом некоторое время. При наставниках всё ограничивалось словами, причём Йи демонстрировал необычайную рассудительность и логичность, а без взрослых Лю не дожидался проигрыша в словесной дуэли, применял физическую силу. Хоть Йи и рос почти как в сказке, не по дням, а по часам, одолеть десятилетнего полудемона не под силу было и некоторым юношам.

С каждым днём Йи всё больше напоминал тонкий пруттик с огромными глазами.

Учитель с первого дня заметил, что они правильной формы, миндалевидные, но слишком широкие и без «цинъюанского века»³.

Их пристальный немигающий взгляд иногда мог и напугать. Кто знает, о чём думает этот маленький, умный, сильный и ловкий не по годам ребёнок?

Учитель Вэйж как-то рассказал коллегам:

— Я-то думал, он прилачился спать с открытыми глазами! А он, получается, единственный, кто меня слушает. Я это понял, когда он начал задавать мне вопросы. Сначала стеснялся, дожидался конца уроков, подходил спрашивать, когда все расходились, а

теперь осмелел, начал спрашивать сразу, как только я предложу своим спящим слушателям обсудить услышанное.

Вэйж делился с учениками своими обширнейшими познаниями в истории. Малышам рассказывал историю мира в сказках и легендах, детям — в легендах и приключениях с историческими зарисовками, юношам и девушкам приносил для обсуждений исторические и философские трактаты. Очень удивился, когда маленький Йи начал приходить на уроки с ребятами постарше, но потом испытал к нему чувство глубокой благодарности: с тех пор, как Яозу переехал жить в Циньдар, поближе к столичной библиотеке, Вэйж заскучал по слушателям, которым интересен его предмет.

А Йи было интересно всё.

Учитель, насколько ему хватало сил, старался удовлетворять любопытство подкидыша, а заодно не оставить ни минуты свободной, от пробуждения до отхода в мир снов. Сам, лично, если только не был занят под завязку другим, учил малыша разбирать иероглифы, пользоваться библиотекой; вписывал на занятия в детских группах, куда приходили семилетние, десятилетние мальчишки: их как раз учили тому, к чему тянулся Йи. Отправлял рослого ребёнка помогать таскать бельё прачкам, мыть посуду на кухне, учиться мастерству уборки помещений и улиц — этим занимались все достигшие семилетнего возраста. Были у них родители, не было, но, по заветам Небесной Императрицы, и красавицы, и воины, и мастера всех сортов должны были уметь готовить и соблюдать чистоту, потому, становясь детьми, приступали к изучению азов этих дел под руководством зрелых красавиц и стареющих мужчин.

В краткие минуты отдыха и прогулок рядом с Йи неизменно оказывался Лю Чу. А стоило им провести некоторое время вместе, находился повод для ссоры, а то и драки.

Учитель всё крепче понимал, что причина может крыться в сути Лю — большинство полудемонов, вырастая, умели не только читать людей, как открытые книги, но и видеть сквозь стены, чувствовать клады сквозь землю и камень.

— Она сказала, что Воплощённое Зло будут видеть Драконы, чувствовать демоны и никогда не разглядят люди, — передала Звёздная Императрица слова Небесной в тот день, когда та наложила Печать на уста своим вопросителям.

Порождения Тёмных Палат ей не подчинялись. Значит, все эти стычки, всё страстное кипение ненависти Лю по отношению к Йи были прямым продолжением того, что полудемон видел в подкидыше Воплощённое Зло. В силу невеликого ума мог не до конца понимать саму суть явления, но, живущий среди людей, получающий от этой жизни массу выгод, он вряд ли хотел лишаться всего, что имел. Пусть Лю, лживый по натуре, с каждым днём изворачивался и хитрил всё увереннее, ложь его становилась всё изощрённее и незаметнее, но...

Учитель очень хотел верить в ошибку. Не может, не должно быть так, чтобы Вселенское Зло пришло в этот мир в таком славном малыше! Увы, он слишком хорошо понимал, что даже это его стремление оправдать и защитить подкидыша может уже быть проявлением козней Потусторонней Конторы, прямой весточкой из Диюя — и только Лю, не зная, что и как объяснить людям, а может быть, понимающий, что ему проще жить в этом мире без Воплощённого Зла, откровенно и честно вредил тому как мог.

А оно что-то не торопилось причинять вред этому миру открыто.

Вернее, доказуемо: попробуй, свяжи воедино успешное обучение каллиграфии маленького Дзя в старшей группе — и вооружённые столкновения с культистами, поющими

во славу Тёмного Пламени, или переколотые на кухне тарелки — и ураган над Циньдаром, который обрушил крыши дворца Звёздной Императрицы и раскатил по камешку Оружейную Палату.

Лю, кстати, тоже примерно в одно время с Йи додумался, что иероглифы лучше писать как можно более правильно, хотя бы для того, чтобы красавицы не хохотали над его записками, пугаясь, то ли он восхищается красотой их глаз, то ли сравнивает их груди с бездонными ямами. Да и полку с только что отмытыми тарелками Йи обрушил не без помощи Лю Чу...

1 Вэйж — большой мудрец

2 Деминг — достоинство

3 «цинъанское веко» — эпикантус

Глава 8. Левый глаз и Правый глаз

Учитель брал малыша с собой почти в каждую поездку в столицу.

Йи радовался:

— Аньсу! Мы едем к Яшмовой Красавице!

Поначалу он попытался называть её Яшмовой Тётей, но когда Учитель напомнил, как наказывают мальчиков за провинности, сразу же научился говорить слово «красавица».

На памяти Учителя Йи первым обратил внимание не на алых фениксов, летящих по золоту платья Императрицы — для каждой новой Звёздной их вышивали заново, с песнями, курениями, заговорами, чтобы взгляды людей обращались в первую очередь к живым, пусть и вышитым, птицам — а на заговорённые яшмовые бусы. Что это, если не ещё одно проявление Воплощения Зла: сразу заметил, где ему поставлена самая прочная преграда.

Малыш изо всех сил старался копировать взрослых, ходить степенно, руки держать правильно, как старшие, не крутить головой по сторонам, хоть и было на что посмотреть.

Дворец называли Запретным Городом Столицы. Он представлял собой дворцовый комплекс, расположенный на высоком холме, был обнесён со всех сторон мощным каменным забором, за которым росли огромные сосны. В заборе на каждую из сторон света проложили свои ворота, в них проводили посетителей в зависимости от того, какой дорогой они пришли. Сторожевой клан Нефритовой Богини всегда приходил с зимней, северной стороны. Сто и одна чёрная каменная ступень вела к Воротам Вышней Гармонии, покрытым барельефами из белого мрамора и бронзы.

По обе стороны от ворот стояла стража: наравне с воинами-людьми проход охраняли сторожевые коты, пятнистые звери до метра в холке, приученные не обращать внимания на проходящих мимо, пока воины не прикажут остановить. Также недвижимо каждый на своём постаменте восседала пара бронзовых львов. Говорили, в случае беды они присоединятся к защитникам Запретного Города Столицы. Говорили, в те времена, о которых никто более и не помнит, их подарили Звёздной Императрице Циньана драконы.

За воротами начинался дворцовый ансамбль, парки, павильоны, беседки, храмы, Оружейная Палата, Монетный Двор... всё сразу увидеть невозможно, потребуется не один день, а может, и не один год, чтобы как следует рассмотреть. Что там! Не каждому удавалось с первого раза даже просто запомнить, где и что находится и как куда пройти.

К сложенному из брёвен циньанского лавра громадному дворцу почти в самом центре обнесённого забором пространства вели вымощенные песчаником дороги, прихотливо изгибающиеся то в одну сторону, то в другую. Кое-где их пересекали широкие ручьи, через которые перекидывались сказочной красоты мосты. Вдоль дорог красовались клумбы, прихотливо подстриженные кустарники, плодовые деревья.

У входа в сам Зал Центральной Оконечности, он же дом Звёздной Императрицы, вновь сидели огромные бронзовые львы, у одного под лапой счастливо извивался в игре маленький бронзовый дракончик, а у второго величественно покоилась еле светящаяся в солнечных лучах настоящая жемчужина — почти метр в диаметре.

Дорогу между львиными постаментами закрывал шерстяной ковёр. На первый взгляд его можно было принять за живой цветущий луг, где среди сочных лиловых и алых, белых и золотых, бирюзовых и синих соцветий лишь кое-где проступала зелень травы, но второй взгляд приносил понимание: это — воплощение многодневных трудов императорских

ткачих.

Сюда выходила встречать своих гостей Звёздная Императрица.

— Ты так вырос! — этой фразой начинала она каждую встречу с Йи.

Учитель подсказал ответ, и уже который раз прибавивший в росте, но, увы, не в весе Дэй скромно опускал взгляд:

— Так прописано мне в Небесных Скрижалях...

Однако Учитель ездил в Циньдар не только для того, чтобы показать Звёздной Императрице, как растёт... даже в мыслях, даже для себя он не называл Йи так, как определила его Небесная Императрица.

Может быть, это было глупо, надеяться, что загруженный обучением и воспитанием подкидыш никогда не проявит своей сути. Но вдруг! Вдруг где-то там есть одна неприметная чёрточка — вроде тех, которые превращают нерадиво исполненный иероглиф «огонь» в «водопад»! Учитель не хотел оспорить решения Небесной Императрицы...

Как раз и хотел. Это же ей видны свитки судеб, она может их читать, но между ней и Учителем всегда будет стоять одна из земных красавиц. И всегда будет шанс, что Звёздная Императрица или Алая Лента не сумели разглядеть тот крохотный штришок, который делает из «песка» «порох».

Если бы каждый мог сам читать свитки Небесной Канцелярии, жизнь в Поднебесной давно сделалась бы правильна и скучна в своей предсказуемости.

А малыш Йи, когда заканчивалась официальная часть приёма во дворце, убежал в сад — лазать по деревьям, разговаривать с живущими в фонтанах пёстрыми карпами, повторять движения павлинов, чинно вышагивающих по дорожкам, ловить живущих под камнями ящериц, пересвистываться с иволгами...

Он не подходил к сторожевым котам. Не пытался вытаскивать карпов из воды. Ничем не швырял ни в садовых попугаев, ни в ручных иволг, и ни одна ящерица не отбросила хвост в его руках: зато это всё в полном объёме проделывал Лю, оба те раза, что ему случалось оказаться во дворцовом саду.

До пятой весны Йи добрался без каких-либо особых приключений.

— Мы могли ошибиться, — убеждал Учитель Звёздную Императрицу. — Все живущие в Поднебесной ошибаются, и мы могли.

Они наблюдали за малышом, к которому подошёл играть котёнок: одна из боевых кошек недавно принесла потомство, злое поветрие забрало жизни трёх из выводка, один, самый слабенький, пока ещё не решался отходить от матери, а второй, пятнистый меховой колобок, изучал окружающий мир с тем же упорным интересом, что и Йи.

Кто кого заметил первым, взрослые не знали, но, похоже, знакомство приносило обоюдное удовольствие.

Йи решил попробовать тоже ходить на четырёх лапах. Котёнок принял игру и радостно поскакал вдоль дорожки. Йи — за ним. Но его «задние лапы» делали куда более широкие шаги, чем «передние», уже через несколько шагов голова перевесила, и малыш покатился по дорожке кувырком. Именно так, как учили старших на боевых уроках, он всегда приходил за ними наблюдать. Наверняка повторял движения, как слова других диалектов! Котёнок тоже попробовал кувыркаться, и ему понравилось...

— Ваше Императорское Величество... посмотрите. Разве кошка позволила бы своему котёнку играть с Воплощённым Злом?

Сколько люди Циньана себя помнили, с ними рядом всегда жили эти пятнистые звери. Помогали в охоте, сторожили дома, охраняли детей. Им нужна была не дрессировка, а подробное объяснение, что нужно сделать или чего не надо делать.

— О Учитель! Воплощённое Зло несёт гибель мира людям, на котях это никак не отразится. Посмотрите, разве кошка позволила бы коснуться своего котёнка — человеку?

Йи с его пушистым товарищем между тем нашли новую забаву — кто кого успеет поймать лапкой за ладошку или ладошкой за лапку. Счастливый хохот и радостный писк разлетались по дворцовому саду. Временами звучало звонкое «ой!»: котёнок ещё не умел играть с людьми, втягивая когти.

Нервы кошки сдали первыми. Мягкими шагами она подошла к играющим, дождалась очередного «ой!» — и как следует вжала носом в песок своего отпрыска.

— Отпусти! — грозно запищал Йи. — Отпусти его!

Он бесстрашно вцепился в лапу сторожевой кошки, которая пока ещё была выше него ростом.

— Ффххх! — пятнистая красавица даже не попробовала скалить зубы.

Наверно, ей тоже было смешно.

Одной и той же лапой по очереди откатила своего детёныша в кусты и отвесила оплеуху человеческому, и тот, с размаху сев на траву, обиженно протянул к пушистой морде руки:

— Мы же просто играем!..

Ни один воспитанник Учителя не схватывал так на лету все премудрости — да в каком ни возмись предмете! — как маленький Йи Дэй. И история ему давалась. И математика. И каллиграфия. И языки. И астрономия... куда только ни заносило малыша цепкое любопытство! Лишь музыкальные инструменты все, как один, уворачивались из старательных лапок — а вместо хотя бы простеньких пейзажей, которые удавались всем, без исключения, появлялись наборы бессвязных цветковых пятен. Всего-то музыка, всего-то рисование, наставники сожалели, но того, что у Йи получалось, всё равно было больше.

За пять лет все привыкли: он способен подолгу не двигаться и не мигать, очень мало ест, очень много пьёт, а при случае способен долго обходиться и без воды.

Учитель приходил к его постели едва ли не каждую ночь. Всё хотел спросить у спящего: кто ты, Йи Дэй? — и не решался.

Не решился и сейчас, уходя к Отшельнику, живущему на Крокодиловом Хребте: туда звало течение жизни.

Страшно было бы услышать потусторонне-сонное «я — Воплощённое Зло».

Да ведь оно, Зло, и не должно было спать вовсе, а поди ж ты. Малыш, хоть и меньше своих сверстников, но всё же спал. И сны видел, и взахлёб их рассказывал, если находились желающие послушать.

В его снах обретали жизнь услышанные от учителя Вейжа легенды: в них глубины озёр и далёких морей населяли Драконы, с гор спускались красавицы из общин Заклинателей, Мастера Оружия ковали проклятые клинки, лунные Паучихи плели кольчуги воинам...

— Общины Заклинателей? — задумался Вэйж, когда Учитель заговорил с ним об одном из последних снов малыша. — Да нет же, я им этого ещё не рассказывал. Он, наверное, книгу нашёл в библиотеке...

Ганлиань², хранитель книг, развёл руками, когда Учитель спросил, брал ли Йи книги об истории войн с Заклинателями:

— У нас не Библиотека Столичных учительских палат! У нас всего одна такая книга, но я не выдаю её детям, тем более, малышам!

Помолчав перед рассветом над спящим подкидышем, Учитель отправился задавать вопрос Каменному Календарю Драконов.

Над рассказом Йи о том, как рыдала в ночи над пеплом сожжённой Драконами деревни красавица ЗэнзэнЗ, прослезилась и зрелые красавицы клана, которым малыш помогал на кухне с посудой, а заодно и рассказывал, что видел ночью, и двое допущенных до помощи малышей:

— И она дала клятву, что, покуда будет биться в ней сердце, она будет преследовать тех, кто лишил её прошлого и настоящего и оставил в будущем только пепел и кровь! Из кокона шелкопряда и лунного света она сплела маленький кармашек, и ссыпала в него весь пепел, оставшийся от домов и от Заклинателей, и запечатала своей кровью...

Стопка грязных тарелок слева от Йи неуклонно уменьшалась, а стопка отмытых справа подрастала. Красавицы-кухарки ахали, утирали слёзы, так жалко им было Зэнзэн — это же она, как говорили предания, полюбила воина из драконов-оборотней. Но его семья была против крови Заклинателей в роду и сожгла деревню Зэнзэн, чтобы навсегда разлучить неуютную красавицу со своим сыном.

Лю тоже помогал на кухне: эту неделю выделили будущим палачам, и мальчики все приходили мыть посуду, чистить жаровни, драить котлы, отмывать столы и полки, разбирать специи... мало ли на кухне работы для начинающих жить!

В рассказе Йи Лю Чу вслушивался со всё жарче разгорающейся завистью: ему если и снилось что, то какое-то не такое, да и просыпаясь, он всё равно всё забывал.

А может, этот мелкий вообще всё придумывает. Не видел ничего, или видел и забыл, а плетёт теперь всякое, чтоб старушки слёзы умиления пускали. Мелкий врунишка!

Лю доверили развести огонь. Охота на хэнгов больше не велась, и можно было не скрывать, что полудемона пламя слушается почти так же хорошо, как Нуорэдэ, ещё недавно Алую Ленту. Лю гордился своим умением. Да, он прочёл в книгах, что полудемонов огонь не слушается, но! Это же лишнее подтверждение его особенности. Ему так нравилось давать жизнь пляшущим языкам огня! Командовать ими, пока движениями рук, но, похоже, если потренироваться, то получится и движением мысли. Только тренироваться... нет. Вон, подкидыш пусть идёт и тренируется. Учит и учит, повторяет и повторяет, и все так прям его за это любят и ценят. Да после сотого повторения кто хочешь запомнит что угодно.

Полудемон расставил над очагом треногу, закрепил на ней решётки, установил жаровню, наполнил маслом. Расправил рукава, чтоб красивее взлетали при взмахах рук, и приказал робким язычкам пламени над углями подрасти.

Взмах! Два чёрных крыла рассыпают на стопку вымытых подкидышем тарелок припасённые заранее травинки, песок, остинки перьев.

Пламя подросло!

Надо выше.

Лю шепчет нужные слова... а Йи, заметив, что его труды пошли насмарку, спокойно переставляет тарелки на левую сторону и принимается перебивать заново.

И даже не возмущается.

Да разве так можно?! Вот гадёныш!

«Накажи его», — шепчет кто-то на ухо Лю.

Мальчик с улыбкой вслушивается в голос, а тот вкрадчиво повторяет: «Такое нельзя оставлять безнаказанным!»

Огонь разгорается словно сам по себе, но на самом деле, он уже слушается мысленных приказов Лю Чу: пламя выше, пламя жарче, решётки раскалены до предела, масло в жаровне кипит, и такого пламени не нужно, чтобы готовить пищу, но полудемон не желает останавливаться, вот, сейчас гадёныш потащит чистые тарелки на полку, чтоб на них больше ничего не насыпалось...

И, пока никто не видит, от лёгкого, почти незаметного касания ноги Лю раскалённая тренога складывается, подминая под себя, вжимая в огонь Йи Дзя.

Кипящее масло заливает мелкого гадёныша и тут же загорается — так хочет Лю! — а он только пискнул тихонько и молчит. Может, уже отжился? Кто бы мог подумать, что всё так удачно сложится!

— Помогите! — закричал Лю. — Спасите-помогите! Йи на себя опрокинул жаровню!..

Старенькие красавицы, как оказалось, визжать с перепугу умеют не хуже, чем молоденькие девчонки.

— Он взял слишком много тарелок, ему было плохо видно, — в сотый, наверное, раз повторял Лю.

Сначала он говорил это старушкам на кухне. Потом лекарям. Потом Алой Ленте. Потом его спрашивали все, кому не лень, а он повторял, повторял, повторял и сам искренне верил, что так всё и было: Йи слишком маленький, Йи не умеет рассчитывать свои силы, Йи переоценил, сколько тарелок сможет унести за раз, Йи не заметил, что идёт напрямик в очаг. Лю попытался его остановить, вон, видите, даже руку обжёг...

Он говорил всё так, как ему казалось правильным — и как подсказывал незримый собеседник.

Земля под ногами дрогнула, гулкий рокот далёкого взрыва докатился до клана Звёздной Императрицы от дальнего окончания Крокодилового Хребта.

На Крокодиловом Хребте две горы, невысоких, с округлыми вершинами, носящие названия Левый Глаз и Правый Глаз одновременно вдохнули, проваливаясь внутрь себя самих — и громко выдохнули, извергая клубы смертоносной пыли.

1

Аньсу — кит. «ваньсуй», как яп. «банзай» — «ура»

2

túshū guǎnlǐyuán — библиотекарь

3

Зэнзэн — драгоценная дева

Глава 9. Стальная Лилия и Стальная Женщина

В первый же день пути к отшельнику Учитель почувствовал, что опоздал.

Это ощущение, страшное в своей неотвратимости, прижимало к земле, путало мысли.

Опоздал к Отшельнику?

Оставил беду позади?..

Вспоминай бытность свою Фа! Как в каждом дуновении ветра читал грядущее. Как драконы шутили, что приняли б за своего, когда бы не Дэйю, кнут — главное оружие, а Драконы не дружили с кнутами.

И тут земля попыталась вывернуться из-под ног, еле устоял.

Землетрясение?!

Прямо перед Учителем над горизонтом проросла и задрожала горошинка дыма: извержение! Подавив первое желание — броситься со всех ног туда, где умирал в огне Отшельник — Учитель поправил ремешок сумки на плече: путь предстоял долгий. Быстрый бег отнимет много сил, бежать со всех ног пять и два дня невозможно, и даже верхом путь выйдет длиннее, да и вол не везде пройдёт болотными тропами, после по ущельям...

Шаг за шагом, шаг за шагом, дальше и дальше от земель клана, ближе и ближе к Крокодиловому Хребту, останавливаясь лишь на краткий сон, чтобы дать отдых телу.

Дальше и дальше. Не торопясь, но и не теряя взятого темпа.

К полудню второго дня горошинка над горизонтом разрослась до размеров приречной ивы, а Учитель стал замечать пары каменных дроздов, алых стенолазок, императорских трясогузок — ярким птицам, покинувшим родные горы, сложно было скрываться в непривычных равнинах.

Под вечер объявили себя и звери-беглецы: охотники шли по следам своих жертв, пернатых и пушных, а все вместе бежали опрометью от неожиданного вулкана — чтоб попасть в руки людям. Птицы и звери успели пройти такое большое расстояние лишь потому, что заранее учуяли беду.

Путь Учителя пролегал в обход людских поселений. Здесь им уже не грозила опасность камнепада, сюда не дотекали реки лавы. Те же, кто селились в опасных зонах, наверняка заметили, как бежит зверьё, и последовали за ним.

Обычно Учитель проходил путь до Отшельника, не разжигая костра, но сейчас, как темнело, разводил: опалевшее от землетрясения зверьё отпугнёт, со злыми людьми сил справиться хватит, а добрые, если подойдут к огню, получат помощь.

Учитель в первую ночь долго переглядывался с янтарными глазами волка. Сам зверь сливался с ночной чернотой, и лишь глаза, вобравшие тёплый свет небольшого костерка, сияли во тьме. Хотел бы напасть — напал бы. А так, может, чего другого хотел. Учитель не умел читать мысли людей, чего уже говорить о зверье.

Во вторую ночь волк подошёл ближе, свет костра коснулся не только его глаз, и стало видно, что из его передней лапы торчит то ли кусок дерева, то ли плоский обломок камня.

Что ж, Учитель срачивал рёбра и лапы боевым котам, вправлял кости в сломанных крыльях охотничьих птиц — вряд ли волчьи кости сильно отличаются от того, с чем уже доводилось иметь дело. Но... Учитель сделал шаг к волку — волк сделал шаг от Учителя. Оставленный ему кусок вяленого мяса забрал лишь тогда, когда мужчина сделал вид, что уснул.

А на третью ночь к костру вышла девочка лет семи-девяти. Худенькая, маленькая, одетая как мальчик, в грязные изорванные штаны и рубаху, отороченные мехом енота; на лбу сплетённая из кожаных ремешков повязка с прикрепленным к ней хвостом енота, а на шее, на запястьях — ворохи бус и браслетов, с камешками, ремешками, узелками, потрёпанными ленточками, ракушками.

Подобным образом одевали детей в общинах Заклинателей.

— Ты отзовёшься мне на имя Ченглей? — звонко и требовательно спросила она, глядя прямо в глаза Учителю.

— Нет, — усмехнулся он. — Тебе не отзовусь.

— Ты отзовёшься мне на имя Рэншу? — в её зелёных глазах совсем не отражался костёр.

— Нет, — вздохнул Учитель. — Тебе не отзовусь.

Два вопроса она уже задала, если задаст третий, то...

— Ты отзовёшься мне на имя Фа?

— Нет, — Учитель поднялся на ноги, и теперь зелень её глаз стала похожа на зелень зрачков боевых котов перед сражением. — Тебе — не отзовусь. Но и ты не назовёшь мне имя того, кто тебя послал.

Девочка порывисто вдохнула, и стало понятно, каких усилий ей стоило дышать — ровно, стоять — прямо, говорить — громко. Если и остались силы в этом хрупком тельце, то лишь те, что давала гордость:

— Нет, — завершила она заветный пароль. — Тебе — не назову!

И пошатнулась, и Учителю показалось на миг, что мир качнулся и перед его глазами.

— Отдохни, дитя. Сядь и отдохни. Я дам тебе воды, еды и посторожу твой сон до утра.

А на рассвете мы вдвоём пойдём к тому, кто послал тебя.

Когда девочка протяжно выдохнула, то ли садясь, то ли падая в траву у костра, Учитель задал всё же вопрос, который стучал в висках с самой первой минуты:

— Он... жив?

— Ага, — кивнула девочка. — Жив. Только ногу сломал. Поэтому не сам пришёл...

А рассвета не случилось: вулкан всю ночь глухо рокотал, щедро выдыхая ввысь клубы дыма, пепла, камней и песка, и рассвет задался почти таким же тёмным, как дождливая осенняя ночь.

Волк к костру не подходил, но Учитель оставил для него кусок вяленого мяса.

— А я про тебя раньше слышала, — словно нечаянно, вскользь обронила девочка, когда они с Учителем начали путь в сторону вулкана.

Пусть она и не могла видеть его лица, мужчина всё равно не позволил дрогнуть ни единому мускулу. А ведь так хотелось улыбнуться! Некоторые девочки просто появляются на свет уже готовыми к царствованию Императрицами. Или Алыми Лентами. В них от рождения живут умение и желание особым образом составлять слова, говорить их так и в такие минуты, чтобы все окружающие тут же включались в заведённую ими беседу.

Обмолвись такой фразой в присутствии Учителя Звёздная Императрица, он бы встал на колени, поцеловал подол её платья и испросил позволения уточнить, когда и что она слышала о нём.

Скажи ему такое одна из Алых Лент, он с глубоким поклоном поблагодарил бы за интерес к своей персоне и уточнил бы.

Выдай такое уверение одна из девочек клана, Учитель поддержал бы игру: маленькие красавицы должны знать, как работают их чары.

Но поддерживать беседу о себе с маленькой Заклинательницей Учитель был не намерен. Он и так уже замедлил шаг, чтобы девочка просто быстро шла, а не бежала бегом.

К тому же, ему не надо было и спрашивать, что именно могли рассказать ей её родители. И, да — это если выжили.

Хотя, если Учитель верно предположил её возраст, не старше девяти, то это, скорее, не она сама, а как раз её родители могли остаться без семей после работы «летучих отрядов» Сторожевых кланов.

Впоследствии, когда всё уже случилось, когда были сопоставлены все факты, проанализированы все происшествия и невыявленные закономерности, стало ясно, что войны на уничтожение между Циньяном и общинами Заклинателей могло и не случиться. В Небесных Скрижалях действия Заклинателей не были обозначены, и для живущих в Циньяне каждый раз становились неожиданностью высушенные песнями посевы, напетые ветрам пожары, затопленные не в срок поля... циньянцы продолжали искать точки, из которых можно было бы начать диалог. Земли много, места хватит всем... Однако всё сложилось так, как сложилось: глава клана Каменных Драконов решила, что её сын — неплохая партия юной драконице из клана Водных. А сын, не подумав даже спрашивать разрешения, отправился в общину Заклинателей, где обрёл свою любовь.

Наверное, драконы могли справиться сами. Кто знает. Но они обратились за помощью к людям. Впервые! Не люди пошли на поклон к древним ящерам — а они, сами, по доброй воле спросили, чем могли бы люди помочь им.

Был ли Учитель против?

Нет. Просто потому, что его никто не спрашивал.

Он, Фа, главный палач Сторожевого клана Звёздной Императрицы, не имел права не то, чтобы протестовать — задумываться о том, что можно поставить под сомнение приказ Алой Ленты.

Он и его старшие ученики с наступлением темноты приходили в горные селения Заклинателей и уходили до наступления рассвета. В живых оставались только дети и малыши. Юноши, девушки, взрослые, если успевали проснуться, принимали долгую мучительную смерть от Хвостов Скорпионов: на обнажённых спинах палачей мерцали татуировки скорпионьих хвостов. Большая часть Заклинателей просто больше никогда не просыпалась.

После этого имя стало для палача Фа петлёй на шее, и он сделал всё, чтобы предать его огню вместе с прошлой жизнью.

Вместе с сёлами Заклинателей.

Драконы при встрече приветствовали его как равного — и никогда не благодарили за помощь. Они понимали: есть такая заслуженная благодарность, которой лучше бы никогда не бывать.

Девочка, вроде как случайно обронив фразу-начало беседы, так и не дождалась ответа на неё. Спросить что-либо напрямую не решилась, хоть и видно было, очень хочется поговорить, и Учитель молчал, пока солнце где-то там, высоко, за чёрными тучами пара, песка и пепла, не встало в зенит.

— Дитя, ты умеешь разводить костры? — спросил Учитель.

— Да, — обиженно буркнула девочка.

— Тогда разводи, — он передал ей кармашек с необходимыми для розжига огня предметами, — а я схожу, найду, кого нам запечь на углях.

Учитель выбрал место для остановки не просто так: неподалёку росли густые кусты, лежал на боку засохший остов старого апельсина. Девочке не придётся долго искать, что пустить на костёр.

Первыми встреченными на пути съедобными оказались подорожник и щавель. Учитель аккуратно сложил собранную траву в сумку. Вскоре Дэйю словно сама рванулась из руки, сбивая влёт куропатку. Да, на охоте сгодились бы стрелы, но Учитель не собирался в пути охотиться. Не сумел заранее предчувствовать, что доведётся делиться вяленным мясом с волком и девочкой. Что ж, придётся немного изменить планы.

Следующая птица, улар, не успевший за пару дней растерять нагулянный в горах жирок, упорхнула в сады Небесной Канцелярии от удара метательного ножа Учителя.

Можно было возвращаться к девочке.

Она ждала его у ровно горящего маленького костерка; сидела на собственных пятках, аккуратно уложив узкие ладошки на колени. Наблюдала, как Учитель ловко снимает с добытых им птиц шкурки вместе с перьями. Затаённо улыбалась собственным мыслям.

Наконец, не выдержала:

— Ты убил мою прабабушку этим ножом?

Учитель прервался на минуту, перестал подрезать кожу улара:

— Посмотри, — протянул он девочке клинок.

Широкий, короткий, со скруглённым, но очень острым по кромке лезвием на конце, Диаойу¹казался неправильным. От самого кончика к рукояти стекали позолоченные желобки, означающие, что в самую тёмную ночь солнце продолжает светить для тех, кто живёт по ту сторону мира... и что клинок готов принять на себя любой яд, каким решит наделить хозяин. От кольца в рукояти в рукав Учителя тянулась тоненькая, но прочная даже на вид цепочка.

— Лиандао2?! — недоверчиво выдохнула девочка.

Учитель кивнул:

— Ты видишь? Он родился после тебя, а твою прабабушку я убил задолго до твоего появления на свет.

Девочка грустно вздохнула:

— Эх! А я хотела его сломать...

она конечно глупая но если попробует я останусь у неё таких маленьких и глупеньких надо учить пока не поздно! — возмущённо шелестела Диаойу.

— Сейчас дочищу птицу, и попробуешь, — пообещал Учитель, неясно, маленькой Заклинательнице или Стальной Женшине.

Продолжали путь под аккомпанемент нервного бормотания девочки, которая вдруг начала слышать лиандао и была этим дико раздосадована:

— Ну ты же знал, ты знал, ты с самого начала знал, что я буду её слышать, ты знал, что она будет со мной говорить и что я не смогу даже попробовать сломать этот клинок! Ты поэтому мне его и отдал так легко!

На закате, когда темнота вокруг сделалась особенно непроглядной, Учитель всё же ответил на очередную, текущую по кругу претензию спутницы:

— Нет. Стальные Женщины редко соглашаются менять хозяев и никогда не идут к тем, кто плохо к ним относится. Я был уверен, что Диаойу изрежет тебе все пальцы, ты попробуешь её сломать и она вернётся ко мне.

От неожиданности девочка даже остановилась:

— Так давай я тебе её верну! Зачем она мне?!

Учитель чуть замедлил шаг, но не стал останавливаться:

— Тебе она затем, чтобы ты росла и училась, открывая для себя доселе невиданные грани жизни.

— Но она же, кажется, не хочет ко мне...

Учитель покачал головой:

— Ты полдня крутишь её в руках, и у тебя целы все пальцы, и дыр на одежде не прибавилось, значит, она принимает тебя как хозяйку.

как хозяйку! как хозяйку! да ей ещё всю жизнь расти, чтобы стать мне хозяйкой!

— Вот и будете теперь расти вместе и растить друг друга, — постановил Учитель и сменил тему:

— Давайте устраиваться на ночлег.

Всю ночь где-то рядом с костром вздыхал и поскуливал волк. Он так и не решился доверить больную лапу Учителю и совсем близко к свету больше не подходил.

Утро началось с того, что с Учителем заговорила девочка:

— Диаойу говорит, что ты не воспринимаешь меня всерьёз. Ты не спросил даже моего имени. Это потому, что я — Заклинательница?

Ох уж эти юные красавицы, пробующие мир на прочность каждым шагом!

— Это потому, что твоё имя — Гэнгэлиэн?

Даже в скудном свете от обложенного тучами неба было видно, как распахнулись и без того немаленькие глазищи девочки:

— Как?! Откуда?!? Почему?!?..

Учитель спокойно поднялся, разделил на три неравных части запечённую куропатку: себе поменьше, девочке побольше и самый большой кусок отложил в сторону от костра. Пусть волки не знают огня и не готовят добычу с его помощью, но сообразить, что этот кусок мяса съедобен, вполне могли бы.

Передав девочке её часть, ответил и на её вопрос:

— Отшельник рассказывал мне, что к нему повадилась бегать одна маленькая красавица из Заклинателей, Гэнгэлиэн. Я иду к Отшельнику — ты идёшь мне навстречу — ты задаёшь мне вопросы, которым мог научить только Отшельник, следовательно, ты — Гэнгэлиэн.

Подозрительно принюхиваясь к куропатке, девочка противилась признанию истины логических выводов Учителя:

— А если всё не так? А если к Отшельнику ходила не одна красавица?

Учитель сдержался, не засмеялся, но всё равно улыбнулся: он точно знал, что к Отшельнику постоянно ходит вовсе даже не одна красавица! Кому нужен совет, какими травами лечить, кому подсказка, как поступать в той или иной ситуации... а кому испробовать, каков Отшельник в вешних забавах. Самого Учителя к нему привели в своё время восторженные охи и ахи красавиц Сторожевых Кланов, из каждого две-три, то вместе, то по одной ходили проведывать горного старца и шутили: каждому бы мужчине быть таким в старости! От них он услышал и о том, что в его отшельнической пещере добрых две трети

занимают огромные каменные кольца.

Три этих слова для Учителя могли означать лишь одно: Каменный Календарь Драконов!

Сам Отшельник был с Учителем честен. Их знакомство состоялось уже тогда, когда оба отrekliсь от имён, но, обсудив отношение к жизни, пришли к выводу, что их встреча была заранее прописана в Небесных Скрижалях, и имена не имеют никакого значения. Гэнгтижэнши⁴ — Стальной воин, Рэншу — Доброжелательная Воздержанность, Вангудэрэн⁵ — Упрямец, Ченглей — Большой, Бохупаэ⁶ — Эрудит, какая разница, как называть того, кто знает, как пользоваться Каменным Календарём, и того, кто умеет спрашивать Календарь.

— Ну вот, — обиженно вздохнула девочка. — Ты снова не хочешь со мной говорить, потому что я для тебя ничего не значу, а все мои слова для тебя как чирикание воробья.

1Диаойу — кусака

2Лиандао — цепной нож

3Гэнгэлиэн — стальная лилия

4Гэнгтижэнши — Стальной Воин

5Вангудэрэн — Упрямец

6Бохупаэ — эрудит

Глава 10. Львы Тёмного Пламени

В середине шестого дня пути Учитель и девочка заметили медленно бредущего, опираясь на рогатину, Отшельника. Он их не видел и направлялся куда-то мимо них.

— Бохупаэ!.. — закричала девочка, кидаясь ему наперерез. — Бохупаэ!

Вот теперь он их заметил. Остановился, неловко сел на землю.

Серый шерстяной плащ, который не давал перегреться в жару и хранил тепло в холода, испятнала сажа, покрыли дыры, прожжённые летящими от вулкана искрами. Кривая обгорелая рогатина, служившая костылём, с лёгким стуком упала на землю.

Учитель подбежал к другу почти одновременно с Гэнгэлиэн:

— Как твоя нога? Зачем ты вообще шёл?!

Отшельник засмеялся:

— Ты задаёшь странный вопрос! Как будто бы ты нёс бы меня на руках!

— На спине! — строго объявил Учитель. — Маленькую девочку я бы нёс на руках, а тебя подвяжу плащом на спину!

Отшельник отрицательно мотнул головой:

— Лучше я потихоньку сам...

— Дай сюда твою ногу. Ну-ка, чего ты там навертел...

То, что Отшельник без протестов позволил Учителю переложить его ногу так, как ему было бы удобнее, согласился вообще лечь на землю, подложив под голову сумку, говорило о том, что у него больше не осталось сил справляться с бедой самому.

Нога выглядела ужасно. От середины бедра и до кончиков пальцев она распухла настолько, что невозможно было понять, как именно пострадали кости. Учитель всматривался в малейшие знаки, вслушивался в легчайшие отклики изувеченной плоти.

— Лучше б наружу вывернуло, да?.. — предположил Отшельник, закрыв глаза.

— Да. С застарелым открытым переломом мне было бы проще разобраться. А так... ты правильно сделал, что привязал ногу к веткам.

В походной аптечке Учителя всегда можно было найти особые мази, заветы, заговорённые, на пяти и двух кострах проваренные. Одни туманили разум, другие снимали боль, третьи дарили исцеление.

Третьими пользоваться было нельзя: они заставят обломки костей намертво срастись так, как не должны расти кости человека. Первые счёл бы унижением Отшельник.

Оставались вторые, снимающие боль.

— Нам лучше не трогаться с места до утра, — сказал Учитель.

Исподволь, словно случайно, он нажимал на теле друга нужные точки, чтобы тот уснул, а к утру перестал чувствовать тело ниже пояса.

— Если сможешь, постарайся уснуть, — погладил он Отшельника по щеке, помогая отрешиться от боли. — Гэнгэлиэн неплохо управляется с огнём, а я схожу на охоту.

— Я видел бродяг, — прошептал, проваливаясь в сон, Бохупаэ. — Тут беспокойно...

Требовательный взгляд девочки остановил Учителя. Кажется, она решила, что Отшельник мог видеть людей её племени:

— Если бы он видел Заклинателей, он бы так и сказал. Тебя уже учили делать отвод глаз?

— Конечно! — гордо вздёрнула нос Гэнгэлиэн. — Давным-давно научили! Ты отойдёшь

на девять и два шага, и всё!..

Наверное, в этих словах должно было звучать «я могучий Заклинатель, а ты со мной как с маленькой!» Но тут она замялась, понимая очевидное и неприятное для неё:

— И... и ты уже... уже не сможешь вернуться...

Учитель поклонился девочке, как взрослой:

— Пока на твоём запястье Диаою, я найду вас: мы всё ещё слышим друг друга.

Гэнгэлиэн несмело улыбнулась:

— Тогда хорошо... удачной охоты!

Напутствие Заклинательницы к тому привело, везение Учителя или стечение обстоятельств, но охота задалась очень и очень удачной: к съедобным травам добавились съедобные корешки, куропатки устали от темноты и растеряли подвижность, попался даже один заяц — его охотник решил отдать волку, когда тот вновь придёт к костру.

То же, что случилось дальше, иначе как милостью Небесной Императрицы объяснить невозможно.

Отшельник говорил, что видел бродяг. Раз он сказал, что тут беспокойно, значит, просто не стал при девочке называть их верным словом «бандиты». Он не успел сказать, много ли их, и Учитель даже не брался предполагать, сколько. Когда небо заволокли тучи пепла, а Потусторонняя Контора раскидывает по миру паутину козней, и один человек, наделённый злой силой, способен натворить бед, а уж если свело в одну компанию нескольких...

Их удалось заметить издали. Четверо мужчин, по одежде, двое торговцев, один селянин и один Заклинатель, взявшись за руки, замкнули кольцо для приглашённого в Поднебесную Империю зверя из Диюя.

Ритуал только начинался. Гортанный речитатив Заклинателя вибрировал над притихшей равниной, сердца людей в кольце бились в унисон, и в такт им пульсировал весь мир вокруг них, огромная сфера, в которой на миг менялись цвета, размеры, расстояния... Учитель уже видел подобное. Чувствовал, что сейчас может спокойно подойти к ним, может даже влиться в круг, и тогда зверь пойдёт быстрее по шаткой лестнице заклинания.

Но не это начертали Учителю в Нефритовых Скрижалях Небесной Канцелярии.

Пульсация мира учащалась, занимая всё меньшее пространство, и вскоре затрагивала лишь очертания отдалённо напоминающей человеческую фигуры. Учитель знал: разорвать ритуал, захлопнуть двери Потусторонней Конторы, можно лишь в те первые моменты, когда зверь будет всего на краткий миг проявляться в Поднебесном Мире целиком, как он есть, чтобы тут же исчезнуть.

Где он, тот миг...

Вот уже можно различить струящуюся лаву гривы, полуметровые когти на красивых мужских руках, точёный торс, длинный хвост, заканчивающийся страшным когтем...

Сейчас!

Учителю всегда казалось в такие моменты, что он видит происходящее со стороны. Что он не имеет никакого отношения к движениям оружия. Это было истиной лишь отчасти: Стальные Женщины, те, что не вчера признали человека хозяином, всегда были готовы направить его руки.

Дэйю не первый раз вступала в бой с теми, кого отпустил на время Диюй. Она чувствовала то же, что и Учитель — стояла на страже его жизни — была готова исполнить

любую его волю. Действовала, не размениваясь на слова! Захлестнулась на шею монстра, впиалась крюком в ключицу, так похожую на человеческую, рванула...

Зверь не мог покинуть кольца вызова, Учитель не мог войти внутрь кольца, и только кнут, Стальная Женщина, рождённая в огне Поднебесной Империи, способна была прорваться к пламени Потусторонней Конторы.

Яростный крик боли рвал барабанные перепонки. Зверь вцепился в кнут, и Дэйю стала прочнейшей связью, которая позволяла ему цепляться за этот мир, но и не давала выйти. Зверь кричал и пытался втянуть Учителя в кольцо — Учитель кричал в ответ, и слова восхваления Небесной Императрицы заставляли монстра корчиться от бессильной злобы.

Кольцо меж тем распадалось. Заклинатель попытался сменить песню и помочь призываемому поскорее выйти в Поднебесную, но кнут, кнут и крюк, цепляющийся за кость монстра... чтобы попытаться перерубить ненавистную жилу, надо было замолчать и разжать руки — но это означало убрать из-под ног зверя и без того шаткую опору.

Нож в руке Учителя, полоснувший по запястью Заклинателя, помог тому решиться.

Взрыв!

Как будто Мастера Огненной пыли что-то напутали, и разом рванули все подготовленные к праздничному выступлению заряды!

Мужчин оглушило и отбросило от камня, над которым вызывали зверя. Первым пришёл в себя Учитель. Трезво оценив, что из четверых незнакомцев наибольшую опасность представляет Заклинатель, он связал его первым и по всем правилам дознания. Лишённый браслетов, ожерелий, заговорённых камней и монет, с завязанными глазами и заткнутым ртом, этот враг перестал быть самым страшным, хоть и не потерял всей своей силы.

Пару торговцев и селянина Учитель тоже связал: он собирался в горы и нёс с собой достаточное количество верёвки. По мере того, как пленники приходили в себя, отправлял их в глубокий сон.

Он ещё не решил, что с ними делать.

Интуиция подсказывала, что всем будет лучше, если эти четверо умрут.

Разум протестовал: им не задан ещё ни один вопрос, неясно, действовали они сами по себе или являются частью чего-то большего.

Когда Заклинатель пришёл в себя и яростно задёргался в путах, Учитель принял решение: за пять дней пути до клана Звёздной Императрицы ни он, ни трое его спутников не успеют умереть от голода и жажды, но помогут нести Отшельника и связанного Заклинателя.

Диаойу отзывалась Учителю уже не так чётко, как ещё пару дней раньше, но сумела привести его к месту, спрятанному Гэнгэлиэн от глаз живых существ.

Селянин и торговцы попытались объяснить, что попали под злые чары, ничего не помнят и попросили их отпустить, но Учитель объявил им, что их свобода зависит от того, насколько хорошо они помогут ему донести до земель клана его раненого друга и связанного Заклинателя.

Отшельник при посторонних не решился задавать вопросов о том, почему перестал чувствовать ноги.

Девочка с ужасом признала в крепко связанном пленнике мужчину из своей общины, но не пыталась ни заговаривать с ним, ни вообще разговаривать при нём.

— За что ты с ним так?.. — с укоризной спросила она Учителя, когда он взял её с собой

на охоту — ведь он специально это сделал, чтобы она заговорила.

— Он намеревался выпустить в наш мир зверя из ада.

Гэнгэлиэн зажала себе рот руками, чтобы заглушить возмущённый писк.

— Но как он посмел?!

— Об этом я и спрошу его, когда доберёмся домой.

Этой же ночью девочка, наконец, решилась попробовать на волке те приёмы, которым учила бабушка. Бабушка умела приманивать любых птиц и зверей, внушала им, что они сами хотят идти туда, где хочет видеть их стареющая красавица. У Гэнгэлиэн это всё почему-то не получалось. К ней не подлетали птицы, не подбегали зайцы, от неё гордо уходили козы, на неё насмешливо стрекотали белки... но она по ночам встречалась взглядом с янтарными глазами волка — и у неё начинало болеть плечо.

То самое, что у волка было проткнуто камнем: она была уверена, что это камень.

Учитель помог погрузиться в глубокий сон пленникам и сам задремал у огня, не выпуская из руки Дэйю: случись что, она направит, куда надо, даже спящую его руку.

Отшельнику не спалось. Он попросил Учителя больше не шутить с ним так жестоко, не лишать его возможности чувствовать всё то, что с ним происходит — а Учитель сказал, что не может допустить этого, по крайней мере, пока они не доберутся к целителям клана Звёздной Императрицы:

— Я палач, Гэнгтижэнши. Палач, не лекарь. Лекари не будут лишать тебя боли, чтобы видеть, верно ли направляют лечение. А я способен избавить тебя от болей, и я делаю это просто потому, что мне так удобнее.

— Но я парализован!

— Всего лишь ниже пояса.

— Но ты же видишь, это доставляет мучения не только мне!

В неверном свете костра было видно, как покраснел Отшельник, вспоминая, как ему теперь приходится отправлять свои естественные надобности — в присутствии незнакомцев и маленькой девочки! С их непосредственным участием! Он словно упускал из внимания то, что выросшая среди Заклинателей Гэнгэлиэн давно уже знает, как устроены тела людей, и, наверняка, не раз ухаживала за больными и стариками — так ловко управляться со всем этим мог лишь тот, у кого есть опыт. Не спасало и то, что Учитель обрезал почти по пояс его рубаху, снял с него штаны и подкладывал под опасную зону совсем ветхие лоскуты одежды.

— Ты неверно оцениваешь те мелкие сложности, которых требует уход за тобой. Отдыхай, копи силы для борьбы с недугом. Они понадобятся тебе быстрее, чем ты бы того хотел.

Теперь маленькая Гэнгэлиэн сидела рядом с ним, держала его за руку, и Отшельнику было вновь стыдно за то, что он раскапризничался прямо у неё на глазах. Он, такой зрелый, перезрелый мужчина, мог бы быть прадедом — а может, и бегают где-то в горах его правнуки! — и так расклеился рядом с малышкой...

— Бохупаэ! — ей казалось правильным называть очень умного мужчину именно так, Знатоком, Эрудитом. — Бохупаэ, скажи. Если мы чувствуем боль другого живого существа... оно должно чувствовать наши просьбы?

Эти слова были так неожиданны, что у Отшельника перехватило дыхание. Он, неоднократный свидетель попыток девочки контролировать зверё и птиц, понимал, насколько болезненную для неё тему подняла Гэнгэлиэн, решилась к нему обратиться. Он

вновь ощутил себя сильным и почти совсем забыл о недавних страданиях:

— Мне не доводилось чувствовать чужую боль. Но я читал, что это — признак родства душ, когда чувствуешь боль другого человека, и признак призываемого зверя, когда боль не людская...

— Значит, я могу позвать волка, и он ко мне подойдёт? — девочка встрепенулась, как воробышек. — Я его позову, и он подойдёт, и даст мне полечить его лапу?!

Отшельник улыбнулся:

— Дай ему имя, и тогда узнаешь, подойдёт ли.

— Хусэдэ! — радостно захлопала в ладоши девочка.

— Ааууу!.. — отозвался по ту сторону костра волк, делая шаг в круг света.

1

Хусэдэ — серенький

Глава 11. "Мой первый ожог мне оплатит земля...!"

Никто не видел, как было дело, но все слышали, что говорил Лю Чу: Йи опрокинул на себя жаровню и чуть не сгорел в охватившем его пламени.

Алая Лента, что ещё недавно носила имя Вэнлинг — Очищенный Нефрит — призывала к себе для разговоров Нуорэдэ — Огненную — что недавно исполняла обязанности Алой Ленты клана.

Ни одна красавица, ни другая не верили, что такой аккуратный, исполнительный малыш мог так ошибиться, взять больше, чем мог нести, не посмотреть, куда идёт. Обе допускали, что было что-то ещё, о чём Лю умолчал, но...

Но в полудемонах часто оказывается очень сильна их демоническая половина. Они говорят — и им верят.

Когда началось извержение Глаз Крокодила, над кланом Нефритовой Богини зависла не только туча пепла: её дополнило тяжёлое ожидание.

— Он должен был уже умереть, — задумчиво поворачивала палочками железную рыбку хой Алая Лента. — Такой маленький, так сильно обгорел, не приходит в себя...

— Он всегда делает то, чего от него не ждут, — Нуорэдэ отпила глоток терпкого красного чая с запахом костра.

Алая Лента пила чай зелёный, по сезону, ведь уже настало лето, но знала вкусы Нуорэдэ и уважала их, заварила Огненной любимым зимний чай.

Не отступала и от гнетущих мыслей:

— Я помню эти предсказания: «Мой первый ожог мне оплатит земля: покроются пеплом леса и поля»... разве ты хочешь сказать, у Йи до этого были ожоги?

— Таких — точно не было! — фыркнула Нуорэдэ.

Она не слишком хорошо умела лечить, зато у неё были хорошая память и баночки со сваренными Учителем мазями. Ожоги он велел ничем не бинтовать, для начала промывать специальным отваром, приглушающим боли, не дожидаться, пока подсохнет, и обильно смазывать лёгким маслом с вытяжкой из клевера. После нужно было подождать, пока масло впитается почти полностью, и тонким слоем наносить густую мазь со зверобоем и дубовой корой. Потом дожидаться, когда мазь начнёт подсыхать, растрескиваться и загибаться вверх краешками, как молодая дубовая кора, срезанная с дерева, и смывать её настоем чернокорня с шиповником. И начинать всё заново, по кругу: промывать, смазывать, мазать, смывать, промывать, смазывать... Лёгким ожогам хватало одного повтора, но серьёзные раны требовали серьёзного подхода.

Наверное, в Нуорэдэ продолжала жить Алая Лента: желание всё держать под личным контролем. Она не отходила от малыша ни на шаг, пока семь и две категории духов не уводили её в царство сновидений. Возвращаясь в Поднебесную, красавица продолжала повторять заведённые по кругу процедуры. Радовалась, наблюдая, как всё больше чистой розовой кожи проступает на теле Йи.

Наблюдала за ним. Ждала. Не знала, чего, но — ждала.

А если бы её не призывала к себе для разговоров Алая Лента Вэнлинг, совершенно забыла бы о том, что иногда надо что-то есть и пить.

Когда малыш, безмолвно лежавший пять и два дня, застонал и прошептал: «Пить...» —

Нуорэдэ поняла.

Она ждала именно этого!

У неё при себе всегда была фляга с чистой родниковой водой, её Нуорэдэ по ложечке вливала в растрескавшиеся губы Йи, но ждала, что однажды он, водохлёб, сам попросит пить.

Вот, попросил.

Солнце и не думало пробиваться сквозь тучи пепла, и тяжёлое ожидание, давившее на сознание красавицы, не пропало — стало гораздо легче.

— Пей, малыш. Пей.

Приподняв его одной рукой с подушки, Нуорэдэ второй рукой приложила фляжку к опухшим губам. Удивилась и обрадовалась, ощутив невесомое касание его тонких, как лапки паучка, пальчиков: он пытался взять фляжку сам. Не допив какую-то пару глотков, Йи стёк на подушку.

Сердце Нуорэдэ тревожно ёкнуло: умер?..

Еле слышное сопение, перемежаемое тихими стонами при попытках пошевелиться, позволило выдохнуть с облегчением.

Уснул.

И с этого момента дела пошли на лад.

В тот же день, ближе к вечеру, неразличимому в сумраке, красавица напоила Йи молоком.

— Фу, какая гадость, — внятно выговорил он, но допил до конца и снова уснул.

Нуорэдэ позволила себе покинуть лазарет и тоже немного поспать не в плетёном кресле на веранде, а на нормальной кровати у себя в комнате.

Когда она вновь пришла в лазарет, малыш не спал, встретил её, как пять лет назад, прямым и ясным взглядом:

— Доброго утра, Нуор-р-рэдэ!

Он всегда проговаривал её имя так, словно у него под языком перекатывались хрустальные горошинки.

Льняные полотнища, которыми занавесили бревенчатые стены от сквозняков, пушистые дорожки с цветочными мотивами, устилавшие дощатые полы, дарили комнате совершенно домашний уют.

— Доброго, — красавица погладила голову Йи.

Почти везде уже затянуло новой кожей ожоги, заново отрастали сгоревшие волосы, колючие на вид, но мягкие на ощупь.

— Ты помнишь, что с тобой случилось? — присела Нуорэдэ на подушку рядом с лежанкой.

— Да, — без размышлений ответил Йи. — Ко мне пришёл дракон, дохнул на меня огнём и велел умереть, но это было слишком больно, я так ему и сказал.

Нуорэдэ покачала головой. Она чего-то подобного и ждала от этого фантазёра. Наверняка же в горячечном бреде видел сны.

— Это были послания духов с той стороны ночи, — улыбнулась красавица, подготавливая отвар шиповника и чернокорня.

Малыш засомневался:

— Ну нет! Когда мне драконы снятся, они со мной не разговаривают. А этот пришёл,

поговорил, я отказался умирать, и он ушёл. А потом пришла ты и начала меня лечить. Мне вот потом уже снилось, хочешь, я расскажу тебе? Как смешные дяди с оранжевыми и жёлтыми волосами ехали в Циньдар, а попали к водным драконам?..

— Давай ты расскажешь мне это в другой раз? — Нуорэдэ помогла Йи сесть на кровати и стирала мокрым полотенцем подсохшие чешуйки мази с его спины. — А сегодня потратишь силы на то, чтобы выпить немного бульона?

— Так я уже не слабый! — заявил малыш. — У меня полно сил! Я даже вот что у тебя спрошу...

Он дождался, пока Нуорэдэ вновь опустится на подушку у его лежанки.

— Я спрошу, позволишь ли ты мне предложить себя тебе в мужья.

Нуорэдэ мягко улыбнулась и подняла руку, потрогать лоб Йи, но там здоровой кожи было пока маловато. Коснулась пальцами ямочки под подбородком.

Да, жар у малыша был страшный — однако чёрные глаза заглядывали прямо в душу красавицы и чистой своей прямоотой давали понять: никакого бреда. Всё настолько серьёзно, насколько может быть в сознании маленького мальчика.

— У меня уже есть двое, — ответила Нуорэдэ, как отвечала бы взрослому мужчине.

И даже не добавила: а ты совсем кроха!

— Я знаю, — кивнул Йи. — Я знаю, Мастер Огненной Пыли и воин. А я... я быстро расту. Очень. Я уже умею мыть посуду...

Да. Держать огненную завесу против хэнгов было куда проще, чем не смеяться в голос от таких выводов Йи Дэя!

Наверное, она слишком долго молчала, и малыш понял, что желанного согласия не дождётся:

— Эх!.. — разочарованно выдохнул он. — Хорошо... я спрошу тебя ещё раз, когда подрасту. Чуть-чуть. Вот столечко... — он показал пальцами, на сколько намерен подрасти, и Нуорэдэ обняла его покрытые корками ожогов пальчики мокрым полотенцем:

— Договорились. Но теперь — бульон!

Он улыбнулся... не будь он ребёнком, Огненная бы решила, что в его улыбке светится совершенно взрослое осознание отказа.

— Договорились, — кивнул Йи, сморщился от боли в обгорелой шее.

И снова улыбнулся, как сумел, обожжёнными губами.

И он, и Нуорэдэ уже знали: даже когда Йи Дэй вырастет на двадцать и два раза по «столечко», предлагать себя в мужья Огненной он не станет.

Глава 12. Что осталось позади

За время пути в изрядно разросшейся компании Учитель успел позабыть о том, как мучили в первые дни сны о сгорающем заживо человеке, которого дым и огонь не давали разглядеть. Он был уверен, что вести с той стороны ночи слали о трагедии Отшельника, просто выбрали не те краски, чтобы нарисовать беду. Когда же сначала услышал, а после и увидел своими глазами едва не сгоревшего заживо Йи Дэя, испытал сложное чувство.

Как говорят, одна радость может разогнать сотню горестей, так и в сердце Учителя разом стихли сто и два волнения, когда при виде него маленький мальчик, от заживающих ожогов похожий на вставшую на задние лапы ящерицу, радостно захлопал в ладоши. Только заноза, царапающая изнутри ржавой заусеницей, потихоньку разрослась до размеров большого гвоздя: Небесная Императрица наложила Печать на уста Учителя, и он прикладывал все силы к тому, чтобы даже самому себе не напоминать лишний раз о том, кем является Йи.

Выжил — и это радость. И никаких сомнений.

Нуорэдэ и Алая Лента рассказали Учителю то, что говорил Лю Чу, кухарки и ученики подтвердили, что слышали те же слова, сам Лю с готовностью повторил — а Йи рассказал свой сон про дракона, предлагающего умереть.

— Учитель! Смотри! Я уже совсем здоров! Пусть меня выпустят отсюда! — малыш попрыгал на лежанке, раскинув руки.

Ему вчера разрешили надевать рубашку, пока коротенькую и то только потому, что он впервые на памяти Нуорэдэ — раскапризничался. Цуюю сказал: «Видать, и правда, выздоравливает».

— Тебе не больно от рубахи? — спросил Учитель.

— Нет! — наморщив нос, соврал Йи.

По светлой ткани расплывались пятна крови — там, где от резких движений лопнула кожа или сорвало неподжившие корки.

— А если честно? — прищурился Учитель.

Йи заметил кровь на рукаве, кровь на подоле, вздохнул и сознался:

— Если честно, то немножко больно. Ну вот совсем чуть-чуть.

— Тогда снимай рубашку...

— Но Учитель!..

— ...снимай рубашку и ложись. Теперь лечить тебя буду я. Сам. Заодно расскажу, как.

— А они мне не говорили, как лечат, потому что я слишком маленький! — пожаловался Йи, стягивая рубаху.

Оказалось, что это больнее, чем «немножко», и что без помощи Учителя очень сложно раздеться.

— Они — лекари. А я — Учитель. Их задача — вылечить. Моя — научить. Ты маленький, но у тебя хорошая память. После долгой болезни и сам становишься хорошим врачом...

— Не хочу! Не хочу долгой! Я и так уже долго болел!

— Э нет, Йи. Ты не болел, ты болеешь. Ложись и слушай: ромашка растёт везде, куда ветер занесёт её крошечные лёгенькие семена...

Учитель рассказывал — Йи, затаив дыхание, слушал и запоминал: как растёт

лекарственная ромашка, как понять, какие цветы можно брать, как их сушить, как хранить, что с их помощью можно вылечить...

Пока не уснул.

В соседней палате Цуею разговаривал с Отшельником.

Эта комната, чистая и светлая, ничуть не походила на жилую: запах свежей крови смешивался с ароматами ромашки, чернокорня, целебных масел, выглаженных бинтов... да и кровать, оснащённая сложной системой ремней и рычагов, не могла стоять в обычной спальне.

Лекарю и Отшельнику довелось познакомиться ещё в те времена, когда Эрудит носил имя Вангудэрэн, Упрямец, и Цуею был уверен, что именно это имя очень подходит ему и сейчас. Он настойчиво просил, чтобы ему вернули контроль над ногами, если паралич вызвали искусственно — и сознались, что дела хуже, чем ему казалось, если парализовало без вмешательства со стороны людей. Всего одного человека, но тем не менее. Отказывался принимать лекарства, дурманящие разум.

И попробуй такого переупрямить!

— По твоей ноге прокатились одно за другим все Каменные Кольца, — напомнил Цуею пациенту.

— Да.

— Будь воля моя, ты бы лишился ноги уже там, в дальних полях, я не стал бы и разбираться, есть ли шанс...

— Но Учитель говорит — всё же есть, — скомкано пробормотал Упрямец, которому раздирающая, пульсирующая боль мешала даже дышать.

— Да. И я хочу ему верить. Его опыт в дроблении костей куда больше моего.

— Да лучше уж ходить одноногим с палкой, чем быть двуногим недвижимым... — Отшельник закрыл глаза и долго-долго молчал.

Устав от тишины, тихо прошептал:

— Значит, ты не будешь вместе со мной просить его не мучить меня больше... прощай, ведь отрезать!

— Прощай будешь потом учить свою мелкую охотиться, — строго объявил Учитель.

И когда только успел так близко подойти!

— Зови учеников, пусть проходят к столу, я собрал твоих старших и своих, чтоб смотрели, — кивнул Учитель Цуею на занавеси у входа и обратился уже к Отшельнику:

— Я-то думал, они сами тебя лечить возьмутся — а ты же слышал, что придумали? Что у меня в таких делах опыта больше! Может, они и правы...

Алая Лента, сияя изумрудной зеленью глаз, отправилась осматривать пленников.

Судя по тому, что рассказал ей Учитель, Заклинатель пытался открыть Проход в Диюй, чтобы в Поднебесную Империю вышли Львы Тёмного Пламени. В моменты извержений они всегда толпились у Проходов, веря, что в Поднебесной найдутся самоубийцы, готовые предать свой мир неугасимому пламени ада — и ведь всегда находились!

Учитель ходил в любимчиках у Небесной Императрицы. Как иначе он сумел бы понять, куда ведёт его жизненный путь, и успеть хлопнуть дверьми Прохода по носу Пламенного Льва.

Пленного Заклинателя раздели донага, напоили чистой водой, закрепили на пыточном

столе. Судя по всему, ему предстояло ждать разговора с Алой Лентой — и через неё самой Небесной Императрицей! — и палачами не меньше суток. Что ж, хватит времени рассмотреть как следует всё то, что применят к нему — факелы по обе стороны стола давали достаточно света. Лезвия, цепи, крюки, распорки...

Алая Лента предложила оставить в пыточной сменные караулы из воинов и палачей или хотя бы одних воинов, одних палачей, но Учитель сказал, что лучше поставить охрану у входа в подземелье. Меньше шансов, что Заклинатель сумеет пробиться в головы сторожей и убедить их, что ему для начала нужно убрать кляп изо рта или освободить левую руку.

Остальные трое пленников не казались представляющими серьёзную опасность, но Алая Лента согласилась с Учителем: случайно в эту компанию мог попасть только крестьянин, он жил раньше в горах, бежал от землетрясения, одинокий после смерти жены, не знал, куда податься — а тут откуда ни возьмись помощь, поддержка, друзья. Торговцы же давно были знакомы с Заклинателем, не первый раз приходили в горную общину со своими товарами. Конечно, шанс того, что они просто случайно шли мимо, оставался, но был невесомым и призрачным.

Алую Ленту ничуть не удивило, что у дверей лазарета, где Учитель показывал, как можно спасти конечности с перемолотыми в крошку костями, обнаружилась Нуорэдэ. В последние дни её сложно было застать где-то ещё.

— Я сердце твоё в порошок раскрошу, лишу тебя сна и покоя лишу... — нараспев проговорила Алая Лента, поправляя выбившиеся из укладки пряди волос Огненной.

— Нет, — устало выдохнула бывшая Алая Лента. — Ты цитируешь «Нефритовую лилию в яшмовой вазе», а тут и не пахнет вешними темами... Предсказаниями — пахнет. И всё.

Алая Лента обняла Нуорэдэ:

— Ты слишком мало спишь, ты почти не ешь, посмотри, на что ты стала похожа! Тебе надо отдохнуть, как следует отдохнуть!

— У меня как раз это в планах на ближайшее будущее... — глухо проговорила ей в плечо Огненная. — Но пока длится настоящее, я дождусь Учителя, и мы вместе отправимся есть. Я договорилась на кухне, там всё подготовили, когда скажу, разогреют...

Глава 13. Полудемоноборец

Никогда ещё раньше жизнь не казалась Лю такой и настолько странной и непонятной.

Он знал: он — полудемон. Был бы демоном, не жил бы с людьми, но вечно стремился бы попасть в Поднебесную, был бы сильным и от рождения взрослым, не знал бы никаких родителей, никаких учителей... но уж как сложилось. Люди сплошь и рядом рассуждали, что их судьбы предначертаны в Небесных Нефритовых Скрижалях — а Лю, чем дальше, тем чаще мерещилось, что и в его жизни тоже имеется нечто предопределённое, хоть судьбы демонов и полудемонов не значились в списках дел Небесной Канцелярии.

Мама — знала Йогоаи о том или нет, но сын вспоминал о ней чаще, чем сам бы того хотел — мама говорила ему, что в нём зреет будущее. Лю спрашивал: «Как это?» А мама очень грустно усмехалась и вздыхала: «Увы, но тебе придётся узнать...»

Ну, будущее.

Ну, зреет.

Это что, с ним будущее постоянно пытается разговаривать? Очень на то похоже, ведь, если Лю следует советам этого голоса — этих голосов, непонятный он или они! Но, если Лю Чу делает так, как они подсказывают, в его жизни случается что-то хорошее. Не делает — плохое. Или неприятное.

Знать, как ему будет лучше, могло только будущее. Может быть, он начинает понимать, как оно в нём зреет...

Поначалу Лю даже не замечал голоса. Ему казалось, например, что он сам пошёл в тот давний день к вишне, где нашёл подкидыша. Но разве плохо было, когда он забрал у него ножки? Приловчился же не резать ими руки, а вырастет — задорого продаст, ведь он не собирается всю жизнь сидеть в сторожевом клане. То ли дело столица! Да и сапожки, которые ему подарили за то, что он нашёл гадёныша, оказались дивно хороши.

Лю впервые обратил внимание, что не все его действия выбраны им самим, когда напали хэнги.

Не хотел он воду для волов таскать в дороге! Не хотел и не стал! А голоса, целый хор, как разнылись внутри — аж голова разболелась, впервые в жизни, да так, что ещё целый день виски ломило. Голосам-то казалось, что правильнее было встать и вместе со всеми таскать воду. Может быть, это тоже привело бы к чему-то хорошему, да кто ж теперь узнает. Но Лю было лень, и он не послушался, сделал по-своему. Как же у него разболелась голова!.. И первый раз в жизни он задумался о том, что выполнение подсказок голосов приносит пользу — а невыполнение несёт боль.

Чаще всего желания незримого собеседника совпадали с желаниями самого Лю. Раз от разу полудемон всё больше привыкал к голосу, голосам; считал приказы подсказками. Вообще, собственными догадками! Проще ведь делать то, чего сам хочешь.

Убить Йи Дэя Лю Чу — хотел. Сам. Безо всяких подсказок и приказов. Не понимал почему. Наверное, с того самого момента, когда нашёл под вишней. Да, собственно, и убил бы, теми же ножками, что к нему привязали тонкой ленточкой, если б те клинки не распорили первым делом пальцы полудемона. Но момент был упущен.

А гадёныш оказался ужасно живучим.

Вот что б ему стоило сдохнуть от того, что на нём сгорела ясным пламенем вся кожа? Нет, выжил. Правда, за его жизнь боролись всем кланом...

Кстати, надо бы проведать бедного неловкого гадёныша, который чуть было сам себя не сжёг. Так и было! Сам себя, Лю ни при чём. Все в это верят, значит, всё так и есть.

Учитель, уезжая с Отшельником в Циньдар, сказал, что Йи можно выходить из палаты на веранду не больше чем на час в день, с веранды не спускаться, книги читать час после завтрака и час после обеда. Не тренироваться в каллиграфии, не рисовать, соседних диалектов не учить.

Не жизнь — тоска, в общем, но Йи подумал и пришёл к выводу, что Учитель прав. Да на нём всё заживало быстро, но не молниеносно, даже одежду пока надевать было рано, то там, то тут кровоточили ожоги. О каких выходах на веранду нагишом могла идти речь! И в этом Учитель и был прав: разрешил выходить. То, что Йи решил сидеть в палате — выбор самого Йи.

Когда выдалась свободная минутка, то есть, подсторожив, когда лекари, кухарки, уборщики разойдутся и Нуорэдэ тоже уйдёт, пришёл Лю Чу.

— Не всё тебе в любимчиках ходить! — начал он вместо приветствия. — Где Учитель? В столице! Где ты? Сидишь взаперти и носа на улицу высунуть не смеешь!

— Смею, — возразил Йи. — Просто не хочу.

— Хочешь! — засмеялся Лю. — По глазам вижу, ой как хочешь, но боишься, гадёныш!

— Не боюсь, — не согласился Йи Дэй. — Не гадёныш. Я человек. А ты — нет.

— Ха! Я — полудемон! А ты...

Лю смотрел на Йи — и видел клубящуюся черноту.

— Ты — то, хуже чего нет во всём этом мире!

Йи задумался: что бы такое могло быть для Лю хуже всего?

— Я — твоя смерть? — спросил он.

Лю расхохотался:

— Нет уж! Перебьёшься! То, что у меня не получилось убить тебя в этот раз, ещё ничего не значит! Я только начал!

— А когда продолжишь? — загорелся любопытством Йи.

Это же здорово! Не просто сидеть взаперти, а сражаться с чудовищем, которое пытается тебя убить! Прямо как в историях Вейжа, как во снах!

— Когда никто мешать не будет, — воровато огляделся Лю.

Кажется, возвращались с обеда Цуею и его помощница.

— Не скучай, червяк!

Лю Чу сбежал, а Йи никому не рассказал, что он приходил.

Вот так расскажешь взрослым — пойдут и запретят Лю убивать Йи. И он упустит свой шанс стать героем-демоноборцем.

Ну, полудемоноборцем...

Глава 14. Жи Шиту Ри Ли

Гэнгэлиэн не понравилось в клане Звёздной Императрицы.

Спроси её, чем же именно, не сумела бы объяснить. Ей подобрали чистую одежду, не просили даже снимать обереги, помогли привести в порядок енотий хвост, сводили в баню, вкусно и обильно накормили, разрешили поселиться в отдельной, пусть и маленькой, комнатке... Учитель отвёл в классы, где обучали её ровесниц. Предложили, если захочет, присоединиться помогать ткачихам — на этой неделе девочки её возраста помогали старшим в ткацких мастерских.

В мерном подрагивании повозки, катящей к столице, мысли в голове оседали и притирались одна к другой, как рисинки в потряхиваемой банке: когда только-только насыпали — с горкой, не умещается, но похлопай по боку — и ещё горсть крупы войдёт.

Гэнгэлиэн поняла: ей не понравилось, что на неё обратили слишком мало внимания.

Нет, к ним что, каждый день Заклинатели приходят пожить?!

Если её старшего общинного сразу утащили в подполье пытаться, то почему тогда её не связали, не заперли — она тоже Заклинатель! Она тоже опасна! Она девять и два раза повторила, что жила в одной общине с тем, кого они готовятся запытать насмерть!

А всем всё равно...

И даже сейчас, её не схватили, не затащили насильно в повозку, не принудили ехать в столицу. К ней подошёл Учитель и вежливо улыбнулся: «Мы едем в Циньдар. Хочешь с нами?»

Конечно, она хотела! Ещё как! Может быть, хотя бы там её всё-таки заметят.

Она ли вошла в город или город вошёл в её сердце, в неопытную душу, знакомую лишь с дикими стихиями, Гэнгэлиэн не поняла.

Дома! Люди! Флаги! Повозки! Всадники! Акробаты! Воздушные змеи!

Под чёрными тучами, словно цепляющимися за крыши домов, в свете там и тут пылающих высоких факелов и широких огненных чаш, не дающих жара, только желтоватый свет, пёстрые толпы сливались в одно многоголовое, многоголосое существо.

— Здесь не всегда так шумно и суматошно, — объяснил Учитель. — Сегодня ждут делегацию Драконов.

Девочка распахнула глаза шире лица: вот оно!

— Драконы! Они приехали забрать Паншанга и меня?!

Учитель свёл соболиные брови к переносице:

— О чём ты?

— Ну как же! Мы Заклинатели, мы пытались впустить в Поднебесную Львов Тёмного Пламени!

Учитель рассмеялся, очень по-доброму, но от того лишь обиднее:

— Паншанг — да, пытался, но ты-то, пока он творил беззаконие, охраняла Отшельника, закрывала его от чужих глаз! Да и зачем вы Драконам?

Гэнгэлиэн насупилась:

— Но зачем же тогда они приехали именно сейчас?

— Не спеши. Скоро всё узнаешь. Ты приглашена на Церемонию Приветствий, там сама Небесная Императрица устами Божественной Княгини² расскажет нам, для чего Драконы

пришли в Циньбан.

Отшельник не помнил, чтобы в жизни случались ситуации, когда его охватывало настолько сильное волнение. Голова кружилась, в глазах темнело, руки тряслись, как у горького пьяницы. Он был безмерно благодарен Учителю за то, что тот помог ему облачиться в приличествующие приёму у Звёздной Императрицы одежды — и, собственно, подарил те одежды, ведь в горах Отшельник одевался как Заклинатель, в просторные штаны, длинную льняную рубашу. Учитель подарил шёлковые рубашу и халат, помог привести в порядок волосы, заплёл в косы обгорелые пряди, прикрыв ритуальными повязками наиболее сильно повреждённые участки. Также он и пара его взрослых учеников из одной большой корзины соорудили небольшое кресло. Сидеть в нём, укрытым коврами и обложенным подушками, оказалось очень удобно, а двое парней, крепко держа за ручки, могли переместить его в нужную точку: идти Отшельник всё равно не мог, а появляться перед Императрицей и Драконами лежащим, не будучи при смерти, казалось совершенно неправильным.

Драконы, создатели Каменного Календаря, лично пожаловали, чтобы оценить результат многолетнего труда Отшельника: перевод Каменного Календаря Драконов в бумажный альбом.

Толстую книгу из плотных листов перевязывали четыре ленты с закреплёнными на них черенками тысячелистника. Одна считала лунные годы и месяцы, вторая лунные дни, третья солнечные месяцы и годы и четвёртая солнечные дни. Стальная Женщина Шижэнь³, однажды принесённая Учителем, дала согласие быть Указателем дат при Жи Шиту Ри Ли 4 — Бумажном Каменном Календаре.

И не захочешь, но поверишь, что в Нефритовых Скрижалях Небесной Канцелярии заранее всё расписано, иначе Отшельник не успел бы перенести все знаки с Каменного на бумажный!

Но как отнесутся создатели календаря к такой вольности?

Создателей представляли драконица из клана Водных со свитой и молодые драконы из кланов Горных и Лесных.

Находясь в человеческом облике, драконы носили традиционные для Циньбана одежды клановых цветов. На праздники и большие приёмы, как сегодня, надевали парадные наряды с вышивками драконов. Красавица Водная прибыла в небесно голубой рубаше, видной под бирюзовым халатом, расшитым серебром и сапфирами; девушки из свиты — в одинаковых тёмно-синих одеждах, все с высокими сложными причёсками, украшенными живыми белыми и голубыми хризантемами. Мужчины — в парадных халатах, сером с коричневым у представителя Горного клана и коричневом с тёмно-зелёным у Лесного.

Учитель знал: несмотря на то, что и его чуткий глаз не видит никакого оружия, гости все вооружены до зубов. Так, он был уверен, сверкающие алмазами и золотом пояса драконов-мужчин — мечи-никудэ⁵, изукрашенные перламутром веера девушек из свиты — страшное оружие лонши уб, «крыло дракона», способное и проткнуть противника, и разрубить... а сколько у них ещё ядовитых спиц в причёсках и рукавах, сколько метательных ножей таится под вышивками в потайных карманах, сколько мечей скрывается в складках одеяний... и это всё, если не считать того, что дракон — сам по себе оружие.

Церемония Приветствий между тем шла своим чередом. У входа в Зал Центральной Оконечности расстелили большой шерстяной ковёр, затканый традиционными узорами,

означающими водные просторы, и умело вписанными в них морскими обитателями. По углам ковра установили четыре огненные чаши, их свет заменял собой солнечный. Дав гостям как следует налюбоваться ковром под тихое пение флейт и перезвон клавишных колокольчиков, слуги под удар гонга вынесли и установили по центру ковра деревянный трон Звёздной Императрицы, специально вырубленный из циньанского лавра для Церемонии Приветствий, и пять кресел для гостей-драконов. К флейтам и колокольчикам присоединились двуструнные скрипки сансяни, гонг и барабаны.

Когда драконы заняли отведённые им места, оказалось, два кресла предназначены для Отшельника и Учителя.

Ему позволили находиться рядом с Отшельником, чтобы время от времени как можно менее заметно для окружающих нажимать на спине и шее больного нужные точки: раздробленные кости удалось собрать, они даже начинали понемногу срастаться правильным образом, но боль — не лучшее сопровождение торжественных церемоний.

Свита драконицы красивым полукругом выстроилась позади кресел, волной плеснула в стороны, пропуская к трону Звёздную Императрицу. Именно такой она всегда представляла на приёмах: многослойное платье из золотого шёлка скрывал халат из золотой парчи, расшитый алыми фениксами, высокая причёска — дополнение к многоярусной короне, яшмовые нити пяти цветов по числу пяти стихий вьются над лицом, почти не скрывая изумрудного сияния глаз...

Не спеша занимать свой трон, Звёздная Императрица вышла к огненным чашам, подняла руки — и в дрожащем тёплом свете алые фениксы на развернувшихся до полу золотых рукавах полетели в стороны от неё, выпущенные на волю магией императорских ткачих и вышивальщиц.

Музыка смолкла, и над сотнями людей, заполнивших площадь Врат Небесного Спокойствия, зазвенел мелодичный голос Звёздной Императрицы. Каждый слышал его так, словно главная красавица страны стояла с ним рядом и обращалась именно к нему:

— Жители Циньдара и гости столицы! Нам выпало жить в дни тяжёлых испытаний. Я не верю — я знаю, что многие из вас сумеют с честью пройти их...

Божественная Княгиня делала паузы, и люди успевали задуматься: а войдут ли они в число тех, кто справится? Но, раз сказано — «многие», значит, у каждого есть шанс приложить усилия, чтобы стать одним из достигших успеха.

— Всем вам известно, что каждое событие наших жизней вписано в свитки Небесной Канцелярии. Все вы порой испытываете желание заглянуть в них чуть дальше сегодняшнего дня.

Многие посмели шепнуть о своём согласии, и над толпой раздался гул, созвучный морскому прибою.

— Все вы знаете, что эту возможность нам часто дают Каменные Календари Драконов. Один из них находился в пещерах Крокодилового Хребта. То, что творится сейчас, — ладони Звёздной Императрицы развернулись навстречу низким тучам пепла, — тоже можно было прочесть на каменных кольцах. Теперь они разрушены.

Изящным жестом Императрица сложила руки на груди, и алые фениксы сменили направление полёта. Теперь они летели в ладони красавицы.

— Вот, перед вами — человек, за свою долгую жизнь он сменил много имён, Эрудит, Упрямец, Стальной Воин, многим из вас он стал известен, когда принял имя Инши — Отшельник. Сегодня мы собрались здесь и пригласили драконов, чтобы поздравить его с

завершением многолетнего труда!

Гул стал громче, но голос Звёздной Императрицы, по-прежнему мягкий, мелодичный, всё равно продолжал звучать для каждого:

— Отшельник нашёл способ записать все знаки Каменного Календаря Драконов в Жи Шиту Ри Ли, Бумажный Каменный Календарь!

Над площадью Врат Небесного Спокойствия, прямиком к тучам пепла, медленно осыпающимся на землю, рванулись снопы золотых искр из огненных чаш. Барабаны грянули поздравительный марш, и в него вплелись ликующие крики толпы.

Отшельник почувствовал, как по щекам потекли слёзы.

Он записывал знаки на бумагу, он изобретал способы, как заставить их повторять всё то, что говорят при вращении кольца Каменного Календаря, понимал, насколько это важно... но представить себе не мог, что сама Звёздная Императрица выразит ему благодарность, да ещё и так!

Да ещё и пригласит хозяев Каменного Календаря...

На человеческих лицах драконов светились улыбки. Искренние и радостные, они казались Отшельнику скептическими: подумать только, человек сделал что-то! Он никак не мог поверить, что дело его рук может быть причиной такой светлой радости в такое тёмное время.

Но стоило чуть утихнуть крикам толпы, драконица поднялась со своего места и вышла к Звёздной Императрице:

— Я — Лан Ма Нао 7, я глава клана Водных Драконов, я не нахожу слов, чтобы выразить свою признательность Инши за то, что он спас наш Каменный Календарь! — а вот голос драконицы звучал не для каждого, для всех сразу — гремел раскатами грома. — Каждый из Каменных Календарей уникален, мы долгие века не знали, где именно в горах Крокодилового Хребта затерялось это гнездо, но Гэнгитжэнши сумел пробить к нему дорогу, и я говорю от лица всех драконов: мы благодарны тебе, — она одним завораживающе прекрасным и совершенно нечеловеческим движением перетекла к креслу Отшельника, — мы благодарны тебе, Инши. Ты, человек, сумел сохранить нашу, драконью, память!

Девушки из её свиты одна за другой взмывали в воздух, преображаясь в бело-голубых, сине-серебряных и бирюзовых дракониц.

Драконьи тела сияли перламутровым лунным светом, и тучи от этого казались ещё более чёрными, грозными, готовыми рухнуть на Запретный Город и раскрошить его в пыль.

Дракон из Лесного клана поднялся со своего места и достал из рукава бамбуковую флейту сяо. Её звонкий голос вплёлся в движения драконьих тел, и их сияние заставило подниматься гнетущую черноту выше и выше, освобождая души от тяжести беспросветного мрака.

Гэнгэлиэн, которую Учитель оставил в первом ряду собравшихся на площади, почти у самого края шикарного ковра... плакала.

Смотрела во все глаза на оживающих фениксов Звёздной Императрицы, на головокружительные движения драконов в людских телах, на мертвенно-бледного Отшельника, на гибких дракониц, сияющих радостью в небе — и взахлёб рыдала.

Звуки бамбуковой флейты словно рождались в её собственном сердце. Они были самым грандиозным заклинанием, которое только могла себе представить маленькая Заклинательница. Они были сразу и скрытой тучами бездонной синевой неба, и незримыми

глубинами морей, порождающими драгоценный янтарь, и тысячами слов, прозвучавшими разом, но такими понятными, самыми важными — и крепкой тёплой рукой, сжавшей заледеневшие пальчики девочки...

Она смотрела на молодого дракона и понимала, что больше никогда не сможет повторять за бабушкой, что влюбившаяся в дракона Зэнзэн ничего не понимала ни в людях, ни в зверях, ни в жизни.

Кто-то из стоявших рядом ласково коснулся её плеча, погладил по голове, и Гэнгэлиэн с длинным вздохом, не отрывая взгляда от драконьей пляски в небе, благодарно привалилась спиной к приласкавшему её человеку, женщине.

— О, да, девочка, — грудной мягкий голос был продолжением волшебства переливов сяо. — Слезы восторга — не менее искренни, чем слёзы боли. Пойдёшь ко мне в ученицы?

Гэнгэлиэн рукавом теранула мокрые глаза, и, даже не спрашивая у незнакомки, кто она и чему будет учить, широко улыбнулась:

— Ага!..

— Ченглей! Ты так спокойно об этом говоришь! — возмущённо пыхтел Отшельник, стараясь не ёрзать в корзине.

Учитель пожал плечами:

— Я должен биться в истерике? Рвать на себе волосы? Предаваться бичеванию? Или, может быть, мне пойти пасть в ноги Звёздной Императрице, чтобы она вмешалась в дела общества Правой Руки Ночи?

— Да! — с жаром выдохнул Отшельник.

Ему и в голову не пришло скрываться от будущих палачей, несущих корзину: они как боевые коты, всё услышат, всё поймут, никогда никому ничего не расскажут.

— И как ты себе это представляешь? Прихожу я, падаю на колени и взываю с мольбой: о Ваше Императорское Величество! Одна малознакомая мне девочка, хорошая приятельница Инши, прямо с Церемонии Приветствий взяла и ушла с представительницами общества Правой Руки Ночи! Так?

— Да!

Учитель видел, его ученикам уже не составляет никакого труда прятать эмоции, смех заметен лишь в глубине глаз, хоть оба мальчика и готовы хохотать во весь голос.

— Ты слишком уж много времени провёл вдали от людей, потерял пульс жизни. Это тебе кажется естественным существование Правой Руки Ночи.

— Да!

Отшельник, как ни старался, никак не мог найти такого положения, в котором не захочется просить палачей отрубить поскорее несчастную ногу.

Учитель погладил её, нажимая нужные точки. Покачал головой: тело Отшельника давно перестало реагировать, можно было только вызвать по новой паралич ниже пояса, но тогда в корзине его будет ещё сложнее нести.

— Это я знаю, где их найти и о чём имею право просить, — Учитель честно старался отвлечь Инши от боли. — А Божественная Княгиня засмеётся мне в лицо и попросит не отнимать у неё время от важных дел детскими сказками. А буду настаивать, отправит меня к лекарям, чтоб проверили, здоров ли, в своём ли уме. Не существует никаких рук ночи, ни левых, ни правых!

— Но она же сама!.. — возмущённо вскинулся Отшельник, тут же срываясь в крик: от

его резкого движения подушки в корзине сдвинулись, туго перемотанная нога тоже, боль пробила раскалённым прутом через всё тело, от пятки до макушки... и штаны придётся менять.

Ученики поставили корзину на землю ещё до того, как Учитель дал знак сделать это. Бережно вынули Отшельника и уложили на траву рядом с дорожкой, по которой несли его.

— Бегом за носилками, — отправил их Учитель. — Я пока тут сам...

Он опустился на траву рядом с другом, поднял его голову и плечи себе на колени, завёл порядок касаний, вызывающий паралич.

— Но Гэнгэлиэн... но Рука Ночи... но Звёздная Императрица... — порывался что-то объяснить Отшельник.

— Чшш... не надо. Не говори того, в чём не уверен.

— Но ты же сам сказал!.. — застонал Инши.

— Я? Я сказал всего лишь, что она сдаст меня лекарям, если я попробую намекнуть, что она сама воспитала Правую Руку Ночи. Вот и всё. Чувствуешь ноги?

Отшельник с изумлением вскинул глаза на Учителя:

— Уже нет...

— Надо было не идти у тебя на поводу, о герой, а сделать так сразу.

1

Pianzhuang — патлатый

2

Божественная Княгиня — один из титулов Звёздной Императрицы

3

Zhizhen — Указатель

4

Zhi Shitou Ri li — Бумажный Каменный календарь

5

Niuqu de — скрученный

6

Long zhi yi — крыло дракона.

7

lanma nao синий агат

Глава 15. Как летают драконы

На бледной коже Йи почти не осталось пятен от ожогов. Малыш спокойно носил одежду, не боясь случайно повредить заживающие раны, начал чуть больше есть — хоть кухарки всё равно на него жаловались. Кому это в голову придёт, кормить своей едой боевого кота! В ответ на меланхоличное «Ну отругайте его как следует, когда снова притащит в столовую зверя» от Учителя они смущённо отводили глаза. Уж что-что, а убеждать малыш умел.

И получать то, что задумал, тоже. Вот как сейчас, без зазрения совести забрался на руки к старшему ученику, Туфу¹, одному из тех, что носили Отшельника в Запретном Городе:

— Расскажи!

— Я же уже рассказывал, — погладил Туфу мягкую щёточку отрастающих волос Йи.

— Расскажи ещё раз! Это же... — малыш прикрыл глаза и выдохнул, — драконы!..

Туфу снова погладил его и, посмеиваясь, принялся повторять в который уже раз:

— Звёздная Императрица пригласила драконов в столицу, чтобы показать им Жи Шиту Ри Ли...

Малыш каждый раз застывал неподвижно с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом — кажется, и не дышал, пока длился рассказ о церемонии с драконами. Стоило рассказчику дойти до финального фейерверка, Йи крепко-крепко обнимал его... и тут же убежал, стараясь всхлипывать как можно тише.

Туфу, встретившись взглядом с Учителем, виновато развёл руками:

— Я не понимаю, почему он плачет!

— У него сразу две причины, — мягко улыбнулся Учитель. — Первая — восторг. Ты обратил ли внимание, что Йи по очереди попросил рассказывать всех, кто там был? Самые красочные описания получаются у тебя, потому он и возвращается к тебе раз за разом, чтобы ты помог его живому воображению ещё раз увидеть драконий танец, услышать речь Синего Агата — Лан Ма Нао...

Туфу поклонился Учителю в знак благодарности — не каждому ученику доводится слышать похвалу от Властителя Небесной Флейты² — и спросил:

— А вторая причина?..

Учитель покачал головой:

— Вторая слишком близка к первой. Йи грезит драконами, они часто снятся ему — и тогда он утром прибегает ко мне, взахлёб рассказывать, о чём нашептали духи Царства Сновидений. И он плачет сейчас от бессилия, потому что не может изменить прошлое, не может пройти мимо той жаровни... и увидеть драконов своими глазами тоже не может.

Где искать спрятавшегося малыша, Учитель догадался почти сразу: на соколином дворе. Там для приручённых охотничьих птиц разных пород устроили навесы с гнездовьями, там же в специальных коробах держали птичье и людское снаряжение для охоты.

В специально огороженном, как можно более надёжно укрытом и от непогоды, и от посторонних глаз уголке птиц лечили. Самонадеянно полезшие в бой с волками, лисами, котами, вступившие в драку с более сильными крылатыми соперниками, побитые непогодой птицы терпеливо дожидались, пока с них снимут бинты. На месте их удерживал не столько

их разум, сколько воля тех, для кого они были «призываемыми».

Учитель надеялся, что любовь малыша к птицам — знак того, что он, когда подрастёт, научится их призывать, но нет. Птицы просто его... не замечали, что ли. Вот на Лю постоянно набрасывались, он уже обходил соколиный двор окольными путями, но соколы то по одному, то группами нападали на маленького полудемона. Подстерегали его, и, когда никого поблизости не было, падали сверху, вцеплялись в волосы, старались выклевать глаза.

А Йи, заметив, что Лю боится приближаться к соколиному двору, принялся убегать туда при каждом удобном случае. Помогал чистить клетки, готовить еду, кормить взрослых птиц, приучать молодняк носить снаряжение...

Учитель нашёл его в укромном уголке, где сейчас выздоравливал Куаисуз, молодой ястреб, которого на охоте жестоко порвал дикий кот. Птица заметила приближение человека первой, но Йи сразу же обратил внимание на её поведение и постарался как можно быстрее встать и поприветствовать Учителя по всем правилам.

— Что так печалит тебя, малыш? — опустил Учитель на скамейку рядом с Йи Дэм.

Тот часто-часто захлопал длинными ресницами, еле слышно выдохнул:

— Зависть...

— Чья? — удивился Учитель.

Он не ожидал такого ответа.

— Моя... — ещё тише, хоть это и казалось уже невозможным, шепнул Йи.

— Ты завидуешь тем, кто видел драконов? — осторожно спросил Учитель.

Малыш нахмурился:

— Нет. Я завидую драконам.

Йи говорил честно — по-другому и не умел.

— Почему?..

— Они умеют летать. И вот им, — он кивнул в сторону Куаису, — им тоже. Они тоже летают.

— А ещё летают мухи, — подсказал Учитель. — И комары. Им тоже завидуешь?

Глаза Йи удивлённо распахнулись в пол-лица:

— Не-э-э-э-эт... они совсем не так летают!

— А как?

Йи подпрыгнул, дёргая руками:

— Ну бестолково же так! А птицы нет. А драконы... — он снова часто заморгал, — а драконов-то я и не увидел...

Учитель пообещал:

— Когда-нибудь непременно увидишь.

А сам задумался: сбилось одно из самых значительных предсказаний о рождении Воплощённого Зла. Какие ещё нужны доказательства, ведь проснулись вулканы, которую неделю не видно солнца, гибнут посевы в полях, сходят с ума и люди, и звери, и птицы... но то, что позволяет Учителю чувствовать течение жизни, не даёт признать, что Воплощённое Зло — малыш Йи.

Может быть, это и есть знак того, что у Зла накопилось достаточно сил, чтобы отвести глаза тем, кто смотрит прямо на него, усыпить их разум, пленить их души, внушить веру в то, чего на самом деле нет...

Может быть, что-то иное видела Алая Лента... бывшая Алой Лентой Нуорэдэ.

Печать на устах не давала обсудить это с ней — и жизнь текла своим чередом.

1

Tufu — мясник

2

Властитель/Владыка Небесной Флейты — замечательный оратор, мастер убеждения и принуждения без угроз

3

Kuaisu — стремительный

Глава 16. Между Крысой и Драконом

Клан Нефритовой Богини — сторожевой клан, к зиме от столицы, словно ожерелье красавицы, небрежно брошенное на изгибе реки. Аккуратные домики, парки, крохотные по сравнению со столичными площади, всегда нарядные клумбы, казармы, почти неразличимые среди жилых домов; учебные корпуса, сторожевые линии застав, которые видны всем — и которых не видит никто... С тех пор, как появился подкидыш Йи Дэй, Учитель каждый раз, покидая клан хоть на час, не мог отделаться от потаённого страха: будет ли куда возвращаться? Ведь Небесная Императрица назвала, кто такой Йи. Да, она не общалась словами, передавала яркие образы, но те красавицы, что умели сложить мозаику слов из загадочных пятен, становились Алыми Лентами — а одна и вовсе Звёздной Императрицей.

Богиня передала суть мальчика так, что чуткая красавица разглядела фразу: Йи Дэи — Гибель Мира.

Мальчик, неотличимый от людей, как полудемон, человеком не был. Люди не могут так быстро расти, видеть сны, обучающие истории Циньана и заморским диалектам. Не могут, изучая ремесло палача, резать себе руки до кости, но так, что на них наутро не остаётся ни царапины. И ведь никого это не удивляло.

Наверное, не вызывая у окружающих никаких вопросов, могли бы полудемоны. Но пока такое не получалось даже у Лю Чу, молод слишком — а Йи не вызывал.

Полудемоном он не был тоже. С единственным в клане носителем крови Диюя у него с первого дня совершенно не задалась отношения.

Но никто, если не считать самого Учителя, Звёздную Императрицу, Нуорэдэ и нынешнюю Алую Ленту, никто кроме них не обращал внимания ни на быстрый рост мальчика, ни на скорый ум, ни на ловкость его рук. О нём, вроде бы, помнили, если спросить. Да, Йи Дэи, да, умный мальчик, да — но о нём сразу же забывали, стоило ему отойти на шаг. Вот, пока он израненный ребёнок на руках кормилицы, она ругается с Алой Лентой: какие зверства творит Учитель с малышом! Но вот оставляет его лекарям, и... и всё. Вспомнит о нём, когда увидит, но ни с кем не поделится, что требовала защитить невинного ребёнка, никого не позовёт на помощь, и это никак не связано с подчинением старшему по званию. Зато рассказывать и пересказывать, как водила к целителям случайного мальчика, оцарапавшего локоть, будет недели три.

А сам Учитель, зная, кто Йи, зная, что он не человек, находясь рядом с ним, готов отдать за него жизнь. Почему?

Учитель запряг вола и направил его к Столице.

Не только с Отшельником, не только со Звёздной Императрицей он мог посоветоваться. А совет был нужен. Очень. Небесная Императрица назвала Йи — Гибелью Мира. Почему же не дала приказа уничтожить?.. И почему Учитель помнит о Йи Дэе почти ежеминутно — но не может сосредоточиться на том, что... на чём? Все попытки даже спросить самого себя, в чём причина такого непонятного отношения к мальчику, как морские волны, разбивающиеся об утёс.

Вол размеренным шагом нёс Учителя в Циньдар. За спину укатывались бусинки домов, как будто соскальзывали с лопнувшей нити в ожерелье одна за другой. Вот и потекли поля, луга, перелески, потянулись навстречу подводы с мукой, зерном. Клан Нефритовой Богини, защита Столицы, сам не мог обеспечить себя едой, тканями, оружием. Все нужное живущие

в нём получали из других кланов, других диалектов. Многие, рождённые в клане Нефритовой Богини, подрастая, уходили в другие, если им в Небесной канцелярии прописали другую судьбу. Им на смену приходили рождённые воинами в других кланах.

Кто был тот мужчина, что оставил Йи под вишней?.. Но даже эти мысли сознание выталкивало из себя, как река поплавок.

*

Учитель знал: он — палач. У него нет семьи, кроме клана, нет детей, кроме учеников, нет жены, кроме кнута, но он все равно не сможет уехать из Циньдара, не увидев Яшмовую Красавицу — Звёздную Императрицу. Её четверо мужей найдут повод оставить их наедине для решения вопросов государственной важности, зная, что ни он, ни она так и не заговорят наедине ни о чём, кроме тех самых вопросов. А в первую очередь в этот раз Учитель обсудит, что нужно, с драконом.

И уже позднее — с Нефритовой Богиней.

*

Драконы строили свои дома дугой, обнимающей Циньдар со стороны гор, много веков назад, когда он едва отступал от стен Тайного Города. С течением времени драконьи дома подрастали, подступали друг к другу, сливались садами, наполненными мандариновыми деревьями, вишнями, ивами.

Дом того дракона, к которому шёл Учитель, стоял особняком от драконьих, ничем не выделяясь в обнимающей холм волне городских человеческих домов. Маленький, чистенький, без особых украшений, походил на своего хозяина: невысокого, не несущего Печати Племена в облике, но всегда прилично одетого, в чистое обутого, правильно заплетённого...

Цао Цао предпочитал, чтобы Учитель называл его не на Старшей Речи, Когтистой Лапой, а по-простому Когтем. «Я же не напоминаю тебе то имя, о котором мечтаешь забыть».

— Здравствуй, хозяин Коготь! — приветствовал Учитель того, с кем вместе стирал с лица земли общину Заклинателей в неразличимой за пеленой лет юности. — Помочь перенести дрова?

Дракон нёс несколько просушенных чурбачков из сарая в дом.

— А помоги! Лишними не будут, ночи нынче холодные.

*

Учитель набрал поленьев, сколько мог унести, аккуратно сгрузил их в доме у камина.

— Сейчас будет ужин, — оповестил хозяин. — Я был сегодня на одной из самых неудачных своих охот. Захотел с утра свинины, тушеной с чесноком, имбирем, мёдом, вином и соевым соусом, а её дома не нашлось. Пошёл на базар. На базаре тоже парного мяса не отыскал, позавчерашнее не приглянулось, до гор лететь поленился — да и побоялся. Поймаю в предгорье кабанчика, да там и сожру сырым с голодухи. А хотелось же — м-м-м! — тушёного! В кисло-сладком!..

Учитель вежливо слушал, поддерживал кулинарную тему. История появления на леднике Цао Цао почти совсем свежего карпа, из которого соорудили шикарную «Чёрную Хризантему», оказалась в разы длиннее рассказа о поисках свинины. Да и сама

«хризантема», пока мужчины не доели последние «лепестки», располагала отнюдь не к спешке.

— Хотел спросить о своём воспитаннике? — сам сменил тему Коготь.

— Да, — кивнул Учитель.

Где-то под ложечкой словно закрутилась под кожей пыточная шестерёнка. В губы вонзилась невидимая ледяная игла.

Значит, так проявляется Печать. Учитель помнил о ней, но она не мешала беседам о подкидыше и его сути с Нуорэдэ или Алой Лентой. Тем более, с Яшмовой Красавицей.

— Нет!.. — он бестрепетно встретил пытливый взгляд дракона. — Нет...

По рубахе медленно расплывалось пятно крови, чёрное на чёрном.

— Нет, — повторил Учитель, медленно, вкладывая в каждое слово протест, — мой воспитанник здесь ни при чём.

«Нет же, он и есть причина моего появления здесь, но мне не велит привлекать твоё внимание к нему сама Небесная Императрица — она не велит допускать его к общению с драконами, может, из-за того, что у Небесной Драконицы на его счёт иные планы, а драконы его убьют — мальчик твердит, что драконы во снах требуют, чтобы он умер!..»

Цаао Цзао не умел читать мысли. Видел только боль во взгляде человека. И страх.

— Сейчас я заварю нам чай, молочный зелёный чай, чтобы аромат рассеял твои беды, а вкус дал бодрости и сил...

*

Пальцы Учителя обнимали фарфоровую чашечку, на которой от температуры остывающей воды медленно меняли цвет полураскрытые пионы. Белые, как полуденный снег на вершинах. Розовые, как смущённые щёки юной красавицы. Алые, как губы тайной мечты Учителя.

Вот же они, на расстоянии печали!

Вода остынет — и пионы замрут в бархатно-бордовом, как в ритуальных вышивках на шторах Вешних Палат.

Яшмовая Красавица лукаво улыбнулась собственным мыслям: Учитель мог ничего вообще не рассказывать. Императрица всё прочла по дыханию. Она заметила грусть, сопровождающую Учителя на всех встречах с ней, недовольство неумением составлять верные планы, чёрную на чёрном кровь на рубахе палача, уже почти высохшую и все время вроде бы случайно прикрытую от сторонних взглядов руками, то одной, то другой. Коготь не заметил, но ведь он и не должен был.

— Небесная Императрица не включила дракона в число доверенных лиц? — мягко спросила красавица, отставляя свою чашку и беря Учителя тонкими пальчиками за скрытые манжетами запястья.

Учитель поставил чашку с багровеющими пионами на стол, встретился взглядом с Яшмовой Красавицей. Положил ладони тыльной стороной на стол, собирая пальцы в лодочки по обе стороны от чашки.

— Да. Я полагаю, она против контактов Ыи с драконами.

Пальцы Императрицы заскользили по ладоням палача, коснулись кончиками их центров, задержали движение.

Когда его пальцы проскользили по её ладоням, так же замирая в центрах, красавица закрыла глаза. Так уже бывало. Так уже не раз бывало.

Она — Императрица. У неё четверо мужей, четверо детей. Никого не касается, кем населена её постель, и она в полном праве...

— Буду ждать тебя сегодня, когда Крыса встретит Быка, в Лунном Павильоне.

Пальцы Учителя не дрогнули, очертили маленькие круги на её ладонях:

— Сделаю все, что в моих силах, чтобы лишь Змее* удалось увести тебя к семи и двум категориям духов, что покажут Нефритовый Дворец Небесного Кролика.

*

час Крысы — с 23:00 до 1:00

час Быка — с 1:00 до 3:00

час Змеи — с 9:00 до 11:00

Глава 17. Подкидыш и Тень

— ...а потом я заметил, что мы уже слишком долго не видим ни встречных, ни попутных повозок, всадников и пеших путников, и я сказал Учителю, что это не к добру, и предложил отдать приказ готовиться воинам, но мы не успели, и на нас напали пауки, два, четыре, десять, много пауков! Они были размером с имперских пантер! Да что там, больше волов! И я наравне с Учителем защищал испугавшихся малышей и целителя!..

Шесть лет назад Лю Чу рассказывал, как он помешал пакостнику Йи Дэю вызвать ещё пауков.

Пять лет назад рассказывал, как ему, Лю Чу, удалось добыть кинжал и вступить в бой с пауками.

Четыре и три года назад не рассказывал ничего: Учитель застал его за хвастовством и назначил примерное наказание за лживые наветы.

А два года назад у Лю появились новые слушатели: одна из красавиц с мужьями и сыновьями переехала в клан Звёздной Императрицы. Она была Мастером Огненной Пыли, а клан и жизнь как раз покинула прежняя Мастер.

Лю не сам додумался, что быть другом новеньким ученикам, осваивающим воинское дело, очень даже полезно. Это ему подсказал тихий вкрадчивый голос. Тихий-тихий, еле слышный, но при том как будто сразу в унисон одно и то же говорят несколько мужчин и женщин разного возраста. Тихий — но гулкий, с неслышимым эхом, прокатывающимся по всему телу.

Лю, полудемон, знал: он может, а значит, должен использовать во благо себе всё, что само идёт ему в руки. Если он делал то, что то ли советовал, то ли приказывал Голос — или Голоса! — ситуация волшебным образом сама собой складывалась так, как нужно юному полудемону. Вот, толкнул треногу — и чуть не сжёг этого мелкого пакостника. Да, он оказался слишком живучим, но кто пришёл утешить и поддержать Лю в этой досадной неудаче? Голос. Только Голос! Можно было потерпеть этот гул, пробирающий до озноба, этот хор, вселяющий в душу ужас, ведь это он подсказывал, что, кому и как сказать, чтобы верили в слова полудемона, а не подкидыша.

Рослые новички, моложе Лю Чу на год и на два, обрадовались тёплому приёму местного заводилы — таким для них старательно показывал себя ученик палача. При них другие поостерегутся задевать Лю. Ведь даже Голос ему сказал: «Это — твоя армия, первый отряд твоей армии, ты маленький, и она маленькая, ты будешь расти, и вместе с тобой будут расти твои воины!» И вот им-то он теперь мог сколько душе угодно рассказывать байки о своём путешествии в столицу. Они там были? Не были! А он им расскажет всё, как есть. И про павлинов, ступающих вслед Звёздной Императрице и раскрывающих хвосты с каждым её шагом, и про говорящих пятнистых карпов в бассейнах и каменных чашах, и про живого, настоящего феникса, ручного, который сжигает врагов, и про самих врагов — а уж сколько их успел перебить за то посещение императорского дворца сам Лю Чу!

Стоило отдать должное, Лю в его четырнадцать вёсен казался не по годам развитым и очень, очень-очень добросовестно упражнял своё тело, отчасти в ущерб разуму. Так, если стоял выбор, читать философский трактат или разучивать новые приёмы борьбы, хитрец бежал опроретью за наставниками по борьбе, изобретая на ходу небылицы в отговорку для Вейжа. Голос, кстати, не протестовал. С недавних пор, правда, и Лю Чу манила к себе

библиотека. Он случайно подглядел, чему учат наставницы двадцатилетних учеников за богато вышитыми занавесями, и теперь выискивал книги о вешних утехах. Он даже почти совсем перестал травить Йи, хоть и не упускал, как и прежде, ни единого повода высмеять его успехи: ему невероятно нравилось звание Старшего Ученика.

А с недавних пор Лю решил жалеть этого несчастного. Голос одобрял, а может, он и подсказал.

Как и полагалось, в седьмую весну наставники оценивали, каковы магические умения подрастающих детей. Сам Лю седьмой год учился мастерству владения огнём — чему бы ещё учить полудемона! Как знать, вдруг из него выйдет такой же Мастер Огня, как и Учитель! А маленький Йи Дэй, пусть и обогнал ростом всех ровесников, не нашёл общего языка с Огнём, ему не отозвалась Вода, он не слышал ни Землю, ни Камни, его не слышал Ветер, с ним не заговорил Металл...

Лю Чу злорадствовал: сколько и каких надежд Учителя пошли прахом! Лю был уверен, уж теперь-то Учителю придётся смириться с тем, что его Старший Ученик ещё и Лучший. Но... он что-то не торопился проявлять смирение, продолжал возиться с Дэем.

Голос... или сам Лю? Наверное, всё же Голос успокаивал: «Всему своё время».

Лю верил.

Учитель не помнил, чтобы у него на попечении когда-нибудь ещё находились двое мальчиков — таких разных, но так непостижимо неразрывно связанных.

Лю Чу. Полудемон.

Йи Дэй. Человек? Нет, конечно же. Гибель Мира, Воплощённое Зло!

Они вечно ходят друг за другом. Чаще Лю подстерегает Йи, но когда Лю близко нет, Дэй словно нарочно стремится пройти там, где противник его заметит...

Йи к семи вёснам изрядно вытянулся ввысь. Ел по-прежнему плохо, стал похож на тонкий гибкий пруттик. На экзамене у Мастеров Стихий — провалился. Стал делать, что мог. Старательно учил диалекты и внешние языки, наставники хвалили, да и сам Учитель видел — преуспевает. Йи никогда не отказывался от просьб старших, если возникали сложности, принимал их как повод улучшить что-то в себе... раз не даётся магия, надо брать умом и старанием. Приловчился вырезать фигурки из дерева, горстями раздаёт малышам деревянных красавиц и воинов, когда только успеваешь наделать. Вот — попросили отнести на кухню корзину яблок, и он, поблагодарив за просьбу правильным поклоном, потащил огромную тяжесть. Учитель же сказал: «Если верно взяться, можно поднять самое неподъёмное».

И пока Лю не видно, но дрожит самая тонкая струнка предчувствия: полудемон вышел на охоту, скоро налетит, закружит, пнёт корзину, поставит подножку...

Йи искал точку, в которой удобнее держать ручки корзины, примеривался, как согнуть ноги, как выгнуть спину. Когда он в последний раз так тащил тюк ткани в мастерскую, над ним от души насмеялся Лю Чу: пристроился впереди и, пока ему казалось, что никто не видит, жестоко кривлялся, изображая движения мальчика. Ещё сопровождал словами, правда, их Учителю слышно не было. А наказывать Лю — дело бессмысленное. Сколько бы ни вправляли ему разум, беседами ли, побоями, всё скатывалось с него, как дождевики с травинки. В последнее время он нашёл себе казавшееся ему верным оправдание: чуть что, принимался сожалеть, что это он притащил Йи в клан. И ведь, действительно, сожалел. Не не потому, что подкидыш оказался чужд всякой магии — какой палач без магии! — а

потому, что Лю Чу так и не назвали лучшим по сравнению с ним.

Одно дело, когда тебя не называют лучшим среди твоих ровесников. Но когда ты не лучше малыша, который вдвое тебя моложе... в десятки раз слабее... не склонен ни к какой магии...

Учителю порой так хотелось не просто выпороть Лю — забить его насмерть. Дать ему умереть от кровопотери после игры с Дэйю — да, привычка, скольким демонам они со Стальной Женщиной помогли вернуться в Тёмные Палаты! Эти кровожадные мысли накатывали штормовыми волнами и в ужасе отступали. Убить — ученика? Четырнадцать лет назад он дал слово его матери, что поможет ей вырастить мальчика достойным, увы, не человеком. Отец Лю погиб в одном из сражений, погиб под командованием Учителя, и тот чувствовал ответственность за его семью. Шутка ли дело — демоница, чья страсть к человеку не отпускала её назад в Дию семь лет.

Почему-то потребность защищать подкидыша принимала такие странные формы...

Учитель понимал, то высокомерие, которое Лю Чу постоянно проявляет в нужных и чаще совершенно не нужных случаях, взращивала и подпитывала в нём его мама. Да, Лю забыл её, как она и говорила, едва ли не в день её ухода, но чёрное дело было сделано.

Между тем Йи продолжал медленно тащить корзину к кухне. Он уже устал, полуденное солнце играло искрами в его длинной аккуратной косе — удивительно быстро отросла, ещё быстрее научился сам заплетать, — припекало голову, нагревало чёрную рубашку. Остановки-передышки стали дольше, но Дэй упорно тянул свою ношу.

Учитель держался поодаль. Наблюдал. Он и так не оставлял Йи без внимания, а после Экзамена Стихий и вовсе ходил за ним по пятам. Как же так, никакой магии! Но ведь есть же что-то... Лю они с Дэем заметили одновременно, может быть, даже Йи — первым.

Учитель нахмурился, не понимая, куда делся мальчик вместе с корзиной. Ведь он только что вновь выгнулся, чтобы оторвать её от земли перед новым шагом, и... и пропал.

Вошёл в Тень?!

Не было такого экзамена, который выявлял бы предрасположенность к Тени у детей. Все знали, так высечено на Нефритовых Скрижалях Небесной Канцелярии: по достижении двадцати и двух вёсен те бойцы, что слушают Ветер и слышат Камни, беря за руку одного из Теней, пробуют войти за ним на изнанку мира. Если у них это получается, их начинают учить чувствованию точек вхождения, и к двадцати пяти и двум годам нарекают Тенями.

Но в семь вёсен...

Учитель прошёл туда, где видел Йи входящим в Тень. Там же Дэй и вывалился обратно, успев поставить наземь корзину, но не сумев удержаться на ногах.

Ни испуга, ни даже удивления не отразилось в огромных чёрных глазах мальчика. Быстро поднявшись, он, как положено, поклонился Учителю.

— Донесёшь яблоки — жду тебя под апельсином у входа в Дом Алой Ленты, — велел тот и быстрым шагом удалился в обозначенном направлении.

Йи знал, что Учитель его уже не видит, но всё равно церемонно поклонился уходящей спине.

Алая Лента встретила Учителя так, словно давно ждала его.

После обмена церемониальными приветствиями, она нарушила правило разговора. Учитель пришёл к ней, он и должен был первым заговорить о том, с чем пришёл, но...

Но в чёрных глазах Алой Ленты плясали зелёные искры. Такие же, что живут постоянно

в глазах Звёздной Императрицы: верный знак того, что с ней на связи Небесная.

— О Учитель, прости, я не могу молчать! Сама Небесная Императрица призвала меня. Сказала, Йи должен пройти экзамен Теней... скажи. Успокой меня. Ты же понимаешь...

Вслух высказать свои мысли о том, что игры с Тенью, до которых допускают лишь избранных, уже обученных магии мужчин — и никогда красавиц! — Алая Лента не решилась. Опасения, что эти игры недоступны семилетнему мальчику, если он, и правда, всего лишь мальчик, Учитель читал на лице Главы Клана так, словно она всё же сказала их. Словно проговорила немой вопрос: «Это потому, что Йи Дэй — Воплощённое Зло?»

Но нет, она сдержала себя и не выразила недоверия к решению самой Небесной Императрицы.

Учитель улыбнулся, опуская взгляд:

— Йи пройдёт этот экзамен, я уверен. Зови... Канга.

Как всегда, он чуть не назвал его Новым вслух.

Алая Лента приказала найти названного Учителем бойца, и очень скоро они втроём уже ждали мальчика под апельсином.

Йи постарался донести корзину до кухни как можно быстрее, но всё равно ему казалось, что слишком медленно её тащит. Учитель не будет ругать, может быть, даже не выскажет недовольства вслух, но Йи всё равно прочтёт укор во внимательных чёрных глазах.

Вымыв руки, мальчик быстро, как мог, побежал к дому Алой Ленты.

Там уже ждали трое, Учитель, сама Алая Лента и воин Тень, о котором рассказывали, что он оставил прежнюю жизнь ради того, чтобы укрепить собой оборону сторожевого клана, оставшегося без пяти самых сильных бойцов.

Алая Лента и Тень мрачно хмурились. Йи Дэй почти успел заразиться от них суровой решимостью стойко встретить очередной удар судьбы, однако в глазах Учителя светились тепло и гордость. Мальчик часто ощущал такой взгляд на себе, как крепкую руку, придерживающую за локоть, когда впервые идёшь по натянутой верёвке над воткнутыми в землю пиками. Нет, впервые-то он шёл один, сам, пока никто не видел, зато как приятно было ощутить руку Учителя во второй раз!

Йи поклонился, как то предписывали правила, сначала Алой Ленте, после Учителю, потом Тени, а затем им всем, как должен кланяться младший, приветствуя старших.

Взгляд Алой Ленты стал чуть теплее, а в голосе, приветствовавшем Йи, почти не звучало ни одной строгой ноты. Может быть, волнение:

— Йи Дэй, ученик палача клана, готов ли ты пройти экзамен, который назначила тебе Небесная Императрица?

Дэй почувствовал, как сухо-сухо внезапно сделалось во рту, и, прежде чем он смог ответить звуками, ответил исполненным смирения поклоном, которым, как сумел, выразил принятие судьбы.

— О Алая Лента! Я готов, да будет на то воля Небесной Императрицы...

Учитель довольно кивнул.

Да, именно такого ответа он ждал от этого мальчика. Пусть и планировал впервые услышать его спустя ещё много лет, но когда-то всё равно должен был состояться его первый экзамен.

Алая Лента повела экзаменационный ритуал дальше:

— Готов ли ты принять исход этого экзамена, вне зависимости от того, будет ли это

победа или поражение?

Йи помнил, как положено отвечать, и опустился на одно колено, показывая пустые ладони небу:

— Я, Йи Дэй, принимаю свой путь таким, каким он вписан в свитки Небесной Канцелярии...

Он помнил все слова, даже мечтать не мог сказать их так скоро, хотел, чтобы его голос прозвучал внушительно и гордо, как звучали по весне голоса других учеников, и даже слегка расстроился, услышав тоненький и робкий колокольчик своего детского голоска.

В глазах Алой Ленты полыхнуло зелёное пламя: сама Небесная Императрица пожаловала принимать этот экзамен.

— Учитель? — призвала Глава Клана.

— Я готов, — отозвался он.

А вот его голос, низкий, глубокий, звучал как раз так, как и должен звучать голос уверенного в себе и своём подопечном наставника.

— О Учитель! Проводи Йи Дэя на первую ступень его жизненного пути, да ведёт он его так и туда, как и куда предписано Небесной Канцелярией!

Высокие утренние облака разбежались в стороны, давая солнцу получше осветить происходящее. Кто из Хранителей Нефритовых Скрижалей пришёл лично досматривать?..

Не было ни праздничных флагов и флажков, которыми украшали помещения, где проходят экзамены, ни толпы друзей, родственников, врагов, недоброжелателей, которая сопровождает на экзаменах всех студентов.

Даже Лю Чу, от которого Йи невозможно скрыться ни днём, ни ночью, даже он не видит сейчас того, что ему уготовано... а что ему уготовано?

Йи постарался, чтобы протянутая Учителю рука не дрогнула.

Не получилось.

Страх неведомого опутал ноги, связал собой мысли, забрал тепло из пальцев, и Учитель крепко сжал ледяную ладошку мальчика, как будто сказал: не переживай, ничего страшного с тобой не случится, я же рядом.

Никто не говорил ни слова. Йи вдруг догадался: они успели всё обсудить до того, как он добежал до них! Вот он спящий карп, так спешил, что пропустил всё самое важное.

Тень подошёл к ним, как и положено Тени, совершенно бесшумно соткавшись из воздуха и солнечных бликов прямо перед Йи.

Протянул ему ладонь. Огромную, сильную ладонь, знающую мозоли от оружия, удержать которое Йи не хватит сил ещё много-много лет.

Учитель вложил в неё ледяную ладошку своего ученика, и ладонь Тени заключила её в горячий плен.

Что будет дальше, Йи даже представить себе не мог. Никто по прежнему не говорил ни слова. Спрашивать «что мне делать?» казалось ещё более глупым, чем молчать, и Йи не издавал ни звука, надеясь, что ему всё же объяснят, что от него требуется...

Мир качнулся.

Весь мир.

Разом.

Йи громко ахнул: земля под ногами выписала сложный кульбит, так её ощущаешь, прокатываясь «колесом», когда её вдруг нет — и внезапно снова есть.

Горячая ладонь словно напитала своим жаром пальцы Дэя, и он ощутил, как пульсирует

сердце в каждом пальчике... мир подёрнулся странной рябью, и похожей на ту шёлковую вуаль, в которой Дэй прятался от Лю Чу, и не похожей. Жар вокруг пальцев ослабевал, воин Тень таял в дрожащем мареве. Йи испугался, что сейчас останется совсем один среди странного небытия, и, не сходя с места, рванул за воином — прямым в чёрную воронку ночных кошмаров, из которых ему улыбалась алмазными зубами звёзд нездешняя чернота.

А вот теперь голоса звучали где-то над ним, где-то рядом с ним.

Встревоженный — Алой Ленты:

— Это невероятно! Этого не должно быть!

Обескураженный, незнакомый, наверно, воина Тени:

— Клянусь, он сам! Всё сам! Я только подтолкнул!

Усталый и гордый — Учителя:

— Да тише вы, тише! Он приходит в себя. Йи Дэй, открой глаза!

— Хорошо, учитель... — еле слышно пролепетал мальчик, не понимая, зачем открывать и без того открытые глаза, он так хорошо видит эту алмазную, искристую, радужную черноту...

— Йи Дэй! Я не намерен повторять тебе дважды!

Йи невероятным волевым усилием всё же распахнул неподъёмно тяжёлые веки:

— Я... провалил... экзамен?..

Радостный смех взрослых ввинчивался в уши болью.

— Кровь! — ужаснулась Алая Лента, и Йи понял, что его держит на руках Учитель, что он несёт его...

— Мы в лазарет!

Глаза сами собой закрылись, и острозубая улыбка нездешней черноты вновь заискрилась под сомкнутыми веками.

Когда Йи окончательно пришёл в себя, Учитель рассказал ему, честно и без утайки, что с ним случилось на нежданном первом в жизни экзамене.

— Я почувствовал в тебе магию с того самого первого мгновения, когда впервые взял тебя в руки. Так опытный садовод чует дерево в крошечном семени, — говорил Учитель, и Йи не оставалось ничего, кроме как согласиться со старшими учениками.

Те называли Учителя Владыкой Небесной Флейты: восхищались не только боевым совершенством и мастерством палача, но и умением находить слова, меткие, как стрелы мастеров, лёгкие, как касание пушинки...

— Мы, палачи клана Звёздной Императрицы, носим звания «Хвост Скорпиона». Тебя же велено наречь Тенью Хвоста Скорпиона, Йи Дэй. Не сегодня и не завтра, но, как только твоё здоровье восстановится, я и Тени клана приступим к обучению тебя всему тому, что ты должен знать и как палач, и как Тень.

За дверью раздался громкий стон отчаяния, и Учитель повысил голос:

— Девять и две плети, Лю Чу. Утром, до завтрака, при всех учениках, при всех наставниках ты объяснишь, почему ты подслушивал, раскаешься и примешь наказание.

Учитель старался вести себя, как обычно, и всем казалось, что так и есть: строгий, знающий если не всё, то многое, справедливый наставник руководит процессом обучения новых мастеров клана. Мало кто, кроме Теней и уже закончивших обучение Хвостов Скорпиона, был в курсе бессонных ночей над книгами, картами, знал истинные цели

дальних и ближних путешествий и мог бы хотя бы приблизительно предположить, какие выводы делал из своих наблюдений и размышлений Учитель.

— Мне кажется — и я бы очень хотел, чтобы именно казалось, но, увы, течение жизни подсказывает, что... — Учитель беседовал со Звёздной Императрицей всё в той же уединённой беседке в саду.

Близящееся к завершению лето охватило весь Циньан пламенем цветущих роз, азалий, хризантем, астр, утопило в ароматах мирабилиса, тимьяна. Можно было глотнуть воздуха и надолго умолкнуть, смакуя полутона и оттенки, и никто не осудил бы, потому что сложно нарушать эту мимолётную гармонию звуками человеческих голосов.

— Течение жизни подсказывает, что это — всего лишь затишье перед бурей.

Звёздная Императрица склонила голову в знак согласия. Осторожно коснулась кончиками пальцев руки Учителя. Яшмовые бусины прошелестели по шёлку и органзе вуали.

Учитель прищурился, ловя мерцание зелёных искр в глазах красавицы:

— Насколько я могу судить, в ближайшее десятилетие нам не грозит война. Извержение, выжженные поля, разрушенные поселения... мы, и Заклинатели, и культисты Воплощённого Зла, мы все вместе откапывали себя из-под пепла. А теперь словно медведица впала в зимнюю спячку. Неслышно родит, сквозь сон выкормит грудным молоком... армию.

Императрица закрыла глаза. Впрочем, почти сразу же открыла, вспомнив, что Учитель слишком внимателен для того, чтобы упустить из виду её контакт с Небесной ипостасью:

— Я знаю, что и мы не упустим шанса вырастить своё войско.

— Если у них будут зачарованные клинки, унесшие жизни Теней семь лет назад...

Учитель не стал продолжать.

После долгой паузы заговорила Императрица:

— Если в седьмую весну Воплощённое Зло ушло в Тень — кто знает, что мы противопоставим тем клинкам.

— Кто знает, — эхом отозвался Учитель, — кто знает, на чьей стороне те клинки окажутся.

Глава 18. Кто защитит охранницу

Чем старше Йи становился, тем чаще Учитель брал его с собой в Циньдар. Мальчик радовался: там с ним говорила Яшмовая Тётя — он благоразумно больше не называл её так вслух — она загадывала ему такие красивые загадки! Разгадать некоторые не получалось, как ни складывай мозаику слов, но в этом и была их главная прелесть. И Учитель этому радовался.

Звёздная Императрица — грустно вздыхала.

В самый первый раз, заметив грусть в её улыбке, Йи тут же спросил, чем посмел невольно огорчить Божественную Княгиню. Та похвалила Учителя — сумел обучить вежливому обращению — и успокоила мальчика: детям не стоит пытаться понять до конца, что могло бы озаботить взрослых, пока ещё взрослые заботы далеки. Надо пользоваться моментом, детство очень быстро остаётся в прошлом!

Йи с поклоном поблагодарил Яшмовую Тётю за красивый ответ. Над ним не хотелось долго размышлять, он был понятен и ясен. Хотелось следовать совету пользоваться моментом. И Дэй пользовался, как умел!

Попадая в столицу так часто, как другим, живущим в сторожевых кланах, и не снилось, он давным-давно, ещё малышом, отыскал в Библиотеке Столичных учительских палат карты Циньдара и Запретного Города и научился с лёгкостью в них ориентироваться. И в картах — и в красивейшем узоре улиц, улочек и переулков, лестниц, подземных переходов, мостов, крыш... Йи оставался на месте, только пока так велел Учитель. Если же звучало волшебное «иди погуляй», город сам ложился под ноги. А уж когда открылось быстрое перемещение по Изнанке Мира, в Тени, оказалось, даже за один день можно побывать везде!

В Циньдаре жил Отшельник, он учил Йи читать Жи Шиту Ри Ли, подсказывал, как задавать вопросы и где искать ответы. Дэй знал, где он живёт, и ему нравилось, как Гэнгтижэнши изображает испуг, видя выходящего из Тени мальчика — на самом-то деле он не боялся.

Можно было встретиться с Яозу. Старше вёсен на пять, он казался ровесником Йи, а сколько всего знал об истории мира! Йи всегда вёз ему весточки от учителя Вейжа и передавал мудрецу ответные.

А ещё в столице жил Ронмао¹ — Пух! Маомао², Пушистик! Молодой боевой кот давно перестал быть «пятнистым коlobком». Он выросл быстрее товарища по детским забавам. Огромный даже для своей породы зверь, пока нёс службу у ворот, позволял себе только приветственно дёрнуть ухом при виде Йи, но как только заканчивалось его почётное дежурство, молнией летел к другу. Он теперь умел бить лапой, не выпуская когтей, и после бурных игрищ, во время которых кот и мальчик вдоволь друг друга валяли по траве, песку, каменным дорожкам, не приходилось бежать скорее к лекарям, чтоб залечили глубокие порезы. Разве что к прачкам за щёткой, чтобы лучше вычистить одежду будущего палача и пригладить шкуру сторожевого кота. Ещё Ронмао с радостью выполнял роль ездового вола, правда, кататься на коте Йи предпочитал под покровом ночи, чтобы Учитель не бледнел, видя, какой хороший всадник вышел из его ученика.

Маомао понимал Йи с полуслова, Дэй угадывал мысли друга по движениям хвоста. Когда боевой кот нёс его наверх, мальчик представлял, как летит высоко-высоко, над облаками, там, где отчаянные злые ветра стремятся высечь глаза. Когда спускались вниз,

немногим медленнее падения, Йи распахивал руки навстречу земле, и детская мечта о полёте становилась ещё на шаг ближе... По правде сказать, Учителя надо было всё-таки предупредить, что стремительный взлёт на самый верх императорской пагоды верхом на коте и практически падение с крыши — не экспромт, а заранее не раз и не десять отрепетированное представление.

А к одиннадцати вёснам Йи неожиданно вырос и с такими длинными ногами стало неудобно даже на огромном боевом коте. Дэй больше не катался верхом на Маомао. Зато наловчился бегать с ним наперегонки и прыгать почти так же ловко.

Разумеется, ночи напролёт мальчик занимался ровно тем, чем велит Учитель — а если вдруг не велит ничего, то всем, чем только захочется. То есть, прогулками с котом, если тот не на смене, резьбой из дерева, если попадётся подходящая веточка, взломом и починкой замков — и столичных уличных часов, интересно же, как они работают, ведь в клане не такие.

Учитель делал вид, что не замечает ночных подвигов воспитанника — Звёздная Императрица знала о них куда больше и повелела молчать — и Йи казалось, они с котом сумели обмануть всех.

Если б кот мог говорить, он рассказал бы другу, что во всех прогулках за ними ходят на приличном расстоянии красавицы, про которых люди, даже если знают, что они есть, говорят, что их не существует.

Сегодня Маомао нервничал. Холодный Дворец в небесах налился перламутровым сиянием, яркие звёзды короной встали вокруг него. Света было достаточно и привычным глазам мальчика, и зоркому коту.

Ронмао принюхивался к холодному ветерку, словно тот нёс волнующие запахи. Дэй тоже мерещился чужой взгляд где-то между лопатками.

— Давай быстрее!.. — подтолкнул он кота к забору у храма Неба, упирающемуся в ограды Монетного Двора.

Там на стене он в прошлый раз не запомнил полностью механизм работы тайника, правда, сегодня уже сомневался: если кто-то на него так пристально смотрит — можно ли этому кому-то знать, что он знает про тайник?

Мальчик и кот пролетели, как подхваченные ураганом клочья туч, почти не касаясь отёсанного дерева. Ни звука! Только лёгкое «пумм!», когда две ноги и четыре лапы толкнулись в брусчатку.

И еле-еле слышный шорох, шурх-шурх-шурх, будто маленький котёнок пробежал по забору.

Ночные гуляки вжались в тёплое дерево — и увидели невесомую лёгкую тень, соскользнувшую за ними следом.

— Урр!.. — обозначил своё присутствие Ронгмао.

Тень крутанулась на пятке, расправляя в стороны лепестки метательного ножа и дагьен. Перламутровый лунный свет заплясал на остриях.

Йи закрыл собой кота, инстинктивно вскидывая руки в боевой стойке.

Да, он безоружен.

Да, один нож он отобьёт — Стальная Женщина-лиандао уже вступила в диалог: *мы просто смотрели, я не намерена причинять вред!*

— С кем ты говоришь?! — возмутился мелодичный девичий голосок.

— Урррр! — кот попытался закрыть собою Йи.

Дэй не выпустил его на линию поражения: меч в руке девушки не был Стальной Женщиной и все ещё представлял опасность.

— Твоя лиандао говорит со мной, — мягко проговорил Йи, показывая, что готов к диалогу и обороне от дагъен, не от цепного ножа. — Вы идёте за нами весь вечер... почему? *мы охрана!* — сразу же созналась лиандао.

— Молчи же!.. Предательница! — а в голосе девушки зазвенела обида.

— Ничего не понимаю... — Йи развернул раскрытые ладони к девушке, выходя из боевой стойки — и тут же обхватывая поперёк тела и валя на брусчатку прыгнувшего на незнакомку кота.

Маомао возмущённо взмявкнул — а на спину Йи обрушился по косо́й удар дагъен.

На уроках у мальчика не всегда получалось подсказанное Учителем: принять движение оружия, стать водой, отхлынуть от лезвия, как волна. Наверное, потому, что учебный меч никогда не нёс смерть на лезвии. Но эта красавица почему-то хотела убить Йи.

И он — «отхлынул». Вытек из-под удара, плеснул в ноги нападающей, завалил её... и сам удивился: какое тонкое, какое хрупкое тело застыло под любопытными прикосновениями его лап.

То есть, рук. Это ему вновь примерещились огромные когти вместо бледных тонких пальцев.

— Не понимаю!.. — повторил Дэй.

Гладкая ткань не была преградой для жара крови красавицы. И пульс — её сердце билось так часто, словно она... боится?

— Маомао! Прекрати! — кот решил закрепить успех и сжал зубами плечо девушки, а Йи так заслушался своими ощущениями, что лишь теперь заметил. — Красавица! Осторожнее!

— Я слежу за тобой, — недовольно буркнула девушка. — Следила.

мы охраняем вас! — ответила в параллель ей лиандао.

— Да что ты будешь делать-то! — дёрнула красавица освободившимся от зубов плечом.

Одетая в плотно прилегающий к телу костюм, какой носят разведчики, выходя на задание, она показалась вдруг Йи так похожей на красавицу из его давнего сна!

— Зэнзэн?.. — недоверчиво спросил он.

— Нет, — отозвалась девушка. — Называй меня Гэнгти Тшу3! Стальной Паучихой!

Йи, наконец, разжал руки, отпуская талию красавицы — какая тонкая! Что твоя лозинка! Так не хотелось убирать ладони — но как это всё могло выглядеть со стороны — на тёплой брусчатке распласталась навзничь красавица, а на ней сидит...

Дыхание перехватило, Йи подскочил на ноги, помог встать девушке и учтиво поклонился, как полагается при знакомстве.

Стальная Паучиха! Это имя удивительно шло ей.

Йи поклонился ещё раз, называя себя:

— Йи Дэй... приказывай... готов исполнить.

— Да иди уже!.. — отмахнулась красавица и, как живая паучиха, легко запрыгнула на забор, с забора на стену Монетного Двора, и будто бы ушла в Тень, взмахнув несуществующими широкими рукавами.

— Мы ещё увидимся?.. — крикнул Дэй ей вслед.

Кажется, она прокричала в ответ «да».

А может быть, Йи просто очень хотел, чтоб было так.

Перестать улыбаться он не смог, даже когда в обнимку с Маомао устроился на крыше пагоды провожать за горизонт бледнеющую Луну.

1

Ронгмао — gong maо, пух

2

Маомао — maоmaо, пушистый

3

gāngzhī zhū — Стальная Паучиха

Глава 19. Кто звал полудемона?

В такие лунные ночи Лю обожал крутиться перед зеркалом в свете Холодного Дворца Белой Кошки. Кожу отражения словно покрывали перламутровые чешуйки, почти как драконьи, но не драконьи, а в черноте глаз можно было заметить отсветы нездешнего пламени, багрового, тягучего.

Сколько юношей готово сегодня пойти убивать во имя Лю и по его приказу?..

Что-то смутное, почти неопознаваемое шевельнулось в груди.

Какая разница, сколько.

Сколько ли готов пройти Лю своими ногами, чтобы узнать, как готовится мир к раскрытию Врат для Воплощённого Зла?..

Глупость какая-то. «Своими ногами»! Нет, если речь идёт о паре шагов, хорошо, о паре сотен шагов, то их можно и ногами. Но когда предполагаются ли... какие ноги. В хлеву стоят волы, готовые хоть сейчас донести Лю в нужную точку!

Чувство глубокого удовлетворения затопило изнутри.

Лю сложил аккуратно и красиво руки на груди и двинулся к хлеву.

Волы мирно спали, ритмично посапывая во тьме.

Лю задумался: ни одного осёдланного — ещё бы! На ночь в упряжи не оставляют, а. Полудемон умел запрягать, но это такое муторное занятие, что впору искать пути отступления. Или звать на помощь «друзей».

Или идти в тот хлев, где всегда держат двоих-троих запряжёнными — на всякий непредвиденный случай.

У Лю Чу как раз именно такой.

Пастухи дежурили вдвоём. Один из них давно нёс на себе Печать Тьмы, а забрать себе второго не составило труда. Лунный свет не успел пройти сколь-нибудь значимого пути по земле, а Лю уже скакал на послушном черныше с богатыми коваными обручами и кольцами на рогах.

Вэйж, рассказывая, какие диалекты населяют Циньан, говорил о Заклинателях, что поют песни силы духам, о последователях культа Тёмного Пламени, что селятся поблизости от вулканов, о чтущих «вешние воды» — надо бы и к ним наведаться... как-нибудь в другой раз.

Сегодня Лю искал культистов, ждущих пробуждения Воплощённого Зла.

О них Вейж говорил не так уж много, наверное, потому, что не много и знал. То ли дело Заклинатели, неприметно и по большей части законопослушно идущие рядом с мирными жителями. Или ценители Пламенных Львов: чуть извержение — они наготове.

А Воплощённое Зло — легенда, миф, выдумка чьего-то нездорового разума. Столько условностей необходимо соблюсти, столько событий должны совпасть в крайне трудно уловимых точках...

Расспрашивать о них на уроке принялся Йи. Лю сделал вид, что от него эта тема далека, только слушал внимательно-внимательно. Гадёнышу же вечно больше всех надо — вот пусть теперь его и считают Воплощённым Злом!

Йи задавал вопросы — словно сам Лю диктовал их. А Вейж радовался, он всегда радовался, когда ученики давали ему повод рассказать как можно больше. И огорчался,

потому что самым частым ответом в этот раз стало «хотел бы я быть уверенным, что это именно так, но сии факты не имеют никаких подтверждений...»

Точно было известно лишь то, что Ждущие Пробуждения не ведут никаких записей, невелики числом и все доступные им знания передают из уст в уста. Присоединяясь к собратьям, они первым делом выучивают короткий и действенный ритуал самоубийства: никто не видит, как меняются записи в Нефритовых Скрижалях, никто не знает, когда Ждущего возьмут за руку служители закона... но, чтобы обезопасить братьев, пойманный должен умереть. Сразу же.

Вэйж вздыхал:

— Я бы сказал, что не могу быть уверен и в этом, но Небесная Императрица говорит, что число Ждущих Пробуждения растёт с каждым годом, словно они уже почти дождались, и им недостаёт последнего звена в цепи ожидания.

Лю тогда задал Вейжу один-единственный вопрос:

— А где их искать, этих Ждущих?

И Вейж рассмеялся:

— Факты их пребывания в том или ином месте не имеют никаких подтверждений!

Теперь же Лю почему-то был уверен, что выбрал единственно верное направление: не в Циньдар, но к весне от него, где белые туманы над Жёлтой Рекой Сианцзе хранят многие тайны.

Лучше бы весна была не только направлением, а то что-то слишком всё зимнее.

Лю собирался ехать спокойно, любоваться лунным сиянием, представлять как однажды всё-таки убьёт гадёныша — это сейчас он полезен, всё внимание Учителя, Алой Ленты, наставников обращено на него, а вот, скажем, многодневного отсутствия в клане Лю Чу никто и не заметит... и тот день, когда полудемону не нужно будет скрываться, всё ближе.

Лю подстегнул вола, принуждая двигаться быстрее.

Как будто крохотный колокольчик звенел где-то под рёбрами, призывая спешить — и подсказывая путь.

— Ладно, — сам для себя решил вслух полудемон. — Хорошо. Еду!

Он взбодрил вола ещё и ещё, вспомнил, как мать рассказывала, что за знаки наносят на кольца, закрепляемые на рогах...

По витиеватым узорам потекли огненные струйки. Вол захрапел, споткнулся — и помчался вперёд с утроенной силой.

Лю закричал от радости, распахивая руки навстречу тьме и ветру!

Ветру — и Тьме.

«Они ждут твоего воплощения», — подумал Лю.

«Моего. Ждут и готовятся, и я должен успеть», — вот теперь он, и правда, подумал. А до этого слышал Голос.

Или Голоса.

— Ну что ж, заскучать в пути не дадите!

Путь задался недолгим — вол, и правда, скакал с такой скоростью, о которой говорят «летел».

Утренние туманы только зазмеились по чёрной в ночи глади Сианцзе, а Лю уже соскочил с жалобно постанывающего вола и, оттолкнув к воде скотину, которая может ещё

пригодиться, если выживет, медленно пошёл по влажной траве.

Он знал, куда идёт.

Догадывался, кого встретит.

Понятия не имел, что скажут ему — но был уверен, что здесь ждут именно тех его слов, которые ему так понравилось говорить:

— Я — твой повелитель.

Пока никто не слышит, можно не добавлять «будущий». Знай Лю, что надо прислушиваться, услышал бы шаги раньше, чем перед ним сгустился туманный сумрак, становясь человеком:

— Повинуюсь, — проговорил он, опускаясь на колени.

Как сладко звучало это слово!..

Лю просто растаял от удовольствия. Он где-то краем сознания ещё улавливал тонкую грань, проходящую между ним, полудемоном Лю Чу, и тем, что привык звать Голосом или Голосами, но...

Но при виде коленопреклонённого незнакомца, выходящих из густеющего на глазах тумана мужчин и женщин — они выходили, опускались на колени, протягивали руки раскрытыми ладонями к земле, и из земли, оплетая их пальцы, запястья, вытекали струйки густого чёрного дыма — при виде них Лю терял ту грань, бесповоротно.

Знал: перед ним — трупы.

Всматривался чуть пристальнее — видел, как они умрут, чтобы переродиться рисинками в котле грядущей войны.

Рисинками. Надо поесть. В конце концов, он разве человек, чтобы испытывать к ним жалость.

Зима готовилась вступить в свои права.

В тусклом свете пасмурного дня, слишком сером, слишком унылом, отдавал накопленное за лето сияние белый мрамор барельефов и хранили зелёную вешнюю радость сосны.

— Я предлагаю нашу следующую встречу провести в личном кабинете при Библиотеке Столичных учительских палат, — Божественная Княгиня зябко двинула плечиком под рысёй шубкой.

Учитель молча обернул красавицу меховым полотнищем: на зимних дорогах его тепло хранил плащ из чёрной норки — Императрица глубоко вдохнула, закрывая глаза.

Под неплотно сомкнутыми веками словно сама Небесная Императрица показывала ей, какими запахами напитался гладкий мех в пути. Вот терпкие оттенки воловьей шкуры. Ноты металла и кожи упряжи. Вот немного соснового дыма.

А вот то, от чего туго скручивает сладкой болью само естество: Учитель. Учитель, мозаика из ста и двух ароматов.

Венценосная красавица всегда была рада его видеть. Осязать. Ощущать. Не имела права дать понять ему, а тем более, кому-либо из ныне живущих, какова сила её радости — но кто бы смог убедить её, что они с Учителем вовсе не как два зеркала, что отражают и усиливают свет одной свечи?

— Зимняя спячка Воплощённого Зла продолжается, значит, тот, в ком оно нашло своё воплощение, ещё слишком мал.

— Или Зло готовится чуть более тщательно, чем три века назад. Может быть, усыпляет нашу бдительность.

Даже наедине, вдали от чужих глаз, от досужих ушей, они не решались говорить о настоящей причине того, как ловко находит Звёздная Императрица поводы вызывать палача сторожевого клана в Столицу. Нет, они, конечно, всегда есть, но...

Только Небесная Императрица впишет в Нефритовые Скрижали ещё одно благословение им, способным сохранять не только чужие тайны, но и свои.

Учитель спокойно придерживал руками плащ на Императрице, не давая ветру раздуть его полы. Говорил — важное, нужное:

— Я много думал о том, что драконы знают о людях всё и может быть чуть больше, но люди не знают о драконах ничего, кроме того, что их жизнь устроена похоже на нашу — и то лишь потому, что это драконы принесли в мир людей изумрудное сияние связи с Небесной Драконицей, Небесной Императрицей. Я пытался узнать у Цао Цзао, может ли быть Йи Дэй одним из них. Нефритовая Богиня мне напомнила о дарованной нам Печати, — Учитель приложил ладонь к свежему шраму в точке, где сходятся рёбра, — и я так и не сумел задать вопрос. Но она же сделала так, чтобы я убедился: если бы Йи был драконом, он сейчас, в двенадцать лет, выглядел бы совершенно взрослым. А лет до семи мы бы и не видели его в человеческом облике.

— Как это так? — изумлённо взмахнула ресницами красавица.

— В доме Когтя сейчас как раз растёт юный дракончик. Ему всего четыре года, и он оборачивается человеком только на минутку и если его как следует убедить в необходимости превращения. Говорить он может, показывая образы. Я так понял, что в нём кипит энергия, а человеческое тело не слишком удобно для её вымещения, для бега, прыжков, полётов. Становясь человеком в четыре года, он выглядит мальчиком вёсен двенадцати или тринадцати. Коготь сказал, на седьмую весну его тело перестанет расти, и он получит клановые татуировки.

Звёздная Императрица покачала головой:

— О да, благодарение Нефритовой Богине... настолько стремительным рост Йи никогда не был. Я понимаю, ты бы хотел, чтобы Воплощённым Злом оказался кто-то другой, я бы сама так хотела, но... он не человек. Не полудемон. Не демон. Не Заклинатель...

Учитель сложил ладони, пряча под них ладони Императрицы, холодные, хрупкие, как льдинки:

— Я не чувствую в нем зла. Я не чувствую от него никакой опасности. Мне только хочется защитить его!

— Давай защитим его вместе!

Учитель коснулся губами своих пальцев — под ними быстро таяли ледышки, согревались руки Императрицы — и словно дал согласие, еле слышно шепнул:

— От нас самих.

Глава 20. Три грани

Неуправляемый ураганчик, с каждым днём становящийся всё больше, того и гляди не зазорно будет ураганом называть, забрала домой мама, сводная сестра Когтя.

Дом окутала благословенная тишина, густая, осязаемая, до звона в ушах.

Цаао Цзао бережно подписывал картину: «Бой колотушки глуше, молкнут людей голоса... Лампу задув, вдруг заметил, что стало светлей — это луна освещает снега за окном...»¹

Кто только ни рисовал Трёх Друзей Зимы! Вот и Коготь не удержался, как сумел, выпустил на холст патриарха пернатого племени журавля в окружении сосновых ветвей, олицетворяющих добродетель и долголетие, бамбука, означающего праведность, и сливы — знака обновления, жизнерадостности среди любых невзгод. Вот и пусть будет картина-пожелание, журавль, как один из десяти символов бессмертия, да в окружении таких благожелательных символов, да с такими умиротворяющими строками о зиме...

— Твоя сестра тебя использует.

Когда, как Лан Ма Нао, Синий Агат, успела пройти в дом — Коготь не слышал. Не мог сказать, что уже привык к её внезапным появлениям, но принимал их как неизбежность. У каждого могут быть свои странности. Вот, у него — страсть подделываться под человеческие каноны живописи, сплестать их с литературой, вырисовывать самые тоненькие штрихи, чтобы даже в чёрных линиях на белом холсте проступал еле скрытый снегом огонь цветения сливы, чтобы всем был слышен протяжный крик журавля, зовущего солнце... так почему глава клана Водных драконов не может посещать своих родичей не в официальном одеянии, а в обычных рубашках и халатах, в плащах с капюшонами, под которыми не разглядишь, оставила ли свою сложную причёску с камнями и хризантемами, или заплела одну косу, как людская красавица. Если кого-то это и волновало, то не его.

— Моя сестра молода, ей хочется той жизни, которую остановило для неё решение Небесной Драконицы. Если её крыльям нужна свобода, которую дарит отсутствие сына на руках, а мои руки свободны и мой дом крепок и не рухнет от того, что в нём немного погостит юный дракон — почему бы не помочь?

Синий Агат тихо рассмеялась:

— Не убедил! Ты — умный и самолюбивый, ты никогда не делаешь того, что не несёт тебе личных выгод, неужели тебе кажется, что сводный племянник заменит тебе того ребёнка, которого судьба отобрала у тебя... уже так давно? Ребёнка, которого всё равно не было, о котором ты мог лишь мечтать?..

Коготь постарался ничем не выдать взорвавшегося в груди фейерверка.

Как Лан Ма Нао входила в дом — это один вопрос.

Как Лан Ма Нао входила в душу, в самые сокровенные и потаённые уголки, вопрос другой. И даже не вопрос.

Цаао Цзао опустился на колени у ног главы клана. Синий Агат положила ладонь ему на растрепавшиеся волосы:

— Ты же догадываешься, что где-то живёт и наслаждается всеми радостями жизни плод пагубной страсти, что забрала жизнь твоей любви?

Пытка.

Каждое слово — удар когтистой плети палача.

Коготь понимал, ещё минута, и он станет драконом прямо в комнате, взламывая телом хрупкие доски. Рисовая бумага в окне, расписанная благими символами? Ничего! Напишет заново!

Коготь метнулся наружу, не думая, что скажет после главе клана о своём неуважительном бегстве, но... вибрирующей свечой трансформировался в прыжке, выбивая хвостом оконную раму.

— Ну что ж. В следующий раз можно будет и по-другому поговорить, — усмехнулась Лан Ма Нао.

Или... эта женщина — не Синий Агат. Но, может быть, Лан Ма Нао выглядит ниже потому, что убрала камни и цветы из причёски и не стала обувать туфли на толстой подошве, а голос намеренно делает глуше от того, что она скрывается. А растворяется она серым туманом и просачивается в едва заметные щели пола, благодаря какой-то особой магии водных драконов — всё равно маленького Сову увела мама, Коготь умчался вымывать из себя ярость полётом, а больше никто не увидит, как ушла... Синий Агат.

Лю Чу не спешил возвращаться. Что толку мотаться туда-сюда, если то самое будущее, что должно в нем дозреть, все равно ещё не готово.

Сказано же: получить меч, получить звание мужчины, а там и...

Н-да. Ещё две и две весны. Так долго.

Совсем капелька в водных часах. А сейчас возвращаться в клан Нефритовой Богини...

Нет, вы что, хотите сказать, что погостил, и будет? Увидел Ждущих Пробуждения, тех, кто переродится, защищая его честь и приумножая славу, и пора назад, во временное обиталище, в клан...

Там — армия. Тот её отряд, которому предстоит ударить в спину своим, когда будущее — вызреет. Тот отряд, который надо взрастить и воспитать. Сам собой из ниоткуда он не появится. И ведь делать почти ничего не надо. Знай себе, прячь от глаз посторонних те деяния, которым рано искать свидетелей.

Невысокая красавица в длинном тёплом плаще с капюшоном принесла в скрытые под землёй комнаты Ждущих Пробуждения чашу подогретого вина и вяленое мясо:

— Откушай даров нашей земли, о владыка.

Лю захотелось рассмотреть красавицу поближе: так ли красива, молода ли, или, ладно, не в вёснах дело, а в опыте и желании развеселить его — сама же назвала владыкой, так почему бы...

— Дорога будет неблизкой, прикажи — и я соберу тебе в путь еды и воды, — склонила она голову.

— Вина, — поправил её Лю. Он успел отхлебнуть из чаши, и ему понравилось.

— Воды, о владыка. Воды. Наше вино быстро ударяет в голову, если пить холодным, вызывает слабость в теле, а как управлять волом слабым телом?

Она опустила голову ещё ниже, отходя на шаг.

Лю чувствовал, как тёплое вино растекается по телу, как бодрее бегут его мысли в его голове... а Голос — что? Переместился в другое тело и говорит с ним устами этой ждущей?

— Я соберу тебе в дорогу еды и воды, — кажется, красавица улыбалась, так звучат голоса людей, когда они улыбаются.

Но в голосах людей не звучит эхо, как в горах, нет, не как в горах, а словно в унисон поёт хор из тысячи голосов.

Красавица отступила ещё на шаг.

И вокруг ног людей не вьётся серый дым при каждом шаге.

Нет, это не дым, это пыль, это серые частицы серой земли, из которой сбиты тропы, соединяющие комнаты. Лю это сразу понял! Поскорее допил вино, пока не остыло. Сказано было про слабость от холодного, значит, с тёплым всё нормально.

Йи не знал, почему, но иногда у него возникало желание быть как можно ближе к Учителю. Так, наверное, это работает у утят, когда они видят первое движущееся существо и готовы за ним следовать, куда угодно. Наверное, Йи первым видел Учителя, поэтому и хотелось бежать за ним, делать всё, что он велит, советует, о чём просит.

С недавних пор у Йи стали появляться в жизни моменты, о которых, с одной стороны, хотелось рассказать Учителю без утайки, и даже не моменты, а всего один момент: Гэнгти Тшу! Это ведь та девочка, которая была вместе с Отшельником во время извержения Глаза Дракона, просто Йи тогда был не вполне здоров, и вряд ли она его видела — а если видела, то он же был тогда совсем ещё крохой, безволосым, обгорелым, и вряд ли она могла бы его узнать тееперь... С другой стороны, Йи сам не понимал, что он хочет сказать Учителю. Он же, на самом деле, не понимал, что именно хочет рассказать и зачем.

А раз так, то не нужно и говорить.

Когда Йи стал много вырезать из дерева, он понял, что ему нужны несколько разных ножей, спасибо Мастерам Столярам, они объяснили, какие и для чего используются. Как воинам делают наручи для метательных ножей, так Йи завёл себе наручи для столярных инструментов. Потом подарил почти такие же Шужи. Потом делал выкройки для кожевников, чтобы они обеспечили наручами для работы и других мастеров.

Память, умница, подсовывала вид Гэнгти Тшу, влоборота стоящей на стене — а как порыв ветра подхватил её косу!.. — и память же вовсе не умно напоминала жар тела красавицы, заполошное биение её сердца, как крохотный воробышек в ладони.

Сморгнув жаркую память, Йи снова вспоминал Стальную Паучиху на стене, чтобы как можно точнее выгладить корешок в фигурку.

Вот, вот так было её левое плечо, а вот тут ремешок. И вот так были развёрнуты бёдра...
Бёдра!

А Учитель не поймёт, если его спросить, что чувствуют художники, когда рисуют обнажённых красавиц, например, для учебных пособий лекарям. Или, наоборот, поймёт.

Или Йи успел выдать свои мысли покрасневшим лицом — не может быть, чтобы щекам было так горячо, а они оставались бледными.

Учитель что-то записывал в огромной толстой тетради, с которой иногда приходил на уроки, перерисовывал из неё точки крепления мышц к костям или выписывал составы ядов.

Ни Йи, ни Учитель не видели и не поняли, как и откуда в комнату к ним вошёл мужчина. Средних лет, одетый и причёсанный как для дальней дороги, в серое-немаркое. Темноволосый, сероглазый, и похожий на циньанца, и не похожий, несущий печать чуждости.

Он молчал, кажется, готовился что-то сказать, но Учитель опередил его, откладывая в сторону кисть и отодвигая чернильницу:

— Йи Дэй, этот демон оставил тебя под вишней у входа в Земную Канцелярию клана девять и два года назад. Это за ним шли четырнадцать Клинков Руки Бога — Руки Дьявола! — вооружённые проклятыми мечами, кровотечение от ран оставленных которыми

никому не остановить.

— Я не демон, — тихо сказал мужчина, и Учитель осторожно спустил с пояса Дэйю. Чёрный Нефрит скользнула по полу бесшумной змеёй. Заметил, как меняет позу Йи, выбирает те столярные ножи, которые можно метнуть в цель. Не сводил глаз со странного, как будто не до конца прорисованного лица.

— Он приходил сюда ещё раз на следующий день и называл себя твоим отцом, — Учитель приготовился отражать нападение, но мужчина вскинул вверх пустые руки раскрытыми ладонями к собеседникам...

Учитель успел понять, что ладони незваного гостя пусты — но Йи сначала метнул ножи, откатываясь в сторону, а потом глухо вскрикнул: он попал в цель! Он точно попал и в левую, и в правую ладони мужчины, но ножи со свистом пролетели сквозь них и чуть не по рукояти воткнулись в стену за ним.

— Я не демон, — сказал мужчина. И я тебе не отец. Ты, — он улыбнулся, переводя взгляд с Учителя на Йи, — ты — похож на твоего отца, а я вновь переоце...

Он продолжал говорить, но голос исчез. Судя по движениям губ, он говорил, что переоценил свои силы.

А потом и сам мужчина исчез.

Йи на четвереньках метнулся к Учителю, вжался в пол, обнимая его ногу, как обнимал совсем маленьким мальчиком:

— Кто это?! Что это?!? Что это было?..

Учитель покачал головой:

— Не знаю. Просить не бояться не буду, потому что.... — он вздохнул и улыбнулся, садясь на пол рядом с Йи:

— Мне самому страшно. Поехали завтра проводить Яшмовую Тётю?

Глава 21. Яшмовая Тётя и...

Конечно, в глаза Божественную Княгиню Яшмовой Тётей не назвали, а визит к ней так и не принёс ответов, ни на новые вопросы, ни на уже навязшие на зубах старые.

Зато волшебные пирожные, из золотой фасоли, с искрами цукатов и оттисками разных иероглифов, на зубах не вязли. Повара Секретного Города знали своё дело.

Звёздная императрица осталась довольна и тем, что ей докладывала Тайная Стража о ночных прогулках Йи с котом и не только, и совершенно искренним восторгом такого юного и так взросло выглядящего малыша — о, он навсегда в её памяти бежит на четвереньках наперегонки с котёнком! — и тем, как действовала её созидательная магия на Учителя. Нет, годы, отсчитанные ему в Небесной Канцелярии повернуть вспять невозможно, но почему бы не помочь его телу удерживать его дух более уверенно. Морщины не разглядятся до конца, но чёрные круги под глазами уже бледнее, а улыбка на губах — о, так улыбался Рэншу, юный ученик палача, способный не только вырывать зёрна истины из простых людей в застенках, но и бесстрашно дарить покой и счастье самой Звёздной Императрице. Способный понять, что не всегда душа юной девочки, ещё не привыкшей держать в руках судьбы всего государства, просит внешних утех, но в какой-то момент ей хочется просто молчать рядом с живым человеком. Просто жить дальше, дышать, забывая о том, что в любую минуту глаза могут полыхнуть изумрудным огнём, а голова будет готова взорваться от затопивших её образов...

— О Божественная Княгиня! Дозволено ли мне будет смиренно задать вам вопрос, а можно ли мне... ой. То есть, задать вопрос!

Йи так честно постарался совладать с собой, что у него это почти получилось.

Звёздная Императрица едва заметно качнула головой:

— Конечно, можно, Йи Дэй. Прежде чем покинуть Дворец, загляни на кухню, повара говорили, у них есть свежие рыбные новости для одного сторожевого кота.

Йи просиял глазами:

— О Яшмовая Красавица! Этот мир не знает пределов вашей благодати! Вашей щедрости! Дозволено ли мне будет...

— Ступай уже! — рассмеялась Императрица. — Постарайся вернуться до того, как Кролик встретит Дракона, чтобы успеть к завтраку.

Йи летел с крыши на крышу, чтобы отдать статуэтку из орехового корня Гэнгти Тшу, но прыткая девочка всюду оставляла лишь воспоминания о себе, еле заметные следы на снегу. Иногда Йи чувствовал её взгляд. Иногда хватал полный рот колкого снега, сорванного ветром с пагоды.

Кто кого искал в ту ночь — непонятно, однако Маомао получил двойную порцию ласки, и от Йи, и от Стальной Паучихи. Его чуткие нос и уши позволяли бегать туда-сюда, пока оба человечьих детёныша не решили проследить, куда постоянно убегает кот. Умей он говорить... нет. Если бы он умел говорить, он не умел бы ловчить и изворачиваться, а сразу честно ответил бы Йи на первое же «Ну и куда ты опять побежал?»: «К той девочке, которую ты ищешь!» А так — девочка почешет под подбородком, мальчик почешет между лопатками, девочка почешет за ушками, мальчик потискает пузик...

Гэнгти Тшу долго и внимательно разглядывала деревянную фигурку. Себя узнала не

сразу: она же не могла себя видеть в моменты ночных бдений за учеником палача. Неужели это у неё такие изящные и плавные линии плеча? Такая тонюсенькая талия?

Хм. И такая богатая грудь, так красиво обрисованная ночной амуницией.

Да нет же. Это восторженное восприятие этого мальчишки.

— Ты её мне даришь?

Йи развёл руками:

— Нет. Просто отдаю. Она — твоя.

Они сидели на краю крыши, там, откуда был виден самый красивый рассвет. Солнце медленно разгоралось среди переплетённых ветвей слив, зажигало искры в комочках льда, налипших на алых лепестках.

— Но ты делал её... для меня?

— Разумеется. Говорю же: она — твоя!

— А не будешь жалеть, что отдал мне — ведь мог бы оставить себе, любоваться, когда захочется?

Он яростно замотал головой, толстая, на зависть даже Гэнгти Тшу, коса взвилась кошачьим хвостом:

— Мне это... не нужно. Я... вижу тебя в памяти, когда захочу.

На его бледных худых щеках проступили пунцовые пятна, и Стальная Паучиха расхохоталась:

— Дальше можешь не рассказывать! И так ясно, что ты помнишь и что ты видишь!

Глава 22. О чём говорит Узел Удавки

Неспешно подходила к завершению тринадцатая зима в жизни Йи.

Учитель видел, чувствовал, понимал: с ним что-то не так.

Всё не так.

Начиная с очень быстрого роста и заканчивая появлением того демона. Призрака!

Не просто выше сверстников ростом — но словно и старше. Не просто учится входить в Тень — но как будто живёт постоянно там, на изнанке мира, выходя лишь на уроки да поиграть с малышами. Один. Всегда один — в клане.

И только в столице в нём что-то меняется. Если его не просить сидеть в своей комнате до утра, он непременно уйдёт! Он будет прыгать в Тень, навещая Отшельника, разбирать и заново собирать часы на площади — и всегда каким-то внутренним чутьём угадывать, на сколько минут вперёд перевести стрелки, выслеживать Гэнгэлиэн, принявшую имя Гэнги Тшу в ученицах Правой Руки Ночи... но стоит Йи вернуться в клан, как он снова вливается в прежнее русло: уроки, возня с малышами, резьба по дереву, чертежи механизмов к ларчикам, которые не успевают собрать...

А у Лю Чу постепенно прибавлялось друзей. Все моложе него. Большая часть — будущие воины. Остальные — кто будущий лекарь, кто будущий пекарь, словно Лю намерен основать своё новое государство где-то на необитаемом острове. И все готовы в любой момент по первому слову, жесту, дыханию Лю идти и делать за него то, чего ему не хочется делать — или вместе с ним то, чего ему хотелось бы.

Чаще всего хотелось как-нибудь поиздеваться над Йи.

Учитель помнил: Воплощённое Зло будут видеть драконы, чувствовать демоны — и не будут замечать люди. Лю — полудемон. Наверняка он чувствует Йи. Чувствует Воплощённое Зло. Понимает, что его жизнь изменится вовсе не в лучшую сторону, когда оно пробудится...

Звёздная Императрица научилась не показывать Йи грусти, но не таилась наедине с Учителем:

— Небесная Императрица говорит открыто и прямо: Йи — Гибель Мира, Воплощённое Зло близко. Я была уверена, что всё же смогу хоть как-то ощутить его присутствие... но нет. Мне спокойно рядом с ним. И всё.

Божественная Княгиня прогуливалась с Учителем вокруг той беседки, где велись разговоры по осени. В расшитой фениксами шубе, меховых сапожках и шапке красавица не боялась замёрзнуть. Мужчина не менял чёрный наряд палача ни зимой, ни летом, добавляя по холоду только тёплый плащ.

Зимний сад готовился встречать весну: сугробы проседали, покрывались глянцевыми корками, солнечные лучи теплели день ото дня, неделя-другая, и вдоль дорожек робко потянутся первые ручейки.

Учитель склонил голову:

— Я полностью подчинён ему. Я не могу даже мысли допустить о том, что он — Зло. Воплощённое Зло. Он слишком хорош, чтобы быть им.

— Да, — грустно вздохнула Императрица. — Он подчинил нас обоих. Но Небесная Императрица...

— ...наложила печать на наши уста.

— Увы.

Звонкое «ххи-чер-чер-чер» горихвостки, первое в этом году, словно подвело черту сразу и беседе Учителя со Звёздной Императрицей, и самой зиме.

Отшельник рассказывал и показывал Йи, как прочесть в Жи Шиту Ри Ли ближайшее будущее, как понять, о чём именно предупреждают...

Йи старательно запоминал.

— А зачем узнавать будущее? — спрашивал он Бохупаэ каждый раз.

— А тебе неинтересно? — отвечал вопросом Отшельник.

Йи пожимал плечами и уважительно убеждал наставника, что интересно, конечно, ещё как... а сам ждал минуты, когда же отпустят.

Там, за дверью крохотного домика отшельника, который после долгой громкой беседы с Учителем всё же согласился остаться в столице, но поселился не во дворце, как приглашала Императрица, и даже далеко за пределами Запретного Города, в давно заброшенной лачуге на самом краю Циньдара — за дверью ждал целый мир! Статуи львов и драконов, часы на площадях, работающие строители, разнообразные мастерские, выступления музыкантов, актёров...

Когда солнце занимало место глаза в созвездии Парящего Дракона, Луна становилась центром запутанной, самой на себя замкнутой цепи звёзд, для которой на человеческой карте звёздного неба не нашлось даже названия. Драконы называли цепь звёзд Узлом Удавки. Когда Холодный Дворец Нефритового Кролика¹ оказывался в центре Узла, а случалось это единожды в сто сорок и два года, воды морей приходили в движение с особой силой. Это предсказывал Жи Шиту Ри Ли.

Этого не знал ни один людской календарь.

— Ты понимаешь ли, что грядёт потоп? — голос наставника вернул к реальности ветхих стен, прошитых солнечными лучами. — Настанет весна, и реки, напившись водой, смоют с лица земли всё, до чего дотянутся.

— Ага! — радостно кивнул мальчик. — Понимаю! Это будет похоже на заглянувшее в гости море, я видел это во сне, было красиво!

— Ты... понимаешь ли, что это... страшно? — Отшельник, и без того бледный, побелел, как снежное рисовое зёрнышко.

Йи вздохнул:

— Конечно. Но пока не весна, у нас есть время всех предупредить. Люди могут уйти в горы, построить плоты, в Циньдаре должно хватить места в Запретном городе и для жителей столицы, и для жителей окрестных поселений. До западных диалектов вода и не дойдёт, её же будут сдерживать Вышние Пики, и у близживущих будет время уйти за горы... но это же всё равно так красиво!

Отшельник сдвинул брови:

— Ты понимаешь ли, что Звёздная Императрица не получала предупреждения от Небесной?

Огромные глаза Йи округлились:

— Почему?.. Ведь это же вот... — он указал на лежащий поверх раскрытой книги клинок.

— Этот «вот» — в драконьем календаре!

— Но... но, может быть, Небесная Императрица просто пока не успела?..

Бохупаэ протяжно выдохнул:

— Я бы не хотел об этом говорить с тобой, малыш... — обращение «малыш» Йи немного коробило, но он старался не подавать вида, что там его тринадцать вёсен по сравнению с вёснами Отшельника! — Я не хотел бы говорить об этом ни с кем. Но мне кажется, что это, как и проснувшиеся в Крокодиловом Хребте вулканы — своего рода испытание. Некий урок, который нам посылает Небесная Императрица.

— Ну так а я о чём! — чуть не захлопал в ладоши от радости Йи. — Я же и говорю: у нас есть время подготовиться к этому испытанию!

Бохупаэ расценивает молчание Небесной Императрицы как урок, который она хочет преподать Циньану — но разве не может заключаться он в умении делиться друг с другом важным знанием? Наверняка Отшельник по каким-то причинам побоялся поделиться этой подсказкой Жи Шиту Ри Ли с Учителем, но верно выбрал собеседником Йи Дзя. Кто ещё говорит Учителю о каждом своём шаге? Расскажет и об этой беседе. Кто ещё так часто общается со Звёздной Императрицей? Конечно, Учитель...

Но пока надо выполнять наказ Божественной Княгини — пользоваться ничем не обременённым временем. Ронмао, наверняка, уже заждался.

1

Холодный Дворец Нефритового Кролика — Луна

Глава 23. О чём молчит Учитель

Пока Йи был совсем крохой, он ни на миг не задумывался, можно ли ночью прийти к Учителю, чтобы узнать, на какие органы жмёт хвост в теле головастика, когда втягивается внутрь, или, там, сколько будет жить тот, из кого вытекает кровь, если в разрезанные вены и артерии — да, к тому моменту он не был совсем уж таким крохой и читал книжки по медицине — так вот, если в вены и артерии вставить тонкие стебельки травы, полые внутри, и через них вливать кровь, ну например, полудемона? Ну, например, Лю Чу, его не жалко и на нём всё равно всё к утру заживёт, а ведь в теле того, из кого вытекает, крови будет прибавляться...

Теперь Йи знал: Учителю нужно куда больше времени на сон, чем ему самому, а половину замечательных идей он и сам наутро не вспомнит — или перескажет при случае Учителю или Нуорэдэ как забавную, а то и глупую шутку. Нет, те, которым Учитель улыбнётся, можно будет и Яшмовой Тёте пересказать... а те, которым улыбнётся Нуорэдэ, Звёздная Императрица и так узнает.

Наверное, они снятся друг другу, как драконы Йи, и рассказывают, что узнали за день.

Интересно, а если попробовать присниться... например, Гэнгти Тшу?

Йи четко попробовал, но не знал, как правильно нужно сниться, а будить Учителя в часы Тигра или Кролика не решился. Похоже, он только ко встрече Быка с Тигром уснул! Когда же Кролик встретился с Драконом, Учитель сам пришёл будить Йи — и был весьма удивлён:

— Ты не спишь по ночам совсем-совсем?..

— Сплю! Честное слово!

Йи сказал истинную правду.

Но ему не давал покоя всю зиму, всю предшествующую осень и эту зиму, один сложный вопрос, ответа на который не дали книги — не мог же Йи сам себя вскрыть и проверить, как он устроен внутри, в точности так, как написано в книгах, или нет? — высмеивали драконы в снах...

Конечно, Учитель пришёл его будить, чтобы дать новый урок, но разве много времени займёт ответ на один короткий вопрос:

— Учитель, скажи мне, кто я?

А он — споткнулся.

Йи замер на месте, так странно, что такой человек, тот, у кого всегда наготове ответы на любые вопросы или хотя бы направления и подсказки, где искать ответы — чтобы он сбился с шага, чтобы он молчал, чтобы смотрел на Йи с выражением муки на лице...

— А... а Лю мне говорит, что я то, хуже чего быть не может... он что, не врёт?!

Учитель, всё ещё не разжимая губ, осторожно кладя ладонь себе на солнечное сплетение, медленно опустился на колени рядом с Йи, наверное, чтобы удобнее было смотреть ему в глаза. Наконец, тихо прошептал:

— Для него, пожалуй, да... — прислушался к себе и ещё тише прошепестел:

— Я не имею права сказать тебе, кто ты.

— Ого! — радостно просиял Йи и порывисто обнял Учителя. — Ого! Так Лю не врёт! Я — не человек! Спасибо, Учитель! Спасибо! Мне очень-очень-очень нужно было это знать! Что со мной всё в порядке! Просто у меня не всё, как у людей!

— Но я... — смущённо отстранил его от себя Учитель.

— Но ты мне ничего не говорил! Это я сам сказал! Я сам догадался! Всё правильно. Можно, я буду вести себя, как раньше?..

— Нужно! — Учитель тоже обнял Йи.

Всё верно. Мальчик умный, сообразительный...

Пусть всё идёт, как и шло.

Учитель посмотрел тайком на пальцы, которыми трогал ткань своей рубахи. Крови совсем немного, значит, ничего страшного не случилось.

Пока.

Дэй не спешил на занятие с лекарями. Он ещё не успел далеко уйти мыслями от игры с малышами клана. Что-то всегда тянуло его в первую же свободную минутку отправиться к ним и, как сумеет, объяснить то, чему научился сам. Пока объясняешь другим, лучше поймёшь то, чему учили тебя, а даже в самые серьёзные вещи всегда можно поиграть. Йи улыбался, вспоминая, как уморительно рассуждали совсем юные красавицы: уговаривали передумать ходить в палачи, чтобы они, когда подрастут, могли его, такого красивого, такого умного, себе в мужья выбрать, а то палачам же нельзя жён, им так наставницы сказали. Дэй ласково, но непреклонно отвергал столь заманчивые предложения, а сам ловил себя на странном ощущении при мыслях о красавицах.

Нет, не о тех маленьких девочках, которых учил быть лекарями в игровом лазарете и делать перевязки раненым по игре мальчикам-воинам.

О молодых красавицах, например, работающих на кухне. Или ткачихах. О юных мастерицах-столярах, которые поначалу отказывались от его помощи, а вскоре поняли, что ему достаточно один раз показать, что надо сделать — и он наделает столько и таких заготовок, сколько попросят...

Совершенно неуправляемыми мысли становились, когда в них заглядывала Гэнгти Тшу.

Ему удавалось увидеть её ещё три раза, из чего он сделал вывод: за ними с котом следят, скорее всего, каждый раз, когда они идут вдвоём гулять, но разные люди, и Стальная Паучиха проявилась и выдала себя по неопытности. Другие же скрываются значительно лучше.

Может быть, и она не всегда проявлялась в этой слежке: когда он всю ночь разбирал механизм часов неподалёку от дома Отшельника, ему ведь удалось увидеть только её тень!

И услышать прерывистый вздох, когда он медленно провёл пальцем по талии тени.

Ощущение её талии в руках приходило в снах так ярко и достоверно, будто Йи прикасался к ней наяву.

Ведь правда же, палач не должен иметь семьи, кроме клана, жены, кроме кнута, но, раз откуда-то берутся младенцы под вишнями, значит, с красавицами палачи общаются и на «вешние темы». Дэй давным-давно знал, каким должно быть это «общение» для того, чтобы появились на свет новые люди. Учитель раскрывал ему тайны человеческой анатомии, подробно объясняя, для чего нужны те или иные органы. А с новогодних праздников, да ещё и прикоснувшись к телу Стальной Паучихи, Йи Дэй начал как-то не так, как всегда, воспринимать симпатичных красавиц. Раньше он мало внимания обращал на их движения, но теперь...

Он знал, что когда-нибудь это должно будет случиться, но не в тринадцать же лет! Нет, конечно, на вид ему вряд ли кто смог бы дать меньше пятнадцати, но...

Задумавшись о том, какие плавные изгибы обрисовывают рубахи кухарок, когда красавицы наклоняются доставать овощи из корзины, Ёи перестал зорко высматривать, не идёт ли к нему его любимый мучитель, и тот появился прямо на пути, как взрыв петарды:

— Ах-ах, какая сладенькая улыбочка! — пропел Лю, и ехидство брызнуло во все стороны искрами фейерверка.

После выговора от Учителя и справедливых пяти плетей, Ёи научился не отвечать в разы превосходящему его физической силой противнику. Чаще всего, выговорившись и дав пару-тройку пинков, Лю уходил. А если Ёи уворачивался или давал сдачи, Лю уходил, чтобы вернуться со своими друзьями и решить вопрос с «этим наглым палачонымшем» более строго.

По лицу не били, но синяки и ссадины на боках, руках и ногах болели не меньше. И на глазах у взрослых старались не бить вообще. Канга в тот единственный раз то ли не приняли всерьёз, то ли не ожидали, что он почему-то встанет на сторону Ёи.

Как Ёи учился уходить в Тень, так Лю учился прятать своих приспешников демоническими штучками, поэтому никто их и не заметил на уроке с воином Тенью.

Дэй разучивал шаги, которые показывал Новый Канг: как нужно двигаться и на что обращать внимание, когда ищешь, где находятся те точки, в которых именно ты и никто другой способен уйти на Изнанку Мира. Дескать, тянешь за ниточку с той стороны — и видишь, где реальность подёрнулась мерцанием, в которое можно шагнуть. Стоило Ёи понять, о чём это Канг, как он тут же честно признался:

— Да они везде! И там, — указал он рукой, — и там, да хоть прямо здесь!

Канг молча насмешиливо выгнул бровь, предлагая продемонстрировать.

Ёи небрежно тряхнул косой:

— Да пожалуйста! — и провалился в Тень, не двинувшись с места.

— Та-ак... — протянул Канг, упирая руки в бока.

— Ха-ха-ха! — донеслось до него на три голоса из кустов: там устроили для себя наблюдательный пункт Лю Чу и его приспешники.

— Сколько там плетей за подглядывания вам дают? — холодно уточнил Новый Канг.

Лю, семнадцатилетний красавчик, игриво повёл плечом, снимая невидимость:

— Нисколько! Наказания назначают учителя! Ты же мне не учитель. Я — твой будущий владыка, а не ученик. Воспитывай своего гадёныша, а к нам не лезь!

Лю развернулся и двинулся в сторону кухни — в своём самом любимом направлении. И парочка молодых ребят за ним следом.

Канг молчал. Получилось, что правда оказалась на стороне полудемона, ведь наказания назначали учителя, а он, хоть и учил Ёи премудростям работы с Тенью, оставался всего лишь воином, наставником юного Тени Дэй.

Того, что случилось в следующий момент, не ожидал никто: не исполняя переливчатых боевых воплей, беззвучным чёрным сполохом, как настоящая тень, Ёи выскочил с Изнанки Мира и, не имея в руках никакого оружия, широким взмахом ноги отправил в лица Лю Чу и его товарищей густую волну песка с дорожки.

Канг успел перехватить друзей Лю, ринувшихся убивать Ёи: вот и получилось на деле показать, как воины Тени в бою «выравнивают» число нападающих, утаскивая «лишних» на Изнанку Мира. Заметил, как бесстрашно бросается Дэй на превосходящего ростом и весом противника... так вступают в бой один на один взрослые воины, знакомые со стилем «драконий коготь» — неужели Ёи читал руководство или наблюдал за тренировкой? Но,

помнится, в клане Звёздной Императрицы нет практикующих эти размашистые, загребающие удары.

Мальчик ещё раз посмотрел на свои руки.

Руки как руки, тонкие, бледные. Как и все эти годы, ничуть не меняются. Вовсе не огромные когтистые лапы, что примерещились ему, когда он напрямик из Тени кидался в бой с полудемоном.

— Что, надеешься отмолчаться? — на всякий случай уточнил Лю Чу. — Я тут один, видишь? Может, сегодня ты снова нападёшь первым? А то что это всё я да я.

Маленькие девочки называли красивым Йи, но он смотрел на Лю и понимал, кому досталась настоящая красота. От глубоких царапин осталась одна память. Отец Лю, бронзовокожий житель летнего диалекта, и мать-демоница сполна одарили сына: глаза его, карие, как красный янтарь, были правильной узкой формы, циньанское веко изогнуто именно так, как следует по канону, и виски он уже подбривал, как воин, и вообще не брился лишь потому, что умел сметать ладонью волосы с лица... вместо косы носил пучок на макушке. Высокий рост, гармонично развитая фигура, совершенно мужская для восемнадцати лет... не то, что бледная кожа и узкое лицо с огромными глазами, доставшиеся Йи в наследство от неизвестных родителей, как и нелепый, не по возрасту рост.

— Завидуешь, да? — с сочувствием предположил Лю. — Завидуй, я разрешаю. Не всем так везёт, как мне!

Йи подумал, что надо продолжать молчать. Может быть, Лю надоест, и он уйдёт так, без боя.

Как всегда, стоило Йи только понадеяться на успешный исход, Лю изобрёл новую пакость:

— А ты знаешь, тебе сегодня не повезёт. У тебя сейчас занятия с лекарями, верно? Ты же должен к ним явиться чистенький, как утренний туман?..

Он начал движение, Йи даже угадал, в какую сторону метнуться, чтобы избежать удара, но Лю тренировался и практиковался в драках на семь лет дольше.

Выплёвывая песок и жухлую траву, которые Лю ловко насовал ему в рот, пока давил коленом на поясницу и одной рукой тянул вверх намотанную на кулак косу, Дэй вслушивался в себя в надежде уловить хотя бы нотку смирения. Наставник Цуею говорил: «То, что мы не в силах изменить, мы должны принимать смиренно».

Йи додумался сам: не всё то, что мы не можем изменить, случилось правильно и справедливо. Неправильное и несправедливое смиренно принимать нельзя! Нужно искать способ оказать противодействие, изменить расклад сил.

Пять плетей. Запрет отвечать.

Как ни отряхивал Йи чёрную рубашку и чёрные штаны, влажный песок и густая грязь оставляли на них ещё больше разводов от каждой попытки очиститься. Прикинув, что займёт больше времени от урока, на котором всё равно предстояло переодеться в белый халат, Йи решил, что меньше ему будут назначать наказание за непотребный вид, чем он будет бегать к себе переодеться в чистое.

Да-да, чтобы после время от урока отняло ещё и назначение наказания за опоздание.

— Йи Дэй! Посмотри на себя! На что ты похож! Семь и две плети, завтра с утра, при всех...

Йи поклонился Цуею, благодаря за наказание. Краем глаза увидел хватающихся от хохота за животы Лю Чу и его друзей. Они издали наблюдали за лазаретом, но так, чтобы ученики их видели, а учителя нет.

Что ж. В этот раз Дэю не повезло.

В следующий... Йи сжал и разжал пальцы. Он не видел когтей. Огромных, как фэйцзяни², не видел — но чувствовал. Если бы Йи был драконом, драконы давным-давно забрали бы его к себе, а так он — всего лишь то, чего боится, но постоянно забывает о страхе, полудемон.

Учитель не сказал, кто Йи.

Учитель подтвердил только: не человек.

Учитель приказал не причинять вреда полудемону.

Вот бы придумать что-то такое — чтобы Йи смог навредить Лю — и чтобы не доказали!

Он позволил себе помечтать об этом, пока Цуею с помощниками развешивали плакаты для занятия. Всё равно потратит время не на месть или планы мести, а на то, чтобы выпустить из орехового корешка очередную фигурку Гэнги Тшу. Вот ещё, отвлекаться на полудемона. Если поторопиться, то можно успеть до следующей поездки в Циньдар. Вдруг получится ещё раз поговорить с красавицей. Просто поговорить и отдать ей фигурку.

Ладони обожгло огнём памяти о Стальной Паучихе, как она застыла и как ожила в его руках.

1

Крыса с 23:00 до 01:00

Бык с 01:00 до 03:00

Тигр с 03:00 до 05:00

Кролик с 05:00 до 07:00

Дракон с 07:00 до 09:00

Змея с 9:00 до 11:00

Лошадь с 11:00 до 13:00

Коза с 13:00 до 15:00

Обезьяна с 15:00 до 17:00

Петух с 17:00 до 19:00

Собака с 19:00 до 21:00

Свинья с 21:00 до 23:00

2

fēi jiàn фэй цзянь, летающий меч, длиной 23 см.

Глава 24. Первый опыт палача

Если бы не Сторожевые Клань на все четыре времени года от столицы, жизнь в благословенном Циньдаре была бы куда сложнее.

И страшнее.

Почти постоянно палачам находилась работа: наставить на путь истинный мелкое и крупное ворьё, исцелить от пристрастия к пагубным зельям дебоширов, выяснить подробности заданий, полученных шпионами, которых поймали Тени... мало ли, где ещё нужно убедить человека говорить правду или прекратить дурные деяния. Или и то, и другое одновременно.

Йи стал на памяти Учителя самым юным помощником палача, которому доверили не просто участвовать в дознании — вести его самостоятельно. Да, он верил в своего ученика. Но... как Небесная Императрица видела Гибель Мира — казнящей человека?

— Алая Лента! Имею ли я право оспорить приказ?

Полыхнули зеленью глаза красавицы:

— Нет.

Ещё совсем недавно Дэю разрешалось только со старшими учениками приводить в порядок инструменты после того, как их использовали мастера. Йи нравились эти занятия, потому что настолько близко к Учителю, у которого, казалось, глаза не только на затылке, но и в соседних комнатах, Лю Чу не решался вредить Йи.

Йи нравились они и тем, что на них от него не требовалось применять на практике теорию — пытаться. Одно дело знать, как надо надрезать кожу, подрезать её, срезать — на тушах животных и трупах людей; как находить расположение нервных узлов, помогая лекарям ставить иглы больным... а причинять боль своими руками не себе самому, проверяя пределы терпения, как показывал Учитель — совсем другое дело. И даже, когда Лю подбросил ему паука и не получилось нанести удары дебоширу, Дэй огорчился лишь тем, что выронил кнут. Стало жаль оружия.

Кажется, Йи готов был провести день, запертый в одной комнате с Лю, если б только это могло освободить от необходимости пытаться живого человека.

Клану Нефритовой Богини повезло с местоположением: он постепенно разрастался над сетью подземных пещер. Лабиринт ходов и пустот давно забрали себе палачи, оборудовали всё, как надо. Ни один другой Сторожевой Клан, ни даже сама Столица не могли похвастать таким правильным помещением для пыток.

Сегодня Дэй и Учитель были вдвоём. Йи впервые брал в руки лезвие не для того, чтобы смыть с него кровь жертвы, а чтобы вести пытку.

Молодого парня с бритой головой, одетого в плотно облегающий тело костюм, привязали к разделочной доске ещё до прихода палачей.

— Этого человека Новый Йонгруи заметил, когда он пытался выбросить свиток в колодец на одной из площадей Циньдара, — объяснил Учитель.

Йи был единственным, при ком он свободно добавлял к именам Теней, заменивших собой прежних защитников клана, слово «Новый».

С одной стороны, можно было ожидать, что столичный Верховный Суд не отдаст отравителя, пойманного в Циньдаре, на дознание в чужие руки — но, с другой, поймал его

Тень клана Нефритовой Богини, Теневыми Тропами привёл в свой клан... а исполнителей дознания назвала сама Небесная Императрица.

— Целители исследуют свиток... у младших помощников, которые раскручивали его, ожоги на руках. Кто первыми выяснит, каким ядом пытались отравить колодец, лекари или мы, неважно. Звёздная Императрица обещала связаться с нашей Алой Лентой, как только они преуспеют. Если преуспеют.

Парень смотрел в потолок. Йи сам зажигал фонари и факелы, и в их свете хорошо были видны цепи, крюки, рёбра странных механизмов, предназначенных для растягивания и скручивания жертв. Дэй хотел бы надеяться, что, в случае чего, сумеет ждать своего часа под ножом палача с такой же независимой улыбкой на губах, как этот пленник.

— С чего бы ты начинал? — тихо спросил Учитель.

Вот оно.

Вот момент, когда ещё можно остановиться. Можно попросить, серьёзно и честно: Учитель! Подскажи мне, что делать! Пусть я не человек, но ты растил меня человеком, я не хочу становиться палачом. Не понимаю, для чего в моём свитке Небесная Канцелярия вписала это предназначение.

Но ученик слишком хорошо знал, что ответит Учитель: оно вписано. Так в чём же ещё может состоять смысл жизни, если не в том, чтобы следовать предначертанным путём — там, наверху, виднее...

— Я бы снял с него одежду, — склонил голову Йи. — Когда в большей степени освою владение кнутом, вероятно, смогу с его помощью раздевать пленников... — мысленно он добавил: но больше удовольствия получу от раздевания таким способом пленниц. — Но, пока ещё кнут не подчиняется мне в достаточной мере, я мог бы небольшими фрагментами срезать и сжигать на нём его одежду.

Учитель усмехнулся:

— Может быть, имеет смысл начинать с вопроса?

Йи оглянулся с искренним недоумением:

— Зачем? Он же отлично слышал, мы хотим узнать, каким ядом он намеревался отравить колодец, был ли под угрозой только тот колодец и где сейчас все его спутники и помощники...

Учитель был доволен.

Учитель на самом деле чувствовал, что его любимый ученик, в совершенстве освоивший теорию, не горит желанием применять её на практике, но считал, что лишь в сопротивлении собственной натуре может родиться настоящее мастерство палача. Не будет ни единого шанса, что увлечётся собственной властью над беспомощным пленником и примется мучить его ради своего удовольствия.

Пленник в начале не принял всерьёз юнца рядом с собой, но к моменту, когда закончился левый рукав, не слишком аккуратно, до мышц, разрезанный на кусочки и так же по кусочку сожжённый прямо на коже — вместе с кожей! — проникся серьёзностью ситуации.

— Не надо так-то уж мельчить, — посоветовал Учитель. — Мне не его, мне тебя жалко. Ты скоро устанешь, а он ещё не успеет рассказать всё то, что ты хочешь услышать.

— Я могу продолжить и завтра... — тихо-тихо сказал Йи. — Когда отдохну. Можно?

— Можно, — согласился Учитель. — Но, пока ты не устал, продолжай.

Учитель сравнивал мастерство пытки с игрой на флейте, предлагал ученикам испытывать боль на себе, чтобы чётче понимать границы дозволенного. Лю это было сложно. Одно дело, резать другого, но себя — увольте, он палач, а не жертва.

Иногда Учитель сравнивал пытки с живописью. «Представьте, что вы художники. Каждая новая жертва — чистый холст. Как живописец видит на полотне будущую картину ещё до того, как возьмётся за кисть, так и вы должны видеть, что подсказывает ваша новая, ещё не тронутая ни кнутом, ни огнём, ни сталью жертва».

Лю Чу нравились сравнения Учителя. Особенно в них радовало то, что Йи не мог похвастать ни музыкальными, ни художественными талантами.

Все попытки освоить игру на флейте заканчивались тем, что бедный музыкальный инструмент прикидывался в руках Дзя скрипучей дверью, или натираемым стеклом, или загулявшей кошкой. Пятна краски на холсте всегда очень удачно сочетались по цвету, но угадать в их формах что-то, хотя бы отдалённо напоминающее предметы окружающего мира, никому не удавалось.

Среди будущих палачей был Энлэй-младший¹, его вписали художником в свитках Небесной Канцелярии, рисовал ли он людей или пейзажи, всё казалось живым. Вэйюан² мог сыграть любую мелодию даже на крышке от кастрюли, и все бы узнавали, подпевали, аплодировали. Лю Чу, конечно, не мог сравниться с ними, но зато его флейтой становились его жертвы, их тела обращались теми холстами, на которые он вписывал лучшие в мире картины пыток.

Йи неспособен был и пытать. Он в классах всегда прятал взгляд, стоило зайти речи о практических занятиях. Одно дело, рубить мясо на кухне, и совсем другое — мучить живого человека.

Лю Чу слышал, что в клан доставили отравителя столичных колодцев. Неудавшегося, но всё же. Его протащили путями Теней, подготовили к дознанию, и... чего уж там, Лю очень надеялся, что Учитель призовет на помощь его, Старшего ученика. Его уже сейчас легко принять за мужчину, он совсем скоро получит своё личное оружие, а уж пытки — это его страсть!

Кто ещё, кроме Лю, способен так любить запах крови, сладкий и терпкий запах страдания, кто ещё, кроме Лю, готов час за часом вести несчастных на приём в Небесную Канцелярию, не давать сделать завершающий шаг, продлевать и продлевать их муки? Тихий внутренний голос одобрял и поддерживал: «Так, только так, именно так и должно вести себя настоящему палачу!»

Но Учитель потащил с собой этого малька.

Лю Чу довольно долго сдерживался, чтобы не отправиться подсматривать, чему там учат мелкого палачоныша, но за последние десять лет пристально следить за Йи стало так же привычно, как дышать. Если поначалу его побуждал к этим действиям никому не слышимый голос его Главного Помощника, то теперь уже тот мог молчать: Чу точно знал, что нужно делать.

Соблюдая все мыслимые и немыслимые предосторожности, Лю прокрался к чёрным занавесям, прикрывающим вход в пыточный зал. Там звучали приглушённые стоны пленника. Оттуда доносился спокойный голос Учителя:

— Что будешь делать теперь?

Ему отвечал Йи на удивление низким, ни разу не ломким голосом, надо же, не только вверх вытянулся, ещё и басить начинает:

— О Учитель! Я намерен нанести завершающие штрихи...

Лю Чу примерился, в какой точке можно будет аккуратно раздвинуть чёрные полотнища, чтобы ему уже стало видно, что происходит внутри, но его самого ещё не могли бы заметить...

Раздирающий уши вопль отчаяния и боли, внезапно раздался там, куда Лю намеревался заглянуть. Заставил отшатнуться. Крик не смолкал, вибрировал, отражаясь от стен, и Лю Чу не пытался больше смотреть в зал лишь потому, что был уверен: Учитель и так уже чувствует его присутствие, и лучше потихонечку смыться, пока не поймали на месте преступления.

Пока Лю бесшумными прыжками нёсся прочь из подземелий, в голове пульсировала одна-единственная мысль: неужели это не Учитель своими руками, неужели это Йи! Вот бы самому научиться доводить до такого крика...

«Научу», — утешил Голос. Или Голоса.

Пленник стойко выдержал раздевание огнём, хотя в процессе сжигания штанов чуть было не сдался: сложно удержаться от крика, когда самая нежная часть тела сначала горит, а твою голову держат так, чтобы ты видел всё происходящее и не имел возможности закрыть глаза, а тушат её отваром жгучего перца, чтобы после ещё полить водой... но он сдержался.

Мужественно вынес растяжку и скручивание. С презрительным прищуром встретил кнут...

— Что будешь делать теперь?

Четвёртый вопрос Учителя Йи встретил, практически находясь по ту сторону реальности. Мир для него подёрнулся дымкой вхождения в Тень, звуки стали медленней и глуше, но как громко билось сердце в груди пленника!..

Это биение манило к себе, звало прикоснуться языком к горячей, пульсирующей плоти, впиться клыками, круша рёбра, как он делал уже не раз... нет. Он же ни разу до этого не убивал людей! Да и человеческие челюсти не способны раскусить грудную клетку человека.

Переутомление, бред.

Пора заканчивать.

Но пленник так и не заговорил...

— Ты любишь пауков? — спросил у него Йи, подойдя как можно ближе.

Измочаленный парень, с гирей на ногах подвешенный к потолку, ничего не ответил.

— Хорошо... Учитель, помоги мне вновь привязать его к столу. Мне нужна воронка, та, которой мы вливаем в них воду...

Йи стал похож на призрака. Казалось, сквозь него можно разглядеть крюки на стене. Его движения странным образом ускорились, а к голосу добавилось тихое эхо.

Учитель ощутил что-то похожее на страх.

Он понимал, что не успеет позвать на помощь, если Воплощённое Зло решит выйти в мир в полном объёме прямо сейчас. Не хотел верить в то, что Небесная Императрица сама предложила устроить Йи такое испытание, зная, чем оно закончится... неужели не знала? Не видела? Или повторялась история с отгремевшими вулканами и грядущим потопом? Огромное испытание, урок для всех...

Учитель не понимал, что задумал его ученик, до тех пор, пока по столу не побежали один за другим пауки.

Они, большие и маленькие, десятками стягивались со всех концов к хорошо освещённому пыточному столу. Откуда только взялись — в подземельях, где им просто

нечем питаться!

Призрачный мальчик с каким-то отстранённым интересом погладил щеку пленного, и по ней, следом за пальцем, двинулись пауки:

— Бойся. Бойся, так надо, это страшно, правда, не слишком больно.

Пленник стонал и рычал, насколько позволяла жёстко раздвинувшая зубы воронка — Йи не стал вдвигать её в горло.

— Они не намерены лезть к тебе в желудок, их куда больше интересует твоя голова... ты же отказался говорить нам то, что должен был сказать... видишь, это мои друзья.

Крупные, чёрные пауки замерли на краю воронки в ожидании приказа.

— Они послушны мне, и сейчас отправятся в твою голову...

Одной рукой Йи держал воронку, вторую положил на грудь пленнику, чтобы лучше чувствовать сердце.

Выкусить...

Учитель затаил дыхание.

Когда девятилетних детей проверяли, способны ли они призывать к себе зверей и птиц и могут ли ими управлять, Йи точно так же, как и со стихийной магией, провалил экзамен. Как, когда он понял, что его слышат пауки, неизвестно.

Да и неважно.

Пленник забился, как рыба, выброшенная волной на берег, и Йи, разрывая ему губы, выдернул воронку из его рта.

Пауки разлетелись во все стороны, один попал на лицо Учителю, и тот, вместо того, чтобы стряхнуть, дожидался, пока невесомый мохнатый зверь сам найдёт дорогу прочь.

— Говори! Говори, пока мы не передумали!.. — эхо в голосе Дэя всё ещё пугало Учителя, но...

Но почему-то страх утихал.

И пленник — заговорил, дрожащим, срывающимся голосом, перемежая откровения с мольбами больше не звать пауков.

Йи ушёл в Тень прямо в пыточном зале, даже не дослушав, что говорил пленник. Учитель, наверняка, накажет за бегство, но потерять сознание рядом с разделочной доской показалось куда более постыдным завершением первой в жизни почти самостоятельной пытки.

У Йи Дэя, как только он научился сокращать в Тени расстояния, появилось любимое место в предгорье. Там с уступа на уступ тёк в маленькое круглое озерцо обжигающе ледяной ручей. В зиму берега схватывались льдом, к которому подплывали яркие пёстрые карпы. По весне вокруг первыми зацветали сиреневые шарики букашника и розовые и голубые колокольчики. Дэй принёс и посадил рядом с ними жёлтую мшанку и золотистую крупку. Рядом с небольшим плоским камнем, наполовину погружённым в воду, было гнездо у шершня.

Йи нравилось сидеть на камне, смотреть на цветы, на воду, на шершня.

Там Дэй чувствовал покой и умиротворение. Там его неспособен был найти Лю Чу. Там...

Там он и узнал, что ему подчиняются пауки.

Как же он их боялся!

Этот страх был где-то за гранью осознания, что-то глубинное, неистребимое,

неконтролируемое. Он отравил первое знакомство Йи с местом волшебной тишины и покоя: оказалось, пауки сочли его очень удобным для жизни задолго до появления черноглазого мальчика. Сам мальчик вызвал у них желание держаться как можно ближе к нему. Так случалось со всеми призываемыми зверями, им хотелось прикоснуться к тому, кого они сочли своим другом и хозяином, подчиняться ему... Йи, видя, как его окружают несметные полчища восьминогих монстров, молча взмолился: пусть они уйдут! Все! Сейчас! Чтобы я их не видел!

И пауки ушли. И Дэй, действительно, больше ни разу не видел ни одного паука вблизи озерца. А когда встречал их где-то ещё, молча просил: пожалуйста, не подходи ближе. И пауки не подходили — когда их не дурманила воля полудемона Лю.

Небесная Императрица! Неужели это твой особенный дар, способность управлять тем, что заставляет бояться до обмороков?..

Если бы в этот день кроме Йи на берегу был кто-то ещё, кроме первых весенних цветов, упрямо пробивающих собой ноздреватый снег, может быть, он мог бы услышать, как мальчик разговаривает с кем-то, невидимым глазу. Или даже увидеть, как медленно ползут по бледным щекам слёзы.

1

Энлэй — польза

2

Вэйюан — сохраняющий глубины

Глава 25. Церемония «Извинение»

Учитель встретил любимого ученика ожидаемым строгим выговором — и неожиданным ценным подарком.

В крепкой деревянной шкатулке в специальных креплениях выдвижных лотков хранились наборы лезвий, крюков, зажимов, расширителей... Йи не сумел бы описать то чувство, которое охватило его, когда он понял: это — те самые, с помощью которых он только что пытал человека!

В голове сделалось звонко и пусто.

Йи Дэй поблагодарил Учителя, как того требовали правила.

Учитель пригласил его разделить с ним трапезу.

Йи не посмел отказать, хоть при мысли о еде сводило судорогой живот.

В личных покоях Учителя царили совершенно осенние ароматы цветочного чая, а на столе не обнаружилось ничего, кроме двух чашек на тростниковых салфетках.

— На самом деле, я хочу с тобой поговорить, — признался Учитель. — Но я решил, что сейчас нашей беседе помогут душица и хмель.

Йи вздохнул. Вдохнул знакомое сплетение ароматов.

Учитель переставил на стол поднос с большим фаянсовым чайником, искусно расписанным драконами, маленьким фарфоровым чайником, по которому летели фениксы, стеклянными баночками с сушёными травами, сахарами, белым, коричневым и розовым, изящными раковинами морских обитателей.

Это была церемония «Извинение». Даже если Учитель не скажет церемониальных слов вслух, Йи будет знать: Учитель искренне раскаивается...

В чём?

Вероятно, это и есть то, о чём он хочет поговорить.

Учитель спустил с пальцев на угли в чаше под фаянсовым чайником живой огонь, обогрел чашки. Можжевеловый лоток, в который слили горячую воду, поделился с воздухом своим ароматом. Чайная кисть в руках Учителя исполнила «Танец годового круга». Первые чайники познакомились с чашками. Как только чайник в драконах запел песнь «Шум ветра в соснах», его перенесли на фарфоровую подставку и наполнили водой фарфоровый чайник, в который перед этим поместили заварку.

Первую воду отдали можжевеловому лотку. Вторая вода заняла своё место под крыльями фениксов.

В церемонии извинения заваренный чай переливался в широкую чашу с изогнутым носиком, закрытым мягким ситом из шёлка, чтобы попасть в чашки участников церемонии освобождённым от частиц чая и трав.

Учитель молчал, пока шаг за шагом проходил извилистый путь чайной церемонии. Йи был благодарен ему за это: каждое привычное действие, каждый знакомый жест, на который мышцы откликнулись готовностью повторить, помогали мальчику вспомнить, что он — жив.

В травяном отваре Дэй на вкус распознал ещё ромашку. От её ненавязчивой горечи разжимались тиски в животе.

К концу первой чашки Йи почувствовал, как в гулкой пустоте, оставшейся в нём после знакомства с пыточным набором, начали зарождаться мысли. Неторопливые, мягкие.

О пустом.

И Учитель это почувствовал. Можно было начинать беседу.

Поначалу, впрочем, она больше напоминала монолог. И Йи знал, что непременно поблагодарит Учителя и за это: остаться один на один с собой, с неожиданным подарком, подтверждающим нежеланную судьбу, ему было бы слишком... не страшно. Нет.

Слишком больно.

— Я уже очень давно хочу поговорить с тобой, — Учитель смотрел Дэю не просто в глаза — в самые заветные уголки его души. — Я много раз пытался составить беседу так, чтобы начать с самого важного, и сделать это так, чтобы ты меня понял. Мне казалось поначалу, что ты слишком мал и не сумеешь понять... кого я обманываю. Я уверен в этом и сейчас. Ты слишком, слишком мал. Тебе всего тринадцать. Но, в то же время, ты не глуп. И тебе уже тринадцать. Однако... я так и не понял, что оно, то самое важное, с чего я должен начать наш разговор. Может быть, то, о чём ты спросил меня. То, чего я не имею права у тебя спрашивать. Поэтому скажи мне, тебе понравился чай?

Йи улыбнулся:

— Да!

Он не был готов говорить что-то длиннее согласия или отказа, но почему бы не подтвердить, что чай вышел отменный.

Учитель улыбнулся в ответ:

— Я знаю, что буду жалеть об этом. Я уже жалею. Все тринадцать лет своей жизни ты был честен со мной, и, я уверен, заслужил честности в ответ.

Йи слушал Учителя и удивлялся тому, что Владыка Небесной Флейты неспособен найти то единственно верное слово, с которого полноводной рекой разольётся нужная тема.

«Полноводной рекой»... чем-то цепляли эти слова.

Нет, нет.

«Разольётся».

Йи забегался и не поделился, но Отшельник лично рассказал о грядущем потопе Учителю. Бохупаэ брал с собой Йи как свидетеля тому, что всё серьёзно.

Учитель взял их обоих на аудиенцию к Императрице.

Такого изумрудного сияния в глазах Яшмовой Тёти Йи не видел ни разу за все годы своей жизни. О чём поговорили Императрицы, Небесная и Звёздная, они не сообщили никому, и аудиенция закончилась ничем: не началось никакой подготовки к потопу в Циньдаре, не повели свои семьи в горы и за горы красавицы городов и поселений... или повели, но об этом не говорили во всеуслышание.

Эти мысли прокатились по голове Йи как гремучие горошинки внутри сухого рыбьего пузыря.

И утихли: от повторного заваривания ароматы хмеля, душицы и ромашки обрели новое звучание, наконец, дали дорогу вкусу чайного листа, оттенили его, усилили...

Учитель, допив чай, взялся подогревать воду, чтобы заварить следующую порцию. В неё он добавил несколько сушёных ягод малины.

В церемонии извинения чай заваривали трижды. В третий раз добавляли сушёные ягоды: крыжовник, малину, землянику, бруснику... Давным-давно Йи спросил Учителя, имеет ли какой-то особенный смысл, что именно добавляется, и Учитель даже засмеялся: «Какой основательный подход к изучению церемоний! Мало кто спрашивает о таких мелочах. На самом деле, значение имеет сам факт изменения вкуса. Он, с одной стороны, подводит итог всему, что было сделано и сказано за всю церемонию — а с другой, даёт

возможность тому, для кого проводится Извинение, благосклонно принять его вместе со вкусом ягод или отвергнуть».

Не успел тогда Йи спросить, как отвергают извинения в церемонии, как Учитель сам продолжил: «Если ты принимаешь извинения, ты спокойно допиваешь третью чашку. Если принимаешь, но оставляешь за собой право продолжать обвинять собеседника в том, за что он хотел извиниться, часть чая выливаешь в поднос и можешь обозначить свою позицию словами. Если ты не принимаешь, можешь просто не прикасаться к третьей чашке. Если же приравниваешь то, за что перед тобой извиняются, к смертельной обиде, выливаешь содержимое чашки на пол».

Йи вместе с другими мальчиками собирал малину прошлым летом. Юные красавицы тоже принимали участие в сборах, и Дэй поначалу никак не мог понять, почему рядом с ним оказывались то одна, то другая, ведь сам нарочно не бегал от одной к другой. Потом догадался: когда красавицы подходили, он краем глаза оценивал, сколько они успели набрать ягод, и неизменно пересыпал в их корзинки то, что сумел к той поре собрать сам.

Дэй улыбнулся янтарным переливам на дне чашки. Он видел в них улыбки тех красавиц, и тёплые добрые воспоминания примиряли с реальностью.

Хочет он того или нет, но — он сумел сам узнать правду от пленника. Не упал в обморок при виде пауков. Подаренный Учителем набор инструментов — просто бесподобен. И гладкую коробочку Йи, как не раз бывало с другими, непременно разберёт на части, чтобы понять, где спрятаны пружинки и за счёт чего они приходят в движение. Вдруг до чего-то ещё не успел додуматься сам.

Поняв, что Йи достаточно пришёл в себя, чтобы осознать, как проголодался, Учитель достал тарелочку с кусочками пирога из речных каштанов. Мальчику иногда казалось, что Учитель всё же умеет читать мысли и угадывать желания.

— Мне хочется сказать тебе слишком многое, но я не знаю, что из этого дозволено. Но у нас сейчас много времени, чтобы насладиться вкусом пирога

Учитель грел в ладонях чашку.

Думал.

— Нет, — вдруг протянул Йи, сам удивляясь своим словам и тому как неожиданно высоко взлетает голос. — У нас нет времени, Учитель. У нас... у нас...

Учитель поднял голову и отшатнулся: глаза Йи Дэя пылали сапфировым пламенем.

— У нас... там...

Залпом выпив содержимое чашки, мерцая уходом в Тень, Йи изо всех сил схватил Учителя за руку:

— Бежим!.. — и рывком вдёрнул его на изнанку мира.

Учителю показалось, он успел увидеть, как стена воды сметает тот домик, где они только что пили чай.

Глава 26. Повелевающий

Каждую весну вода приходила в поля. Даже после тёплых, малоснежных зим, когда большие реки не успевали толком уйти под лёд, она спускалась с гор. Пусть немного, но расширяла привычные русла, и тогда люди прорывали ей канавки, чтобы она дошла до рисовых полей.

В эту зиму снега было достаточно, через реки ходили, прокладывая новые дороги. В ожидание ледохода оббивали лёд с опор мостов — мальчики и юноши сторожевых кланов помогали старшим в непростой и опасной работе.

Лю Чу должен был вместе с будущими палачами и воинами крепить на берегу верёвки, которыми обвязывались плотники и каменщики, освобождая опоры мостов. Уже пару раз доводилось вытаскивать их из-под льда, куда утягивало течение. Однако полудемон не был бы собой, если б не нашёл способ сбежать подальше оттуда, где надо что-то делать.

За него работали его друзья — те, кто по доброй воле или под мягким принуждением полудемона принимал на себя Печать Тьмы. Мысленно Лю называл их своей армией, но вслух всегда не иначе как «самыми верными друзьями». Ничего особенного это им не приносило: не выбивались в отличники, не становились отстающими в учёбе, держались в середнячках, но в то же время учителя и наставники с трудом могли вспоминать их имена и лица, стоило перевести взгляд на кого-то другого. Год от года эта армия подрастала, расширялась. Голоса одобряли. Они всё реже обращались к Лю, и тот порой терялся в догадках: а был ли у него вообще этот незримый собеседник? Ведь он же сам, своими силами, своими демоническими задатками добывается всего задуманного!

«Надо бы наведаться к Заклинателям», — подумал Лю.

Ну, или подсказали Голоса. Велика разница!

Заклинатели, невеликие числом общины умеющих петь духам призывы, жили преимущественно в горах. Заклинателей всегда узнавали по одежде: короткие халаты с узкими рукавами, затейливые шапки, расшитые оберегами, украшенные хвостами диких зверей — говорили, что большая часть хвостов бралась от живого зверя. Если же он, лишённый хвоста, погибал, то его хвост с почестями хоронили: дух зверя оказывался настолько силён, что не шёл в услужение, охранником к человеку. Такое надо уважать!

Узнать, что приближаешься к селению Заклинателей, было несложно: вывешенные для просушки на высоких шестах шёлковые полотнища разных цветов не давали промахнуться.

Лю нравились шёлковые рубахи. Нравились краски, которыми пользовались мастера Циньана. Увидев вблизи, как неумело соткан шёлк Заклинателей, какими неравномерными пятнами покрашена ткань — не иначе, кто-то вроде Йи наляпал краски кое-как — разочаровался.

Даже если он объявит себя их правителем, даже если решит задержаться у них пожить — вряд ли они предоставят ему тот уровень жизни, который был чем-то самим собой разумеющимся в сторожевом клане.

— Вы — моя армия... — печально примерился вслух к своей будущей роли Лю Чу.

Прозвучало неубедительно. Полотнища даже не зашелестели на ветру.

Но, может, раскрывать проходы в Диюй и удерживать их у Заклинателей получится лучше, чем красить шёлк?

Лю, меланхолично пиная сучковатую веточку, двинулся на поиски живых в селении. Ведь он пришёл не с флагами разговаривать... Ведь как успешно складывалось всё у Ждуших!

Седой, как глубокий старик, крепко сложенный, как мужчина в самом расцвете сил, Заклинатель вышел навстречу Лю — неожиданно. Полудемон даже удивился. Неравномерно выкрашенная одежда, нагромождения неярких вышивок и бус, выцветших от времени шнуров делали незнакомца неприметным даже на расстоянии шага. Волчьи хвосты на шапке, целых три, поднимали рядом с ним из пожухлой травы тени охранников...

Лю видел их. Улыбался: силён, силён Заклинатель.

Тени беззвучно скулили, поджимая лишённые хвостов крупы.

— Я — твой повелитель! — сказал полудемон, чувствуя, как за спиной расправляются крылья Тьмы, и его одобрительно поддержал дальний раскат грома.

В небе за клубились стремительно растущие тучи.

Заклинатель упал на колени, вжимаясь в землю грудью:

— Ты!.. Приказывай!.. Мы ждали тебя!..

Так-то лучше.

Лю раскинул руки. Не видел, но ощущал, как за его спиной раскроила воздух змеящаяся лиловая молния.

Оглух от грома, знал уже, что Заклинателей рядом... много. И они так же глухи от раската грома, но слова Лю вошли их души осколками Тьмы:

— Я — ваш — Повелитель!

Глава 27. Когда пришла вода

Отшельник почти не хромал, но на всякий случай ходил с тростью: сам бы не решился признать свою слабость, однако не посмел отказать, когда Звёздная Императрица, лично, попросила Лесной клан драконов сделать для Бохупаэ такую трость, чтобы откручивалась рукоять, освобождая лист бумаги и уголёк для записей, а от особого пристука о землю из другого конца выдвигалось лезвие, превращающее трость в нешуточное оружие.

Йи, приезжая в Циньдар, каждый раз просил разрешения потренироваться с тростью. Отшельник разрешал — а Учитель одобрял, чаще всего доставал меч или брал в руки первую попавшуюся вещь, от упавшей с дерева ветки до веера, случайно или намеренно забытого красавицами, и задавал Йи хорошую трёпку.

В этот раз Дэй не приехал. И Учитель не приехал.

Отшельник, приглашённый в Запретный Город, с радостью отправился во дворец, что было редкостью. Обычно он находил вежливый повод отказать — но сейчас у него были вопросы.

Отшельник, покидая свою хибарку, уложил в котомку Жи Шиту Ри Ли и подаренную Учителем баночку сушёной смородины. Больше ничего важного у него и не было, а тяжёлая ледяная вода подступила уже к самому порогу. Если всё случится, как предсказано, вернуться в дом получится не раньше, чем через месяц.

Столица, переполненная народом, как в праздники, праздничной вовсе не казалась. Повсюду выступали артисты уличных театров, разыгрывая самые незатейливые и красочные постановки для собравшихся из разных городов и поселений матерей с малышами. Воздух искрил от всеобщего напряжения. Да, всем нашли место для сна, никого не оставляли голодным — на кухнях волчками крутились поварики, на помощь которым пришли не только дети, но и те взрослые, что в силу обстоятельств оказались лишены своих обычных дел. Но...

Но по улицам сновали вроде бы обычные парни и красавицы, не выделяющиеся ничем, кроме изредка вспыхивающего свечения в глазах: драконы-оборотни. Искали они кого-то, ждали чего-то... Отшельник не знал. Мог только догадываться: так быстро привезённые из дальних краёв люди, скорее всего, прошли Драконьими Тропами, прокалывающими пространство, как игла прокалывает ткань.

Среди котов у входа к Запретный Город Бохупаэ различил Ронмао, того самого кота, который так недавно служил «ездовым волом» Йи Дэю. Миновав мощный каменный забор, Отшельник не узнал дворцовый комплекс: каждый свободный клочок земли, включая большую часть клумб, был заставлен пёстрыми палатками, шатрами, наспех сколоченными навесами, походными очагами с треногами. Везде, как муравьи в растоптанном муравейнике, суетились люди. И без того не быстрый путь до входа в Зал Центральной Оконечности изрядно замедлился.

Нога болела всё сильнее. Что бы Отшельник делал, если б не согласился принять в дар трость!

Звёздная Императрица ждала гостя в своих покоях. Прежде чем завести беседу, предложила отобедать. Бохупаэ вежливо согласился, опередив жадное бурчание в животе.

Слуги, бесшумные и грациозные, быстро внесли в покои стол, расстелили циновки. Следом за ними пришли повара: они принесли морскую белую рыбу, приготовленную на

пару, красную рыбу из Белой Реки Бэйцзе под кисло-сладким соусом, рисовую лапшу с улитками и кровяную колбасу с гор Крокодилового Хребта. Каждый повар нёс своё блюдо, каждый повар пробовал тот кусочек, на который указывали палочки Звёздной Императрицы.

Отшельник не первый раз обедал вместе с Божественной Княгиней. Иногда она позволяла ему за собой поухаживать, но чаще уважительно ухаживала за ним сама. Когда на смену основным блюдам пришли золотые пирожные из белой фасоли, конфеты «Борода дракона» и фрукты в карамели, понемногу завязалась беседа.

Звёздная Императрица поблагодарила Бохупаэ, что он согласился прийти во дворец — Отшельник поблагодарил за приглашение и спросил:

— Дозволено ли мне будет узнать, где сейчас находятся Учитель и Йи Дэй?

Да, — спокойно кивнула Императрица. — Они на пути сюда. К вечеру должны будут доплыть, вода пришла и в клан Звёздной Императрицы.

Цаао Цзао, встречая главу клана Водных драконов, делал вид, что ничего не происходило, не появлялась она не в парадных клановых одеяниях в его доме, не направляла его на пути поиска того, что никогда не должно было появиться на свет. Она же не давала ему ни словом, ни жестом понять, что их связывает что-то ещё кроме клановой принадлежности — кроме давно забытого предложения Когтем себя в мужа её дочери...

И ведь она тогда ему не отказала!

Слыханное ли дело — любить монстра? Они же не люди, что различаются между собой лишь по цвету волос и глаз! Уже те, кто различны ещё и цветом кожи, не примут в дом мужа из чужаков. Не отдадут сердца чужеродной красавице. Так как же можно любить настолько сильно отличающееся от тебя существо?

Коготь вглядывался в звёзды с крыши своего домика.

Вода, даже если доберётся до этой окраины, вряд ли надолго оставит Цаао Цзао без дома.

А его племянник так быстро вырос. Ещё совсем недавно маленький смешной дракончик учился летать, прыгая со стола на шкаф и обратно — а вчера совсем взрослый мужчина в клановых цветах Водных постучал в двери.

— Моу Тхоу Ин¹, к вашим услугам, — церемонно представился он, неумело пряча улыбку.

— Я б узнал тебя, даже если б ослеп! — Коготь сгрёб Совёнка в охапку безо всяких церемоний. — У тебя мамины глаза, а пахнешь ты всё теми же фиалками, что цвели и месяц назад на твоём подоконнике...

Никто Сову не заставлял, никто даже не предлагал, он сам, как и многие его ровесники, пошёл к Звёздной Императрице и предложил помочь разводить людей, живущих в опасных зонах, по местам, до которых не дойдёт вода.

Перед тем, как ступить на Драконьи Тропы, зашёл к дяде:

— Я слышал, это может кончиться неприятно, но ведь не смертельно?.. — он лукаво подмигнул и чуть ли не из объятий Когтя провалился в ворох сапфировых искр.

— Не смертельно... — эхом повторил Цаао Цзао.

Закрыв глаза.

А ведь правда же. Если дракон рождается, как Сова, у драконов одного клана, он чаще всего вылупляется в своей драконьей форме. Он просто не может ничем отличаться от родственников, кроме каких-то незначительных мелочей. Часто ли удавалось Когтю видеть

Совёнка в теле человека до того, как ему стукнуло пять?

А вот уже когда судьба сводит, например, Водную красавицу и Лесного, их ребёнок рождается человеком, и в Небесной Канцелярии ещё повозятся с выбором его цвета в драконьей ипостаси, и у него дело до обращения драконом может аж к трём годам дойти.

А если драконы не просто из разных кланов, если мать Водная, а отец — суосвергское чудовище?!

Коготь зарокотал драконьим голосом из глубин тела человека.

Этот новый воспитанник Учителя, он же не человек, люди так быстро не растут. Он не циньанский дракон — циньанские так медленно не растут. Он, может, и вовсе не дракон, уж Учитель бы пришёл с вопросом к единственному другу-дракону...

Но ведь он приходил. Коготь заметил, что он спросил не то, что хотел, а может, как раз о своём воспитаннике и собирался, но передумал. Или заставили передумать...

Живущий среди драконов, дракончик сообразит, что можно становиться юркой прыткой ящеркой. Он будет видеть драконов в людской, а людей в драконьей ипостасях. Кто к году, кто к двум, но к трём-то уж точно додумается, как это делается, и будет спокойно менять обличья.

Но живущий среди людей...

Коготь расхохотался: сын уродца и растёт по-уродски, ему и по людским меркам скоро оружие получать, скоро мужчиной становиться, не говоря уже о драконьих, а он и не знает, что он вообще такое!

Да и Коготь хорош. Всё поглядывал издали, ждал черт своей возлюбленной в лице ходячего недоразумения, а надо было искать черты лица того чудовища, каким оно становилось в человеческом облики.

Ведь копия же!

Не поняв до конца, смеяться ему или рычать, Коготь подпрыгнул, в прыжке сбрасывая надоевшее тело, стрелой помчал к звёздам Узла Удавки.

Глава 28. Призыв воды

Мокрые с ног до головы, Учитель и Йи радовались, что удалось найти маленькую рыбацкую лодочку. Вёрткая, узенькая, она не дала задубеть на ветру, помогла между делом подсушиться: в ней, рассчитанной на одного, пришлось приноравливаться сидеть вдвоём, а после ещё и грести. Оказалось, что удобнее всего сидеть лицом друг к другу, так проще понять движения напарника.

Первым грёб Йи. Когда он перестал клацать зубами от каждого шевеления воздуха, Учитель отобрал у него вёсла:

— Всё, теперь моя очередь.

Мальчик не стал возражать, говорить, что ещё не устал — Учителю тоже нужно погреться, а другого способа не предвидится.

В первые минуты они не понимали, что случилось. Да, потопа ждали, Жи Шиту Ри Ли был точной копией Каменного Календаря Драконов и ни в чём не ошибался. Но так резко залить водой по грудь взрослому человеку всю равнину...

Вскоре Учитель додумался:

— Так резко вода могла подняться, если прорвало плотины на Дуаньцзе и Бзайцзе.

Йи помнил карту и был совершенно согласен с Учителем. Иного способа так резко превратить окрестные степи в море не было.

— Так сразу прорваться плотины могли, если им помогали... например, Заклинатели, — сделал выводы, подумав, Дэй.

Настала пора Учителю соглашаться с ним.

Небесная Императрица или не видела действий Заклинателей — или не считала нужным сообщать о них, но, что бы ни сотворили их общины, почти всегда оказывалось неожиданным.

Вода продолжала прибывать, уже значительно медленнее. Наверное, от неё можно было и не сбегать через Тень в дальние дали — уйти в сторону реки, там же тоже стояли на привязи лодочки, но в тот момент Йи не сумел обуздать свои чувства, действовал по наитию.

Теперь же приходилось возвращаться. Хорошо хоть, совсем далеко убежать просто не хватило сил.

Вскоре прямо по курсу показались Зимние Ворота клана Нефритовой Богини.

Крыши части домов возвышались над беспокойной мутной гладью, как цветные острова среди моря. Пусть и непривычно было видеть их так, всё равно узнаваемыми стояли кухня и прачечная, оружейная, дома лекарей — жилые постройки, куда более низкие, скрылись под водой.

Йи снова начало трясти.

Вода, вода, вода, куда ни глянь, везде только она, медленная, тягучая, заворачивающая, вводящая в транс, тихо шепчущая — не на ухо, а словно в самое сердце: иди ко мне, иди сюда, не сопротивляйся мне, слейся со мной, растворишься во мне, узнай, кто ты есть...

— Замёрз? — тут же откликнулся на цокот зубов Учитель. — Бери вёсла, грейся!

— Не-не-не зам-мёрз, — от дрожи, охватившей и тело, и разум, голос почти совсем перестал слушаться. — П-п-росто с-т-рашно...

От такой новости Учитель даже перестал грести.

— Что такое? Мы же приладили, как нам плыть, мы договорились, что спать будем по очереди, уже привыкли, уже не перевернёмся, если будем аккуратны... да и плавать ты умеешь.

— У-умею, — чуть ровнее выдохнул Йи.

Как всегда и говорил Учитель, самое сложное — начать. Любое дело, любой разговор, пока не начнёшь, всё кажется ужасающе сложным, а вот, например, Дэй заговорил, и даже голос слегка окреп, хотя дрожь перелилась куда-то в низ живота и пульсировала теперь там, до боли.

— Я у-умею плавать. Но я б-боюсь воды. Учитель! Мне кажется, она со мной... разговаривает. Кажется, я слышу, как она... зовёт меня.

Проговорив свой страх вслух — этому научила Алая Лента Нуорэдэ, когда уже перестала быть Алой Лентой — Йи с ужасом сжался в комочек: голос воды не утих, стал только громче и отчётливей. А ведь страх, которому дали прозвучать, должен рассеяться, как дым на ветру.

Не рассеялся.

Йи покрепче обхватил себя руками. Он же не касался воды. Зажмурился, чтобы её не видеть... но настойчивый голос где-то в груди не утихал: узнай, кто ты есть, приходи ко мне, слейся со мной, растворяйся, умри, умри, умри...

Голос Учителя, спокойный и ровный, перекрыл собой призыв воды:

— И о чём же она говорит? Куда зовёт?

Очень хотелось ответить так же ровно и спокойно, но голос Йи срывался и дрожал:

— Она зовёт... зовёт раствориться... и умереть... она... зовёт узнать... узнать, кто я... кто я есть... мне страшно, Учитель!.. Я не человек, но... кто я?..

Будь под ногами земля, не шаткие досочки, Дэй бросился бы на колени к ногам Учителя. Так в далёком детстве прибегал просить защиты от ночных кошмаров — и ведь помогало же! Но сейчас вокруг было слишком много воды. Лодочка тоненькая, вода близко, не скрыться, не спрятаться, а дотянуться до Учителя — нарушить равновесие, опрокинуть хлипкое убежище...

Учитель аккуратно уложил вёсла на дно лодки. Темнота позднего внешнего вечера бесшумно подкралась на мягких кошачьих лапах. Первые звёзды выглянули из небесных покоев, посмотреть, всё ли идёт так, как велит Небесная Императрица, и отразились в медленной ряби скрывшей земли Поднебесной Империи воды.

Он не помнил в предсказаниях ничего даже отдалённо схожего с тем, что слышал и видел прямо сейчас. Вода всегда была символом жизни — могло ли значить то, что говорил Йи, что стихия воды пытается сладить с Воплощённым Злом единственным доступным ей разрушительным способом?

«Воплощённое Зло, мальчик-подкидыш, неужели ты так подчинил меня себе, что я готов сломать Печать на устах и сказать тебе, кто ты есть — до того, как скажет вода... она же тебя убьёт».

А если это — знак... а если это — призыв!

Вокруг — предсказанное Драконами море, вода вызывает страх и ужас у Воплощённого Зла. Вода призывает его умереть, и долг Учителя — помочь неподконтрольной ему, но вовсе не враждебной стихии одолеть Зло!

Но Йи...

Йи Дэй...

«Что я знаю о тебе, мальчик, только ли то, что ты не можешь быть человеком? Люди неспособны так быстро расти, люди не умеют так мало спать, люди... люди не вызывают безоговорочной ненависти у полудемонов...»

Учитель смотрел на Йи.

Мальчик съёжился, зажмурился, обхватил сам себя руками...

...одним резким движением Учитель опрокинул лодку, одновременно вцепляясь руками и оплетая ногами Воплощённое Зло. Отныне и навек, до конца времён их судьба была едина и неразделима: смерть, смерть от воды, вода заберёт на себя грех Учителя, унесёт в дальние моря все грехи Воплощённого Зла...

Учитель, тщательно выверяя каждое движение, переместился как можно ближе к Йи.

Обнял его. Укутал не до конца просохшим плащом.

Ничуть не удивился рыданиям: пока мальчик был на носу, а Учитель на корме вёрткой лодочки, он не решался дать волю чувствам. Теперь же цеплялся за руки Учителя — с такой силой хватаются те, у кого под ногами уже пропасть и острые камни на дне.

Учитель размеренно гладил трясущееся в рыданиях тело мальчика.

Что-то подвинулось в мире: течение, что уносило хрупкую лодочку вдаль от Столицы, обернулось вспять.

Глава 29. Драконьими тропами

Если и жил когда-либо где-либо человек-ураган, то он воплотился в Учителе: чёрным вихрем пролетел по городу, где чертя зигзаг между людьми, где по заборам, по крышам... на руках у него догорал от жара бессвязно бормочущий что-то Йи.

В лазарете, переполненном людьми и драконами-оборотнями в человеческой форме, не вдруг поймёшь, кого больше, нашлось местечко и для мальчика... юноши. Просто непривычно так называть.

— Отпусти... — шептал он, то закрывая глаза, то распахивая их двумя провалами в бездну. — Отпусти... я не могу... я не хочу...

Кого он просил и о чём, Учитель старался не думать.

Лекари справлялись, как могли. Им помогали их ученики, палачи, ученики палачей: кто способен отнимать жизнь, обязан знать, как вернуть с порога Небесной Канцелярии.

Йи Дэи, раздетый донага, омытый отваром трав, напоенный крепким отваром других трав, с поставленными Учителем в кисти рук и стопы ног иглами, наконец уснул, прикрытый тоненькой простышкой.

Драконы-оборотни, преимущественно молодые, производили удручающее впечатление.

Неподвижные, посеревшие, ледяные на ощупь, словно уже умершие, они редко-редко дышали, иногда издавали протяжные стоны. Учитель не думал, что ему доведётся когда-либо увидеть столько всемогущих с точки зрения человека существ — обессиленными. Коготь, с которым Учитель познакомился ещё нося имя Фа, сидел рядом с молодым драконом, Мао Тоу Янном¹. Держал его за руку. Изредка звал:

— Сова, Сова! Лети домой! Пора возвращаться!..

Заметив Учителя, покачал головой:

— Небесная Драконница просила глав кланов помочь людям, и первыми на зов откликнулись совсем ещё юные, вчерашние дети. Они все верят в себя, но не умеют рассчитывать силы. У них ещё не было опыта проведения Драконьими Тропами других существ, теперь будет. Но вот — цена обретения опыта, их души медлят по ту сторону Тропы.

— Они сумеют вернуться?.. — осторожно спросил Учитель, вглядываясь в неподвижное лицо Мао Тоу Янна. Он казался ровесником Йи — и казалось, если юного дракона не отпускает в этот мир Драконья Тропа, то Йи удерживает Та Сторона Воды.

— Куда бы им деться, а? — хохотнул дракон. — Вернутся, конечно. Просто не так быстро, как рассчитывали. Как они рассчитывали. Им-то казалось, всё легко и просто, ан нет. Просто, да не легко!

Учитель присоединился к лекарям: помочь Йи чем-то ещё он уже не мог, а лишних рук в эту ночь в лазарете не было. Чаши с огнём и факелы, походные очажки, на которых варились необходимые снадобья, корзины с бинтами, сундучки лекарей, пыточные наборы палачей — всё сливалось в одно бесконечное, смазанное пятно. Тяжёлый от ароматов горящих трав и дыма воздух отказывался проходить в лёгкие, и Учитель понял, что скоро ему придётся остановиться. Не хватало ещё рухнуть без сил и добавить работы коллегам!

Цао Цзао, точно зная, что его Сова прилетит назад, как только чуть-чуть отдохнёт, пошёл вместе с Учителем накладывать лубки на сломанные руки и ноги, вправлять вывихнутые плечи, зашивать разодранные ветками и камнями тела.

Мысли застывали, как скорпион в янтаре. Коготь заметил сам и обратил внимание Учителя, когда слуги Звёздной Императрицы переложили Йи на плотную ткань и куда-то унесли. Добинтовав хрупкую ножку молоденькой красавицы из дальнего клана, Учитель помчался в ту сторону, куда уносили мальчика, всё уже, юношу — откуда только взялись вдруг силы! — и чуть не сбил с ног посланного Императрицей гонца.

В покоях Божественной Княгини было тепло и сухо. Не горел ни один факел в креплениях, зато рядом с уложенным на матрас из морских водорослей Йи Дэем искрились огненные чаши.

Императрица стояла на коленях рядом с юношей, вглядываясь в его лицо, измученное, но умиротворённое.

— Ты расскажешь мне, что у вас случилось, — тихо велела она Учителю.

— Да, Госпожа, — склонился тот, выражая подчинение и готовность к исполнению приказа.

Опустился на пол по другую сторону от Йи, осторожно вынул из его руки иглы и, подержав немного в пламени чаши и дав остыть, переставил в другие точки. Императрица последовала его примеру, извлекла и прокалила иглы со своей стороны, передала их Учителю.

Не торопила. Понимала, что случилось слишком много всего, о чём нужно рассказать.

И он не спешил. В его лице невозможно было прочесть ни единого намёка на переживания, только ровное спокойствие... Звёздная Императрица знала, какой ценой даётся умение так держать лицо.

Долгое молчание помогло Учителю составить недолгий рассказ, в котором не было ни слова лишнего — но в каждом слове стонала душа.

— Йи Дэю всего тринадцать лет, но в своём развитии он равен юношам, и, когда о том просила Небесная Императрица, я позволил ему самостоятельно провести дознание. Объектом избрали отравителя колодцев, я полагал, что в ходе работы я и Йи поменяемся ролями. Он не любит причинять боль живым существам... а здесь был человек, настроенный на то, чтобы молчать под любой пыткой. Но Йи призвал своих подконтрольных зверей. Это пауки. Я представить себе не мог, что Йи Дэй, мальчик, готовый упасть в обморок при виде маленького паучка, сможет управлять целыми полчищами пауков...

Учитель покачал головой, словно до сих пор не верил:

— Йи справился с заданием сам. Мне пришлось помогать только переключивать пленника. Я подарил Йи набор инструментов... мы пили чай. Я хотел извиниться перед ним за то, что принуждаю так быстро взростеть... а он вдруг вскочил и утянул меня в Тень. Мне показалось, что на поселение клана обрушилось цунами... позднее я пришёл к выводу, что оно было галлюцинацией. Не моей. Йи боится не только пауков: Йи очень сильно боится воды.

Это никак не могло уложиться в голове Учителя: как, как воспитанник, плавающий лучше всех, обожающий пить воду, беззаветно любящий ливни и грозы — как он может бояться воды? Бояться настолько, чтобы сходить с ума от страха!

Единственное объяснение, что приходило на ум — Вода как стихия решила выйти на борьбу со Вселенским Злом разрушительной силой потопа.

Идя по тонкой ниточке слов над пропастью лжи, Учитель так и не решился рассказать

Императрице о том, в чём сознался мальчик: в том, что вода призывала юного палача умереть.

Рассказать Божественной Княгине, что Йи сам сделал вывод, что не является человеком, Учитель тоже не сумел. Понимал, что одна несказанная фраза может обернуться большой бедой, но не мог себя пересилить. Успокаивал себя тем, что в настоящий момент важнее другое.

— Мы оказались в паре дней пути от Циньдара. Нашли лодку, первый день гребли по очереди, но под вечер Йи сознался мне в своих страхах... а вода понесла нас к Столице... сама.

Это видели все, кто столпился у импровизированной «пристани», наскоро оборудованной из не полностью затонувшей пекарни: Учитель перестал грести, а лодочку продолжало тянуть туда, где среди лодок прямо на глазах образовывалось свободное место.

Голос Императрицы прозвучал пением флейты, подводящей черту под монологом в спектакле:

— На вопрос, что случилось с водой, Небесная Императрица ответила: Вода послушна воле Гибели Мира.

Учитель задумался: Йи боится пауков, но они его призываемые звери. Так, может быть, его подконтрольная стихия — действительно, Вода? И не отозвалась на проверке лишь потому, что Дэй её очень сильно боится...

Открыв глаза, Йи увидел самое прекрасное в мире создание: лаконичная в своём великолепии, сияющая в свете живого пламени, как птица феникс, чёрные жемчужины глаз бликуют волшебным изумрудным светом, заглядывают прямо туда, где совсем недавно заманивал умереть бескрайний водный простор.

— Яшмо... Божественная Княгиня!

Она не рассердилась, её тихий смех переплёлся со звоном подвесок короны:

— Да, Яшмовая Тётя помнит, как назвал её, впервые увидев, один маленький мальчик!

— Ты мне только что снилась! — сообщил Йи шёпотом, как великую тайну.

— Разумеется! Мы только что здесь беседовали с Учителем...

— Учитель? — Йи завертел головой в поисках, а когда комната поплыла перед глазами — до хруста в пальцах вцепился в матрас, на котором лежал.

— Вот он я, — Учитель, уложив иглы в специальный футляр, вошёл в поле зрения юноши. — Что скажешь?

— А тебя во сне не было, — вздохнул Йи. — Там была ты, — перевёл он взгляд на Божественную Княгиню, — только ты была не ты, а Небесная Императрица, и с тобой была Небесная Драконица. Правда, сначала я подумал, что это одна ты, просто тебя две, а потом одна ты взяла и вывернулась наизнанку, и оказалось, что это Небесная Драконица.

Слушатели внимательно ждали продолжения истории, но Йи молчал, хмурил тонкие брови.

Сон был странным. Может быть, надо было вовсе о нём промолчать. Или как-нибудь потом рассказать Учителю... или обсудить с Отшельником: он всегда всё знает про значения снов. Но...

Но Яшмовая Тётя всегда была добра к Йи. Никогда ему ничего не запрещала, ни во дворце, ни в дворцовом парке... значит, надо рассказать ей правду о сне. Тем более, уже начал.

Решив, наконец, продолжать, Йи заговорил медленно и тихо:

— Небесная Драконица звала меня к себе. Говорила: не пошёл за водой, иди за мной, помогу тебе умереть. А ты... Небесная Императрица, она говорила: не ходи. Не ходи, ты мне нужен живым.

Учитель и Звёздная Императрица переглянулись, и Йи почудился звон скрестившихся над головой клинков от взглядов прекрасной владычицы Поднебесной и старого, но невероятно сильного мужчины, следующего своему предназначению.

Изумрудным полыхнули глаза красавицы, весенней зеленью просияли глаза Учителя. Наверняка же они умеют обмениваться мыслями! Надо будет спросить, но не сейчас...

— Это был просто сон, Йи, — ласково погладил юношу по голове Учитель. — Тебе же постоянно снятся разные фантастические истории, а сейчас ты просто слишком многое пережил, и твои страхи обрели выражение в посланиях семи и двух категорий духов...

Мальчик протяжно вздохнул:

— Пусть это просто сон, мне всё равно было приятно, что я нужен тебе... то есть, Небесной Императрице — живым! А то что-то все, кого ни тронь, зовут умирать....

Вода ещё и не думала освобождать затопленные пространства, а Йи Дэй уже выздоровел. По крайней мере, у него получалось изображать здорового. Иногда, правда, передёргивался, оглядывался, будто слыша неприятные оклики, но...

— Я бы не хотела, чтобы он повстречал здесь кого-то из драконов, — честно призналась Учителю Божественная Княгиня. — Этого не хотела бы Небесная Императрица...

Учитель даже не стал спрашивать о причинах такого решения. Йи сам рассказал, что Небесная Драконица предлагала ему умереть — значит, в интересах Учителя оградить мальчика от контактов с драконами. Раз на его стороне сама Небесная Императрица — кто знает, что там на самом деле с Воплощением Зла...

— Я знаю, чем могу его занять, — объявил Учитель.

— Обучением малышей, конечно же, — качнула головой Императрица.

Почему Йи так нравилось учить маленьких всему тому, что он сам узнавал от наставников, никто не мог понять.

— Может быть так, что он растит себе армию? — спросила как-то раз Звёздная Императрица.

— Нет, — Учитель и тогда, и сейчас верил в своего ученика. — Нет. Скорее, он сам для себя повторяет то, что узнал. Закрепляет изученное... он же и говорить так учился, повторял каждое слово до тех пор, пока оно не начинало получаться правильно.

Увидев стайку детворы, Йи на краткий миг потерял дар речи, но тут же начал кланяться Учителю, передавать благодарности Звёздной Императрице: он прекрасно понимал, кто велел позволить ему возиться с малышами.

Ни одного знакомого ранее ребёнка не встретилось, все пять и два малыша, с которыми Йи предложили заниматься, оказались из разных кланов, и мальчик начал с того, что взялся им рассказывать о чайной церемонии. Простенькие чашечки, чайнички, подносики — их оказалось достаточно, чтобы рассказать и показать, как надо обращаться с чаем.

— Все вы знаете, что чай — это одна из пяти и двух вещей, потребных ежедневно. Что нам потребно каждый день? Правильно, рис, соль... — начинал Йи один, а заканчивали все хором:

— ... масло, уксус, соевый соус и дрова!

Учитель тихо стоял за занавеской, закрывающей вход в покои.

Наблюдал.

— И чай! Самой первой чайной церемонии, с которой мы начинаем утро, которая помогает нам узнавать друг друга при первой встрече, нас научили драконы. Называется она «Поддержание традиции», — голос Йи не ломался, просто становился с каждым днём всё ниже и глубже, словно тоненькая веточка наливалась соком и обрастала красивой глянцевой корой. — Сейчас вы посмотрите на меня, я буду вам рассказывать и показывать, как надо, а после каждый по очереди попробует сделать всё сам. Пока мы не будем разводить огонь и наливать воду, мы просто поиграем, будто бы я — тот самый Ча Лун², Чайный дракон, первый дракон-оборотень, подаривший людям чай. Кто будет внимательнее всех слушать, тот будет следующим Ча Лун!

Учитель никогда не рассказывал ученикам так о чайной церемонии. Не рассказывали о ней так и красавицы на кухне... Знал, что мягкие и плавные движения начала церемонии Поддержания традиции — подражание парящим над горами драконам...

Не ожидал, что Йи сумеет устроить настоящее представление для малышей.

Дети, затаив дыхание, слушали, всматривались... они запомнят это на всю жизнь. Интересно, им, как Учителю, мерещилась лишняя в свете огненных чаш чёрная тень за спиной Йи Дзя?..

Не став никак обозначать своё присутствие, Учитель отправился на поиски Звёздной Императрицы: она должна своими глазами увидеть, какие танцы для малышей исполняет тот, кого она называет Воплощённым Злом.

1

Maotouying — Мао Тоу Янн, Сова

2

Cha Long — Ча Лун, Чайный дракон

Глава 30. Когда вода отступила

— Не понять, о чём говорит касающееся горла лезвие, может только лишённый разума человек, — мягко проговорил Лю.

Лезвие меча в его руке касалось горла Йи.

— У тебя простой меч, не Стальная Женщина, — так же мягко ответил Дэй. — Она не умеет говорить. Вообще не умеет.

— Ах-ах, знаток Стальных Женщин нашёлся... — Лю потянул на себя меч, и по шее Йи побежала алая струйка крови.

Дэй чувствовал рану. Знал, что через минуту кровь остановится, надо будет застирать воротник рубахи, и всё.

В руках Йи была поднятая с земли ветка дерева. Лю не считал её угрозой, ведь у него в руках дагьен — один взмах, и этот мелкий гадёныш станет короче на одну голову.

Нет, Йи не умел читать мысли — но точно знал, как называет его Лю Чу, и превосходно считывал дыхание и малейшие сдвиги в позе противника: Лю готовил удар «обезглавить статую». А Йи ничего не готовил. Ни уворот, ни сбивающий с шага удар. Если полудемон и знал, как мог бы дышать и двигаться человек, который на следующем вдохе убьёт его веткой дерева, он не сумел бы заметить этого.

Но он хотя бы понимал, что перед ним не человек.

Вихрь, закрутившийся в следующий момент на месте, где только что расслабленно стоял Йи, заставил Лю отшатнуться, взмахивая руками — и выпустить из пальцев рукоять меча... не без помощи той самой ветки. Град ударов ладонями, локтями, коленями, стопами не причинял боли, но заставлял отступать, мало помалу принимая удобную для задуманного Йи позу...

Дэй никуда не торопился. Ждал, когда же противник окажет достойное сопротивление.

Когда Йи уже был готов завершить экзекуцию смачным пинком в самую податливую часть тела полудемона, Лю, наконец, опомнился, обозначил грядущий удар боевым визгом — уши заложило! — и уверенно обрушился туда, где Йи уже не было.

Перекатиться, уйти в низкий прыжок, приоткрыть рот, чтобы второй протяжный визг не разорвал барабанные перепонки... и обнаружить себя лицом в луже.

Вода, ледяная, колючая, густо разбавленная песком и землёй, вцепилась в Йи жадной пастью, радостно шепча: «Умри-умри-умри же, умри-умри-умри, пришёл твой срок, умри!..»

Йи Дэй не собирался умирать. Нет! Но шёпот воды лишал сил. Их не хватило даже закричать, даже застонать в ответ: «Отпусти!»

Неведомая сила отняла Йи у воды, и, пару раз моргнув, он увидел прямо перед собой встревоженное лицо Учителя. За его плечом тихо скулил Лю:

— Учитель, У-у-учитель, ну пожа... пожалуйста! Ну что я такого сде... сделал!

Моргнув ещё раз, Дэй наконец-то смог вдохнуть — и его забило кашлем от сыпанувшего в горло песка. Зато немного восстановилась картина событий: Йи потеряли на стройке, Лю не дождался там, где он должен был рыть траншеи, и Учитель отправился искать нерадивых учеников... а они затеяли драку. И вот он, как будто других дел у него нет, умиряет драчунов.

Стыд. Стыд и позор. Наверняка, это девять плетей. И спросить потом Учителя, как он сделал Лю болевой захват, что тот аж пляшет на месте.

Учитель выпустил пальцы Лю и взял Йи обеими руками за плечи:

— Ты — сейчас пойдёшь со мной. Лю?

— Да, Учитель, — тщетно пытаюсь скрыть недовольство, отозвался полудемон.

— Опрометью под командование группы копающих траншеи!

Лю, наскоро изобразив что-то, отдалённо напоминающее поклон, побежал — кажется, и правда, в ту сторону, где рыли канавки для отвода воды от впадины-озера, образовавшегося вокруг ткацкого павильона.

— С тобой снова заговорила вода? — тихо, но требовательно спросил Учитель, как только Лю скрылся с глаз долой.

Йи молча кивнул — в горе всё ещё першило песком.

— Сейчас мы пойдём пить чай. После ты не вернёшься на стройку, мы отправляемся в Циньдар...

— Я могу провести Теневыми Тропа-кха-кха-кха... — Йи не сумел даже тихонько договорить, не закашлявшись, и Учитель встряхнул его:

— Ты — поедешь со мной верхом. Никаких Теневых Троп!

Йи поклонился — и, если б его снова не взял за плечо Учитель, не удержался бы на ногах.

Что за ерунда...

Не в ушах, где-то между ними, глубоко-глубоко в голове продолжал журчать тихий шёпот воды: «Умри-умри-умри же... умри... умри...»

А Учитель посмотрел так, словно слышал этот шёпот.

Вкуса чая Йи не заметил. Вода в чашке молчала — и то хорошо.

Когда они вернулись из Циньдара, дней десять и два назад, может, чуть больше, на первый взгляд, поселение показалось Йи разрушенным водой до основания. Хорошо, что стариков не выпустили из дальних горных сёл, а малышей оставили в Столице. Он, правда, не понимал, когда их успели туда всех увести, но это можно узнать и позднее.

Присмотревшись, Йи увидел: не всё так плохо! Части домов удалось остаться на своих местах, а воды так много потому, что сама она, стоячая, не может промыть для себя дорогу к реке... и всё равно, хорошо, что первыми в поселения по всей Поднебесной возвращались мужчины, юноши, мальчики — и Алые Ленты.

Они приходили первыми, их проводили воины Тени. Следом вели всех тех, кого Алые Ленты призывали. Так, Учителя, а вместе с ним его учеников-палачей, позвали первыми.

Йи при каждом удобном случае старался учиться использованию Теневых способностей. Если именно это его умение сейчас нужнее всего, почему бы не применить? Получалось хорошо, но Учитель уже насчитал семь и два наказания, которые поочерёдно испытает Йи, как только закончатся работы по восстановлению поселения.

«Я не живу в твоём теле, — отчитывал он мальчика. — Я не имею возможности следить, поел ли ты, поспал ли, достаточно ли у тебя сил, чтобы порхать воздушным змеем на привязи. Твои силы — тот ветер, что держит змея в воздухе. Ветра нет — куда летит змей?..»

Так хотелось раз за разом срываться в новый и новый заход в Тень, чтобы привести поскорее из Циньдара нужных людей — и была ведь на то ещё одна причина, такая глазастая, насмешливая! — но перед глазами вставала летящая с высоты в песок бесформенная тряпочка на ломких прутиках, которая секунду назад вилась, как угорь в

ручьё. Секунду назад в ней плескался ветер.

Чувствуя, что силы на исходе, Йи извинялся перед воинами и шёл отдыхать. Учитель, видя такое, вновь ругал мальчика. Спать три часа в сутки и надеяться, что не швырнёт лоскутом на камни?..

А Йи делал всё, чтобы не слышать воду. Её голос утихал, стоило ему уйти в Тень — но уход туда на час отнимал столько же сил, как целый день таскания тяжёлых камней.

Взрослые Тени говорили, что с возрастом это должно пройти: не зря же испытывают на склонность к этой магии только мужчин! Новый Канг — Йи называл его так следом за Учителем — говорил, что он, наоборот, словно получает новые силы от ухода в Тень:

— Я не обсуждал это с другими, принимал, как данность, думал, так у всех, но вот он ты. И у тебя всё иначе. Надо будет спросить Отшельника, может, он знает, почему мы такие разные.

Нужные Алой Ленте люди закончились быстро, ведь за ними ходил не только Йи, и теперь он старался не оставаться без дела ни на минуту: можно же слушать напев «умри-умри-умри» — и растаскивать на кучи по размеру камни обвалившейся стены. Или драить котлы и жаровни на кухне — там уже появилась крыша, и Алая Лента позволила вернуться кухаркам. Работы у всех было много... Йи чувствовал страшную вину за то, что не сдержался, поддался на игру полудемона.

И немного страшился внезапного вызова в Столицу.

Что случилось? Яшмовая Тётя недовольна им? Или... он старался не примерять к себе все проблемы, но не получалось.

Вдруг его драка с Лю была... да нет же. Так быстро узнать о ней не могли.

Проглотив чуть горчащую воду, Йи поклонился Учителю и побежал собираться в дорогу.

Он помогал в коровнике, как все дети: чистил, убирал, кормил; вместе с будущими лекарями принимал телят, доил коров, ремонтировал повозки и упряжь. Конечно, не сразу самостоятельно, всегда поблизости были взрослые мастера. Последние пару лет учился ездить верхом, осваивал мастерство возницы. Йи помнил слова Учителя: «Может быть, ты никогда не станешь готовить столь же вкусно, как личный повар Звёздной Императрицы, но ты должен уметь не дать себе умереть с голода. Может быть, не научишься так искусно шить, как её портнихи, так же тонко прясть, как красавицы из клана Лунных Паучих, но должен уметь при случае обеспечить себя одеждой. И так в каждом, каждом-каждом деле. Лучше тебя с ним справятся те, кто избрал его делом своей жизни, но ты должен знать, откуда что берётся — и должен уметь хотя бы немного делать всё.»

К тринадцати годам Йи, как и все мальчишки, сам не заметил, как научился худо-бедно готовить, шить, вязать, содержать в порядке свои одежду и обувь и помогать в этом малышам, поддерживать чистоту в жилищах и на улицах, охотиться и многое другое. Внезапный потоп, который смог отыскать в Жи Шиту Ри Ли Отшельник, сломал привычку размеренную жизнь людей, и каждый теперь мог применить на деле полученные ещё в детстве навыки.

Йи выпала возможность попрактиковаться в готовке, в вождении других через Тень, в работе каменщика — и в верховой езде. Лю снова сбежал от тех, кто прокладывал отводящие воду траншеи, не решился сопровождать Йи до коровника, но успел высказать ему вроде бы издевательскую, а на самом деле истекающую лютой завистью тираду, пока Дэи собирал

сумку в дальний путь.

Он брал с собой только подаренный Учителем ларец с набором инструментов: отыскал его первым делом, как только выдалось вернуться на земли клана после потопа. Ларцу не повредил даже без малого месяц под водой! Вот что значит — работа настоящих мастеров.

— Что, малыш, понравилось убивать? Думаешь, тебе там снова позволят запытать кого-нибудь насмерть? Ха-ха!

Йи молчал. Хватит, он уже заработал своё наказание за драку с полудемоном. Что изменится от того, что Лю узнает, что тот отравитель до сих пор живёт мирным больным в столичной лечебнице — да ничего. Лучше промолчать.

— Ты смотри, какой гордый, слова бережёт... может, хоть на ласковый взгляд лучшему другу решишься?

— Нет, — Йи покачал головой. — Боюсь, ты не переживёшь моей ласки.

— Он ещё и угрожает!..

— Обрекаю.

Полудемон издал странный звук. Поперхнулся-не поперхнулся, резко втянул воздух и забыл выдохнуть.

Они стояли друг против друга, Лю — на вид совсем взрослый мужчина, Йи — никак не тринадцатилетний мальчик, высокий гибкий юноша с неподвижным лицом мраморной статуи из Императорского Дворца.

Глаза Лю залила чернота, извивающаяся, склизкая, как горсти чёрных глянцевого опарышей, того и гляди посыплются на пол:

— Не... не при... ни... ма... ю... — еле-еле прохрипел он, и что-то дрогнуло в лице Йи.

Голос Лю на миг показался похожим на голос воды.

На голос огня.

В нём шелестели хитиновые панцири огромных скорпионов, в нём клубились тучи пара и пепла над вулканом...

Обрывок сна встал перед глазами, как явь: два крохотных клинка в руке, они не нужны, прокусить выгнувшуюся в последней муке грудь Лю, раскрошить зубами рёбра...

Йи закрыл глаза, и видение пропало.

— Обрекаю, — тихо повторил он. — Не прощаюсь, мы ещё увидимся.

Глава 31. Три всадника, три вола, три плети

Волов было трое, серый, серый «в сапожках» и бурый. Их уже оседлали, подготовили к дальней поездке. Бурого звали Сиаогуи¹. Полностью оправдывая кличку — Баловник — он уже начинал баловаться: ловил сам себя за ремни упряжи, не дотягивался, принимался скакать на месте, мотать головой... Выбирай волов Йи, он такого и близко не подпустил бы к важной поездке.

— Твой будет Хусэдэ², — Учитель кивнул на серого. — Меня повезёт Дунжао³.

У вола «в сапожках», и правда, кончик одного рога обломился, и мастера загладили скол, сделав его тупым. Йи помнил, он ещё приводил в коровник малышей, чтобы вместе посмотреть, как поступают с обломанными рогами у коров, быков и волов.

Хусэдэ приветственно мотнул тяжёлыми рогами, убийственно острыми, в красивых спиральных завитках. Тут же потянулся мордой к рукам мальчика: знал, у Йи всегда найдётся что-нибудь вкусненькое. Они давно познакомились, даже ездили вместе в клан Зимней Свечи.

Дэй с готовностью поделился свежим яблоком из прошлогодних запасов.

— А для кого Баловник? — спросил он Учителя.

— А это мой любимый зверёк, — пропела Дэю на ухо Нуорэдэ.

И когда только успела подойти!

Йи приветственно поклонился красавице.

— Ну, ну, не так официально! — рассмеялась та. — Время не терпит, скорее в путь!

В перестуке копыт, в тепле мощной шеи вола под руками — «Три плети! Возьми в руки поводья!» — растворились последние капли кошмара.

Сиаогуи как подменили: с красавицей Огненной шутки плохи, лучше побыть паинькой, а скорость задать такую, чтоб отстал даже победитель Императорских скачек Дунжао. Нуорэдэ, от души насладившись безудержной гонкой, придержала, наконец, своего «зверька», когда он готов уже был унести её за горизонт. Дождалась спутников.

— Это ведь не скачки, — вздохнул Учитель. — Нам предстоит ещё не меньше двух дней пути, ты не устанешь — твой любимый зверёк устанет, что делать будешь?

Нуорэде смутилась. Йи удивился: на его памяти Учитель впервые позволил себе в чём-то укорять Алую Ленту.

Йи не мог воспринимать Нуорэдэ не хозяйкой клана. И дело даже не в том, что она была первой Алой Лентой на его памяти, нет. Если бы без её одобрения решались важные дела клана, если бы к ней не обращалась постоянно за советами Вэнглинг, если бы саму Вэнглинг — Алую Ленту! — прекратили уже называть по имени!

Если бы глаза Нуорэдэ не вспыхивали поминутно изумрудным огнём: Небесная Императрица давала понять, силы Огненной столь велики, что отказаться от них невозможно.

Ветер становился теплее с каждым днём, а теперь казалось, с каждым шагом волов. Земля приходила в себя после потопа. Пятна яркой на солнце зелени, брызги императорского жёлтого самых первых весенних цветов радовали глаз, успокаивали душу.

Пущенные быстрым шагом волы шли так ровно, словно всю жизнь тренировались ходить нога в ногу.

Йи понимал: это — не Ронмао, вцепляясь в шею которого маленький мальчик мог и по Циньдару пролететь от Зимних Ворот до Летних, и на пагоду взобраться за считанные секунды... да и назвать те детские шалости привычкой даже мысленно язык не поворачивался... но руки сами выпускали поводья и ложились греть ладони о гуляющие под крепкими шкурами мышцы. Пока Учитель не видит, можно.

— Йи Дэй. Три плети. Сам знаешь, за что.

А нет, всё-таки видит. Это Йи его глаз на затылке не видит — а он всё замечает. Интересно, как.

Лучи солнца грели шею и щеку — или подталкивали посмотреть на обочину дороги.

Йи улыбнулся: глаза на затылке и не нужны, когда тени подросли настолько, чтобы Учителю стало видно, как держит руки его ученик.

А если держать одной, а вторую осторожно опустить... есть! У тени поводья не сами по себе болтаются, а та рука, которая гладит шею вола, не видна совсем.

— Йи Дэй. Я же знаю, что ты мухлюешь.

Йи почувствовал огонь в щеках. Нуорэдэ расхохоталась, звонко и счастливо:

— Ты же сам не всегда поводьями правишь! Чего от мальчика требуешь? Он просто за тобой повторяет! Драконы, вон, если на волах ездят, то и вовсе без упряжи!

Жар от щёк раскатился по шее, на спину: значит, на боевом коте он ездил по-драконьи.

Смущение смущением, но от собственной аналогии юноша прыснул, утыкаясь носом в тёплую воловьё шею. Учитель вспомнил тот же эпизод, фыркнул:

— Да его с детства тянет на всём живом и неживом кататься без упряжи! На бронзовых львах, на бронзовых драконах, на живых боевых котах... только и того, что верхом на карпе не видел, и то лишь потому, что карпы подходящего размера в дворцовых фонтанах не живут.

— А где живут? — Йи сначала спросил, потом одумался.

Это же получается, он собирается искать огромных карпов...

— Нигде, — пожал плечами Учитель. — До таких размеров, чтоб на них ездить, дорости не успевают.

1

Баловник

2

Серый, серенький

3

Тупой рог

Глава 32. Нова встреча

Циньдар опустел: по улицам не бродили толпы вывезенных из далёких селений людей, на каждом шагу не выступали актёры, певцы, музыканты, акробаты, развлекаая мающихся вынужденным бездельем. Не готовили на перекрёстках еду, не ходили парами воины с боевыми котами, чтобы следить за порядком... Йи подумал, что та, переполненная гостями Столица, осталась только в памяти — и память эта вызывает у него двойственные эмоции.

С одной стороны, это было хорошо и так похоже на праздник! Затянувшийся приход нового года, когда никто никого не знал ещё минуту назад, но сейчас уже все вместе, все знакомы, готовы друг друга угостить, обогреть, помочь, поддержать...

С другой, Йи с трудом переносил такое обилие людей и был рад, что ему позволили оставаться в Зале Центральной Оконечности, более того, в закрытых покаях самой Императрицы! Ему и семерым малышам хватало такого общества.

Теперь же Циньдар вновь стал просторен и величественен. Учитель рассказал, что все каменные мостовые отмыли, все фрески и витражи почистили, бронзовые статуи обработали специальным составом — наверное, это его аромат витал у ворот Тайного Города.

Комната, в которую их пригласили, оказалась совершенно незнакома Йи, хоть он и был уверен, что успел увидеть все-все-все помещения.

Небольшая, уютная и светлая, она стала обеденной залой для Божественной Княгини, Нуорэдэ, незнакомой Йи Алой Ленты, Учителя и самого Дзя.

Йи, как и положено ученику, сидел по левую руку от Учителя. Алые Ленты и Звёздная Императрица расположились вдоль длинной стороны стола, напротив картины «Побеги бамбука в тумане под дождем» кисти Гуань Даошен¹.

Йи не первый раз присутствовал на подобной церемонии, поэтому знал: от него требуется сидеть, как мышонок под веником, пока не объявят окончание обеда и не разрешат поблагодарить и уходить.

— А как ты думаешь, почему на этой картине Гуань не записала ни одного своего стихотворения?

То, что вопрос обращён к нему, Йи понял, когда его руки коснулся Учитель, взглядом указывая на незнакомую Алую Ленту.

Йи вежливо поклонился и прочёл, как учил наставник Вэйж:

— Я ушел от себя. Укрываюсь дождем и туманом,
дровосеков напевы и песнь пастуха постигаю...

Голос Йи, чистый, глубокий, словно дорисовывал невидимой кистью на картине что-то новое:

— Вместе с ясной луной и ветром живым, неустанным
трое нас, безмятежных, свободных и странных.

Грани между «вчера» и «сегодня» мы вместе стираем.

Так написал о бамбуковой роще в тумане под дождём мастер Сюй², а красавица Гуань, вдохновлённая его стихотворением и картиной, написала свою. Думаю, она поняла, что у неё получилось продолжение рисунка мастера Сюя, но продолжить его стихотворение не сумеет, а какое-либо другое не подойдёт...

Красавицы переглянулись.

Йи опустил взгляд.

Не слишком ли вольно для мышонка под веником...

— Сколько тебе лет, юноша? — спросила Алая Лента, и Дэй удивился: в её голосе не звучало ни намёка на недовольство, только вежливый, доброжелательный интерес. Но имеет ли он право отвечать и на этот вопрос...

— Это тринадцатая весна его жизни, — с поклоном ответил Учитель, и Йи незаметно с облегчением выдохнул.

— В тринадцать лет читать наизусть стихотворения мастера Сюя... — задумчиво проговорила Алая Лента.

— У него хорошая память, — улыбнулась Нуорэдэ. — И он очень много читает.

Настало время сменить блюда.

Как и на всех официальных приёмах, повара, принося их, сначала пробовали сами, после предлагали Звёздной Императрице, а уже она распоряжалась их дальнейшей судьбой.

На смену белой рыбе, приготовленной на пару, пришли маринованные ломтики свинины, обмазанные крахмальной пастой и обжаренные в масле.

Они оказались такими вкусными! Но несли настолько отчётливый запах травы «борец», что Йи не выдержал, сказал тихонько:

— О Учитель! Содержание яда в этом блюде превышает обычную норму...

Он понимал: если сможет договорить эту фразу до конца, значит, их на самом деле проверяют, хотели бы убить — лиандао Звёздной Императрицы перерезал бы ему горло уже на слове «яд».

Учитель аккуратно переложил кусочек свинины в своей тарелке:

— Превышает, да, ту базовую, которую мы принимаем почти ежедневно. Но... насколько я могу судить, не является для тебя смертельной.

Йи задумался.

Он около года назад уже проверил, умрёт ли от борца, цикуты, болиголова — принимал яд, держал наготове противоядие, но оно ни разу не пригодилось.

В присутствии этих красавиц не время думать о том, что он не человек.

Йи знал, перед тем, как назвать юношей и подарить меч, ему, будущему палачу, устроят испытание в три и две ступени, в котором первой же станет отравление. Решил сознаться Учителю в том, что уже проходил его, и неоднократно, как только назначат день испытания — но, кажется, придётся раньше.

Просто не в присутствии трёх красавиц.

Пока он подтвердил:

— Да, Учитель. Не является.

Учитель отложил палочки, подавая сигнал повару забрать тарелку.

— Ваше Императорское Величество! Насколько я могу судить, сейчас уже можно перейти от обсуждения творчества Гуань Даошэн к тому, ради чего вы так срочно вызвали нас в Столицу.

Звёздная Императрица улыбнулась, и глаза её полыхнули изумрудным сиянием:

— В Циньдаре вновь отравили колодцы. Те, кто это делает, знают, что их предшественника допросили и лишили жизни палач клана Нефритовой Богини и его ученик Йи Дэй. Мы уже вышли на их след... почти, но, чтобы быть уверенными, нам нужна приманка. И вы станете ею. Прямо сейчас отправитесь туда, где вас, надеюсь, уже ждут.

— А доесть можно?.. — очень тихо спросил Йи.

1

Гуань Даошэн (1262–1319) — поэтесса, художник и каллиграф в Китае эпохи правления династии Юань

2

Сюй Цзайсы, китайский поэт XIII–XIV вв.

Глава 33. Циньанский костюм

Гэнги Тшу не очень любила традиционный костюм красавицы, все эти рубашки, нижнюю нательную, чехол на нательную, рубаху-тон с воротником-стойкой под самый подбородок, юбку-тон, ниспадающую водопадом до самой земли — тонáми эти рубаху и юбку называли, потому что их цвет должен был оттенять и обогащать цвет надетого сверху халата — тоже с воротником-стойкой, но уже меньшей высоты... а ведь были ещё и жилеты, и тоже с воротниками-стойками, но в них Гэн пока ещё пугалась, благо, надевать их нужно не каждый раз.

— Синий подойдёт больше сюда, — спокойно довёл до сведения напарницы Йи. — Синий задаёт глубину фиолетовому, синий превратил бы в переливы гранённого сапфира бледную бирюзу...

Гэн поджала губы, нахмурилась:

— Да вот бы сам и наряжался, как девчонка! Хуже!

Йи покаянно развёл руками, в левой фиолетовый халат, в правой бирюзовый:

— Я будущий палач, мне разрешено только чёрное.

Он одевался первым, натягивал, не выказав ни грамма смущения начальной наготой все эти чёрные штаны, чёрные чехлы на штаны, чёрную нательную рубаху, чёрную юбку, чёрную подкладку под халат, чёрный халат, чёрный жилет, чёрный плащ... обычно хватало штанов и рубахи, но раз велено «по канону» пусть будет.

— А ты, посмотри, можешь сделать вид, что у тебя со мной деловое свидание — с фиолетовым оттенком, или что пришла выбирать на что я способен, в бирюзовом.

— А давай ты в мой костюм, а я в твой!..

— Нет уж! Ты будешь собой и будешь прекрасна, а я буду петь тебе вешние песни. Спою все «Нравы Царств» о всех Семи чувствах! Исполню самые вешние их фрагменты!

— Ну? — подбоченилась Гэн в перекосившемся сером халате.

Йи чуть прикрыл глаза, делаясь похожим на актёра в театре, и голос его, низкий и гулкий, заструился ручьём звуков по камешкам слов:

— Иным, возлюбившим любовь,

не нужен укромный альков,

подстилки, кровати, подушки...

От спёртого воздуха душно!

В цветах, на траве,

к смолистой коре

прижавшись дыханьем сирени.

У кромки стены

укромные сны,

земного тепла испаренья!...

Гэн недоверчиво уточнила:

— И вот такое вот будешь до утра мне петь?

— До утра, если не нападут!

Гэнги Тшу вздохнула:

— Уговорил. Помоги натянуть бирюзовый...

В зале, куда велели пройти полностью одетым Йи и его напарнице, уже ждали сама Звёздная Императрица, Алые Ленты, знакомые и нет — и Учитель, вживающийся в роль сопровождающего сразу двух красавиц, незнакомую юную девушку, и...

«Нуорэдэ!» — мысленно завопил Йи, не выдав ни даже дрожью ресниц своей радости.

— Нуорэдэ! — Гэнгти Тшу оказалась куда менее сдержанной — но и радости в её возгласе было куда меньше.

Огонь связи с Небесной Императрицей прокатился изумрудной волной по глазам красавиц.

Ученик палача очень правильно молча поклонился незнакомке рядом с Учителем, сам не понимая, зачем ей отдельно и первой, также молча поприветствовал остальных — у него это получалось лучше всего, молчать и выжидать, пока не обратятся.

Долго ждать не пришлось. Звёздная Императрица, приглушив сияние глаз ресницами, тихо обратилась ко всем сразу — и каждому лично, как умела это лишь она:

— Мы узнали, кто передавал сведения из Залов Последней Оконечности врагу, и сделали так, чтобы он передал, что сегодня ночью Йи Дэй и Учитель не ждут нападения, ученик палача решает «вешние вопросы» у часов, палач заключает сделку с представительницей клана Водных и бывшей Алой Лентой клана Нефритовой Богини.

Представительница клана Водных... драконов же?..

Йи изо всех сил старался не выдать изумления. Нельзя, нельзя, даже просто голову повернуть нельзя, разве что посмотреть... и провалиться в синеву ночного моря глаз красавицы. Оно становится таким на заре, отражая светлеющее небо. Оно опасно для того, кто не знает холодных течений. Они — глаза — так же бездонны, неведомо, что таят в своей глубине... драконица захватила взгляд Йи и не отпускала.

Или дело все в нём, или он сам никак не мог отвести... синие, такие бездонные, такие... Впервые в жизни видит дракона, и в какой ситуации, и, может, уже видел, да не понимал...

И прослушал, что говорила Яшмовая Тётя.

Ощутил биение пульса под языком и запахи возбуждения красавиц вокруг себя. Их было куда больше, чем видел глаз. Но возмущённый стук сердца Гэн вызывал улыбку. Мысленную.

Да нет, вроде, не успел очень много пропустить:

— Мы знаем, что наши противники хотят сегодня отравить колодцы. Их цели: спираль колодцев на центральной площади к лету от Запретного города и родник-ступени, берущий начало от жемчужины у статуи льва и дракона, что охраняют Зимние ворота в Циньдар. Наши цели: часы над спиралью колодцев и парковый комплекс у статуи льва и дракона. Если кто-то, — а теперь целью её слов стала одна Гэнгти Тшу, и это видели все, — надеется захватить врага в одиночку и уничтожить на месте, пусть здесь и сейчас прощается с этой надеждой. Йи?

Он немедленно поклонился, складывая ладони жестом «слушаю и принимаю каждое слово».

Звёздная Императрица не выразила согласия кивком, но яшмовая занавесь перед её лицом качнулась:

— Я доверяю твоему чутью и приказываю: как только тебе покажется, что опасность в шаге от тебя, ты берёшь Гэнгти Тшу и уводишь Теневыми Тропами туда, где для вас уже не

будет опасности.

Йи поклонился ещё раз.

— Вы оба нужны мне — живыми.

Эти слова были сказаны для чуть более самоуверенной, чем ждали наставницы, Гэнги Тшу.

Она это поняла, и её заглушённое возмущённое сопение смогли услышать только Йи и красавица Водная.

1

Бо Синцзянь, Династия Тан, перевод: Городецкая О.М.

"Иным, возлюбившим любовь..."

Глава 34. "Вешний" договор

Ночь раскрыла чёрный зонтик звёзд над крышами Циньдара. Кипарисы ловили дыхание ветра, чуть покачивая тонкими макушками. Сосны сомкнули охранные ряды вдоль оград. Голова Дракона только поднималась над горизонтом, но когда в неведомой дали Солнце перейдет с рогов Быка в пасть Тигра, Дракона будет видно от двойной звезды, носящей имя Клык, до Последней Чешуйки, маленькой красной звезды в Хвосте Дракона.

Гэнгти Тшу словно впервые видела город. Да ведь, и правда, впервые! Она ещё ни разу не шла здесь в сложном красивом костюме, тихо пересчитывая гладкие плитки мостовой кожаными подошвами богато расшитых золотом и покрытых лаком туфель. Ни разу её волосы не были заплетены изящно изогнутой сеткой с камнями и хризантемами — для свидания. Ни разу юноша рядом с ней не пел томных «вешних» песен:

— Блистал её взор красотой,
всю жизнь любоваться им мог!

А брови её трепетали,
словно бабочка-мотылёк.

Как киноварь — яркие губы;
густа красота, — как вино.

И всё в ней спокойного тона,
и сдержанности полно!...

— А ведь ты поёшь не обо мне, — лукаво покосилась Гэн на Йи.

Он улыбнулся и словно стал другим человеком:

— Конец весны, и дождь идёт
За бамбуковой шторкой в окне.

Уже близок рассвет. Я спросонья забыл,
Что в чужой я гошу стороне.

Потянулся, зевнул — холод утренний вмиг
Вполз ко мне под шелка одеял.

Я же лишь улыбнулся... Сегодня для всех
В сердце радости я пожелал!...

— Йи!.. — негодуяще топнула Гэнгти Тшу — и толстые нити, скрепляющие лаковый верх туфельки с подошвой жалобно скрипнули.

О Небесная Императрица! Ты же видишь, как эти двое похожи на ссорящихся влюблённых! Неужели те, чужие глаза не поверят, засомневаются...

— Ну пожалуйста, не злись! — Йи Дэй взял тонкие пальчики девушки в свои горячие ладони. — Это строки благословенного Сун Юя, поэма «Бессмертная Фея»... конечно, их написали не о тебе!

Гэн тихонько зашипела:

— А мог бы и соврать!

Йи даже отстранился от неё, не выпуская холодные пальчики из горячего плена:

— Вот ещё! Ты мне друг, а друзьям не врут!

— А кому врут?..

— Никому! — Йи вновь шагнул к напарнице.

— Ах, так?.. Значит, о чём бы я тебя ни спросила, ты скажешь мне правду?

— Да. Или промолчу.

— Ха-ха! То есть, если я задам вопрос, а ты не ответишь, ты — соврёшь!

Станным образом традиционный костюм циньанской красавицы изменил до неузнаваемости движения Гэнги Тшу, ничуть не поменяв манер общения. Наверное, вся эта сковывающая многослойность принуждала и гордо держать спину прямо, а плечи широко развёрнутыми, и переступать мелко, а не скакать... но ни мысли, ни бойкий язычок в шелка не затянули.

Йи покачал головой:

— Если я промолчу, я просто не скажу тебе правды.

— Ну ладно, — сменила Стальная Паучиха гнев на милость. — Как думаешь... долго ещё ждать?

Йи сверкнул неожиданно синим блеском глаз, тут же погасшим:

— Нас могут слышать лилии в пруду

И карпы, что проснулись невзначай.

И перепёлки, иволги в саду...

И дарит чаю горечь молочай,

Чтобы напомнить: сладость лишь на миг,

И та, поверь, горька для нас двоих...

Гэнги Тшу протяжно выдохнула. Вот это она дала!.. Вот это ей ещё припомнит Дъи. Как хорошо, что в голове у этого парня хранится так много песен! Как хорошо, что теперь те, кто слышит из темноты их голоса, будут думать, что красавица ждёт начала «вешних утех».

Гэн очень нравилось, как Йи изображает персонажей, читая о них, но... но выясняя, скажет ли он ей правду, спрашивать она собиралась совсем другое. Просто так устала ждать появления врагов, что само с языка скатилось... а тот вопрос, этот давным-давно зудящий в голове вопрос, он же ничего нового не выдаст тем, кто услышит. Скомандовала:

— Сядь рядом! — устраивая складки шелков на скамье. Как же циньанки управляются со всеми этими складочками.

Йи сначала помог ей стать живой фарфоровой статуэткой, оправив одежды, потом легко и изящно опустился рядом. Будь они в красном и золотом, точно можно спутать со свадебными фигурками.

— Ты что, ежедневно тренируешься ходить в традиционном?..

— Нет, Учитель посоветовал научиться, когда я ещё был совсем маленьким... ну, то есть, когда был моложе, чем сейчас, и я научился.

— Ясно.

Гэн казалось, она спросит Йи о том, что не в силах забыть, при следующей же встрече, но сколько их было, а вопрос так и не задан. И сейчас: сама потребовала говорить правду, он согласился... и что теперь мешает? Боится, что Йи промолчит?

Глубоко вдохнув, на выдохе все же решила:

— Почему ты при первой встрече назвал меня Зэнзэн?

Йи молчал так долго, что Гэнги Тшу начала смиряться с тем, что правда ей недоступна. Но ученик палача просто подбирал слова:

— Иногда я вижу странные сны. Я видел сны о том, как красавица из Заклинателей и дракон из Водных полюбили друг друга, а глава клана драконов повелела стереть поселение Заклинателей с лица земли. Я часто видел это, видел красавицу Зэнзэн... ты очень на неё похожа.

Гэн закрыла глаза:

— Так просто! Видишь сны... а я же...

Нет. Сказать сейчас «Я тебя чуть не убила» — опасно. Словно само это слово призовет к жизни беду.

Беда в эту ночь шла путями, на которых её, казалось, и не ждали.

Ночная темнота стучала сердцами десятков людей. Йи догадывался, где скрываются Тени. Не вникал в перемещения Правой Руки Ночи.

Он дал Яшмовой Тёте понять, что услышал её, когда она приказывала бежать от опасности, но благоразумно не подтвердил, что будет прятаться.

Лучше принять бой, тем более, Йи не один: пусть Гэнгти Тшу не завершила обучение, но так и он сам не то, чтобы палач, ещё даже оружия не получил.

— Месяц там чистым своим сияньем

Деревья открыл во мгле, — что-то было не так, но Йи продолжал петь:

— Я незаметно дошел до места,

Где небо лежит на земле3...

Не умолкая, Йи поднялся со скамьи, потянул на себя за руку Гэнгти Тшу. Да, это был тот момент, когда тело начинает действовать ещё до того, как разум успеет оформить связную мысль. Потом. Всё потом. Это же он сам додумается, что приказ Яшмовой Тёте покинуть поле боя ещё до начала боя — расчистка пространства для тех, кто сторожит его в этой ночи.

Он заметил сначала «лишнюю стрелку» на часах, потом «новую трещину» между камнями на стене. Успел подумать о Тенях — их там не было — о Правой Руке Ночи — но их сердца бились в другой стороне, а биения сердца этого создания Йи не слышал.

Змея? Ягуай4?..

Гэнгти Тшу проследила его взгляд, и они оба замерли. Перед ними серебристой змейкой, сухопутным карпом на камнях извивалась жемчужная зверушка из детской, такой недавней мечты. Замедляла мысли. Призывала не спешить, подойти ближе... Разве могла она быть опасной?..

Цепной нож скользнул Гэн в ладонь из рукава.

бегите! — рявкнула Кусака. — *я двух глупцов спасти не нанималась!*

Йи ахнул, стряхивая наваждение. «Зверушка», хохолок на макушке выбирающегося из-под земли монстра, больше не имел ничего общего ни с какими мечтами. Утробный рык, приглушаемый камнями брусчатки, становился всё громче, камни под ногами завибрировали. Гэн крикнула:

— Подземный Осьминог!..

Наставница Дьи рассказывала недавно, какими тварями кишит вода наводнений, как Заклинатели сажают их на цепь рядом с водными источниками, неужели эту гадину здесь заперли, чтобы она...

Йи не собирался ждать, пока тварь выберется наружу, схватил Гэн в охапку и шагнул в Тень. Гэнгти Тшу глянула на ухватившие её... руки? Лапы! Нечеловечески длинные чёрные пальцы в чешуе и с огромными острыми когтями! — и завизжала.

Её визг и по ту сторону реальности ввинчивался в уши пыточным буравчиком.

Йи шатнулся, выходя из Тени, не выпуская из рук визжащую Гэн — у красавицы истерика, в её голову успели пролезть щупальца демона-осьминога? Нельзя отпускать! — а

ей как раз хватило сил справиться с первым потрясением и заорать внятно и осмысленно:

— Я убью тебя! Убью! Убью!

Она извивалась в его руках, снова человеческих, бледных, пыталась вспомнить, чему её учили, перехватить удобнее цепной нож, вспороть брюхо чудовища — но рядом стоял человек в чёрном, ученик палача, а Лиандао привыкла справляться с юной хозяйкой, пустила ей кровь. Алые пятна поплыли по светлой ткани, чернея на глазах. Гэн не оставляла надежды освободиться из вовсе не «вешних» объятий Йи, однако силы были не равны. И всё же, если бы девушка вняла уговорам — так может, её наставницы знают, что это нечеловек и специально дали ей такое ответственное задание — если бы сумела быстро успокоиться, это была бы не Гэн.

— Что случилось? Мы живы, нам больше ничего не грозит... — как будто сам себе шептал Йи. — Сюда это не доберётся... что с тобой?..

Гэн колотило. Она потихоньку успокаивалась, но...

— Ты чудовище! — оттолкнула она, наконец, Йи.

Лиандао осталась у него в руке.

— Ты — чудовище, — повторила Гэнги Тшу. — Отдай мне мой нож.

не отдавай, она ещё невменяемая, в отчаянии себя прирежет! — искренне радовалась Стальная Женщина. Уши Гэн краснели. Даже в свете далёкого уличного факела было видно, как её лицо наливается кровью, вопрос только, от смущения или от ярости.

Он! Он — монстр! Он только что пел ей песни о любви мужчины к женщине! А ей нравилось.

Сама виновата.

— Не прирежу, отдай, — протянутая за оружием рука тряслась.

— Не-а, — взвесил Йи нож на ладони. — Не отдам. Сейчас — не отдам. Себя не прирежешь, а меня? Как знать...

1

Сун Юй «Бессмертная Фея»

«Наследники Лозинского»

Автор: Алёна Алексеева

2

Ли Юй

«Волны омывают песок»

3

Ли Юй

«Волны омывают песок»

4

Яогуай — нечистая сила; чудовище; наваждение

Глава 35. Поварихи

Звёздная Императрица призвала Правую Руку Ночи, наполнила сады Тенями, рассыпала повсюду, как зерно павлинам на лужайке перед дворцом, вести, где можно найти тех, кто казнил первого отравителя...

Йи и Учитель не сомневались, что враги заглотят такую явную, яркую приманку.

Оба были уверены, что Заклинатели — кто, кроме них? — используют выдавшийся им случай по полной, и покушением на Учителя не ограничатся.

— В Запретном Городе принимают суосвергских послов, и мне кажется, под угрозой они, — предположил Йи. — Убить тех, кто убил отравителя — заманчиво. Испортить отношения с пока ещё дружественным государством...

— И сделать это тогда, когда только начали зарастать былые раны. Это ещё более заманчиво. Божественная Княгиня велела продлевать жизнь предательницы, которая выносила вести за порог, потому что ей кажется, капля яда в её окружении была не одна, и эта ночь может её проявить... не полностью, нет, но более полно.

— Яда, — зацепился за слово Йи. — Яд. Передай Яшмовой Тё... Красавице. Передай Пусть заменят поваров, пусть не прикасаются к тому, что успели приготовить!..

К подземным печам императорской кухни они пришли одновременно: Учитель, которого принесло течение жизни, Правая Рука Ночи, которой прошипела немедленный приказ Небесная Императрица голосом Звёздной из клюва иволги — и два хуапигуя¹.

Нет, они не были в тот момент зеленокожими острозубыми демонами, их надёжно скрывали ещё не до конца высохшие, чисто выскобленные изнутри оболочки молодых поварих. Гладко умасленные и увощённые в высокие пучки косы, правильный макияж, светлые рубахи без рукавов, кожаные фартуки — но Дъи видела, что на шеях, на запястьях, не скрытых рукавами, потрескалась кожа. И на лицах белила и румяна уже не везде могут спрятать мёртвую серость.

Учитель молчал: его словом были змеящиеся по полу петли кнута. Палач и Стальная Женщина отлично слышали друг друга. Кастрюли, столы, жаровни и печи — всего лишь то, что можно использовать в бою.

Дъи сказала замершим по виду всё ещё поварихам:

— Те из вас, кто не готовил отравленной пищи — ступайте себе в Диюй и в ближайшую тысячу лет не покидайте подземных чертогов. В моих словах крепость и сила Небесной Императрицы! — в воздухе колыхнулась пелена изумрудного сияния. — Прочие же держите ответ перед очищающим пламенем небес!

С тихим смехом та красавица, что повыше, словно затанцевала, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, вскидывая руки, раздуваясь. Она уходила в Диюй, просачиваясь сквозь реальность. Трещины ползли по бледным щекам, шее, по тонким рукам. В момент, когда она втянулась за грань, её оболочка взорвалась, разбрасывая во все стороны ошметки человеческой кожи, покрытые вонючей бурой слизью. Вторая «повариха» лопнула на две половины, как перезрелый стручок фасоли — и алая пасть, полная кривых белоснежных зубов, метнулась к Учителю на стремительно удлиняющейся шее.

В глотку демону плеснул огонь с руки палача, тонкую шею обвил кончик кнута. Не смог оборвать в один рывок, слишком прочны хитиновые чешуйки, им удалось прищемить

металлический коготок. Учитель закрыл глаза, чтоб не отвлекаться, и понял, каким взмахом укрепит свою позицию, накинул на шею монстра ещё одну петлю. И ещё...

В уродливое плечо, из которого тянулись сразу две кривые руки, вооружённые чёрными когтями, с размаху вонзился люэдао² — «меч ивовых листьев» — Дъи. Расколлот бурые пластинки, проехался по гнойным бородавкам.

Хуапигуй завизжал, злобно щёлаая зубами.

— Очи-щаю-щее пла-мя! — раскачивая голос, как маятник, Дъи подготовилась сама и дала сигнал Учителю.

Палач видел, как стягиваются воронкой урагана зелёные светлячки над шеей демона. Ему для управления огнём не требовался голос, только жесты. Только кнут — и меч.

Рывок! Распрямясь, гибкие петли кнута передали вращение шее монстра, его затрясло. Коготок освободился, вырвал приличный клок пластин. Кнут утёк за спину Учителю, но его место занял меч, несущий алое золото пламени.

Одновременно небесный огонь Нефритовой Богини, призванный Правой Рукой Ночи, и бело-золотой из ладоней палача обрушились на хуапигуя. Монстр больше не визжал, запугивая противника — скулил.

Не сдавался: в воздух поднялись ножи, сковороды, кастрюли, жаровни, листы для нарезки, всё металлическое, даже вынулись из деревянных столешниц пара гвоздей. Предметы словно облепляли невидимую сферу вокруг Дъи и Учителя.

— Берегись!.. — Учитель вздёрнул на ребро один стол кнутом, рукой рванул на себя второй. Завалил Дъи на пол, прикрывая столами и своим телом. Столешницы приняли на себя осиный рой металла. Некоторые ножи пробили дерево насквозь! Учителю досталось по неприкрытым деревом руке, ногам.

До Дъи не долетел ни один предмет. Она сама завозилась под Учителем, вытащила из-за пазухи плотно скрученную шёлковую ленту с письменами — фуэнь³. Теперь и ей не нужен был голос. Как только осыпался град металла, Учитель откинул столы. Дъи вскочила на ноги и взмахнула рукой, расправляя Благие Письмена.

«Казнь Демона», начертанная рукой самой Звёздной Императрицы, серебряной змеёй метнулась к хуапигую, обвила его, стискивая все туже. Иероглифы покидали ткань, летели в бой призрачно сияющими лентами. Лишь только пальцы Правой Руки Ночи разомкнулись на реальной шёлковой ленте, со страшным хрустом треснула шкура демона. Он завыл, его голос становился все тоньше, все громче, Учитель и Дъи раскрыли рты, опускаясь на колени...

Палач успел вскинуть руку, загораживая красавицу иссечённым плащом, когда тело хуапигуя брызнуло во все стороны кипящей вонючей жижей.

— Сжечь, — шепнула Дъи, борясь с тошнотой.

— Выплюнь, — Учитель помог Дъи отвернуться так, чтобы едкая желчь, которой её стошнило, не попала на одежду.

1

Хуапигуй. Демон с раскрашенной кожей. В своём подлинном виде это человекоподобное существо с зелёной кожей и острыми зубами. Ночью он пожирает людей, а днем принимает облик человека, выдавая себя за свою жертву: хуапигуй забирает её кожу и натягивает на себя.

2

Lǐyùèdāo, или сабля из ивовых листьев, — это разновидность дао, которая обычно использовалась в качестве боевого ручного оружия как в кавалерии, так и в пехоте во времена династий Мин и Цин.

3

Фувэнь, фулу — «талисманные письма», графические заклинания (в определении В. М. Алексеева)

Глава 36. Иволга оправляет перья

Гэнгти Тшу и Йи Дэй уходили от летних, а вернулись к зимним воротам в Запретный Город. Их встречали траншеи, прорытые в брусчатке и расколотые каменные плиты ступеней, бездымные магические костры, какие умела разжигать Нуорэдэ, и жадно пьющая из треснувшей чаши фонтана девушка-драконица в изорванном халате странной неравномерной длины. Чуть поодаль обмахивалась лоскутом, отсечённым от драконьей одежды, и сама Огненная.

— Доброго утра, сладкая парочка! — приветствовала она ребят.

Йи дышал тяжело, словно воздух наотрез отказывался проходить в лёгкие. Гэн с трудом удерживалась на ногах, пришлось даже забыть, кто предлагает ей руку, и повиснуть на предложенном будущем палачом локте. Впрочем, она выпустила его из рук, едва остановились. Сама справится.

— До восхода ещё далеко, — хмуро буркнула Гэнгти Тшу.

— Правда? — оторвалась от чаши драконица. — А у нас так светло, как будто полдень!

Йи опасливо подошёл к воде. Та не призывала его немедленно умирать, и он, с облегчением выдохнув, присосался к струе, текущей из ещё одной трещины.

Очень хотелось занять освобождённую драконицей ступень... а, нет, не освобождённую: девушка с прежней жадностью продолжила пить.

Гэн подошла ближе к Нуорэдэ, тяжело плюхнулась на обломок каменной ступени — и вдруг поняла, что ужасно устала и не в силах более пошевелиться. Что она делала? Вот что она делала? Всю ночь гуляла в неудобном платье, слушая песни того, кто показался потомком тех, кто стёр с лица земли деревню её бабушки, а оказался просто чудовищем? И всё?..

Она не знала, что Заклинатели не ходят в Тень, потому что Изнанка мира пьёт у них жизненные силы ещё быстрее, чем у молодых драконов...

Пошевелиться не могла — а мысли в голове кипели, казалось, жирными кольчатыми червями лезут из ушей, из глаз, изо рта... Огненная взяла её лицо в ладони и подула на него.

— Чшш... — приложила она палец к губам. — Чшш. Мы все пережили страшную ночь. Выдохни и забудь. Вспомнишь, когда силы вернуться.

Она эту особенность Заклинателей знала. Чем смогла, помогла.

Гэн, как зачарованная, выдохнула — и вдруг поняла, что никакие мысли в её голове больше не кипят, не ворочаются. Тишина, пустота, тепло от костров.

— Жареная курица с грибами, вырезки из курицы, — мечтательно перебирала Звёздная Императрица, меняя повязки на ранах Учителя.

От нападения демона пострадали сильнее всего спина, левая рука, правый висок. Мужчина уверял, что ничего не болит, но венценосная красавица видела чёрные синяки, глубокие порезы. Шли уже третьи сутки лечения, до этого Учителю давали только пить немного отваров разных сочетаний ядовитых трав и писали на теле исцеляющие знаки, но теперь пришла пора его кормить.

— Отпусти меня! — просил Учитель. — Позволь уйти к себе! Уехать в клан...

— Через девять и два дня.

— Ты говорила это вчера.

— И повторю сегодня.

— Ты говорила это и позавчера.

— И повторю завтра.

В своих покоях она могла себе позволить не надевать корону, не использовать все элементы традиционного облачения, и лечила Звёздная Императрица своего воина-победителя в просторной жёлтой рубахе, расшитой фениксами и нитями яшмового бисера.

— Выбирай еду. Утка в соусе! Вырезка из утки! М-м-м, говядина на пару, вареные потроха, жареные грибы...

Учитель отказывался:

— Нет... домой... нет... нет... домой!

Но Божественная Княгиня не сдавалась:

— Говядина с капустой на пару, баранина со шпинатом и соевым сыром на пару, притушенная баранина, мясо духовое с капустой на пару... филе из баранины с редисом... я все понимаю, ты не хочешь есть после общения с моими поварами, но я же буду готовить тебе сама. Неужели ты откажешься и от этого, предпочтёшь зарыться в свои палаческие норы и зализывать раны там?

— Там мои ученики...

— Тот, без которого ты жить не можешь, все равно здесь, поёт, поёт, соловьём заливаются, да так, что за ним вереницей ходят все мои девочки всех возрастов, и дочка суосвергского посла, и юная драконица...

Учитель с облегчением выдохнул:

— Жареные овощи в кисло-сладком соусе, ароматические сушения и мясной бульон...

Императрица заменила повязку на лбу и коснулась губами заросшей щеки:

— Вот и славненько, я знала, что твоим первым блюдом, пробуждающим аппетит, станут вести о подвигах Гибели Мира!

Йи больше не слышал воду. Нервно подрагивал при виде чаш и кувшинов, но она молчала.

Двое суток провалялся в лазарете: мир вокруг, чуть повернёшь голову, плыл по кругу. Всё ещё не научился брать с собой в Тень других так, чтобы и самому силы не терять, и тех, кто с ним идёт, от потерь уберечь.

К нему приходила Нуорэдэ, шутила, что видит шрамы от ожогов, история повторяется, Йи болеет, она его проведывает и подкармливает яблоками.

Приходила та незнакомая, уже знакомая, но всё ещё безымянная, Алая Лента, одетая в чёрное, как палач. Принесла коробок золотистых пряников с оттисками благих иероглифов, и велела, чтобы немедленно съел хоть один, а то потом будет угощать девочек, а они не из стеснительных, слопают всё. Не успел он спросить, каких, как они и пришли, держась за руки, как лучшие подруги, девушка-драконица и Стальная Паучиха. Это наставница Дьи заперла обеих в одной комнате, якобы случайно, а на самом деле, намеренно и на долгий день. Гэнгти Тшу давно пора повзрослеть, перестать делить мир на белое и чёрное. А из запертой комнаты не сбежишь, если не научишься договариваться с тем, кто умеет проходить сквозь стены сам — и проводить тех, кто оказался рядом. Предположения Дьи оправдались. Недолгое заточение сдружило драконицу и Заклинательницу, как иных не

сблизит год общения. По крайней мере, у них набралось достаточное количество общих целей.

Алая Лента в чёрном — Дъи — развела руками:

— Не успел! — и ушла.

Гэн серьёзно пообещала Йи вместо приветствия:

— Я больше не буду пытаться тебя убить, даже если мне не велят тебя охранять. Ни тебя, ни таких, как ты, не было там, где уничтожили селение моей бабушки. Но ты — чудовище.

— А я для тебя — Золотой Цветок, Чинь Хуа, — улыбнулась драконица, старательно делая вид, что не смотрит на коробок с пряниками.

— А для других кто? — лекарей по близости не было, и Йи сел на кровати, хоть ему ещё и не разрешили садиться.

Свободная чёрная рубаша скрывала его худобу, но обычная бледность в лекарственных покоях придавала виду особую болезненность.

— А для других, — тоже посерьёзнела Чинь Хуа, — я Йóу Йидэ Сувáнн1.

— Красиво!.. — заулыбался Йи. — Не могу пригласить на чайную церемонию знакомства, но у меня есть пряники с пожеланиями и чистая вода. И как раз две чаши... и... и тушёная курятина! Она, правда, с утра стоит, но я к ней даже не прикасался.

— Не переживай, — Гэнги Тшу водрузила коробку на колени Йи, и он тут же обхватил её руками. Сама села слева, Чинь Хуа справа.

Тонкая ткань чёрной рубашки, гладкий шёлк девичьих халатов... Дэй закрыл глаза, чтобы как можно более прочно зафиксировать в памяти небывалые ощущения. Обе красавицы одновременно ухватили по прянику с разными иероглифами.

— У меня «процветание»! — воскликнула Гэн. — А курятину коту скормишь, у него, небось, смена скоро кончится, или он не приходит к тебе погреться в свободное время?

— А у меня «любовь», — кокетливо стрельнула драконица глазками, то ли чёрными, а то ли синими. Едва ощутимо сдвинула бедро, плотнее прижимаясь к Йи. — А что за кот?

— Настоящий сторожевой! — Гэн уже расправилась с первым пряником и тянулась за вторым, отвечая Чинь так, словно Йи тут и нет:

— Ух ты! И у меня «любовь»! Сама не видела, но проверенные люди говорят, они чуть не с рождения вместе, и этот, пока был пониже ростом, ездил на коте верхом!

Драконица тоже взяла пряник:

— О-о-о, у меня «успех»...

Не сговариваясь, обе посмотрели, наконец, на Йи:

— А ты чего не ешь? — спросила Гэн.

— Залюбовался, — он плотнее обхватил коробку с пряниками. Голова кружилась уже не от вождения через Тень, от близости двух горячих тел Сердце стучало где-то в горле. Только не начать мурлыкать или петь о путешествии в Персиковую долину!

Сдержался, не запел. Йи сказал глухо:

— Подаю просьбу в Небесную Канцелярию, продлить эту минуту до бесконечности.

— Да ну, — фыркнула Гэн, беря следующий пряник, — ну ты смотри-ка, «исполнение мечты»!

Драконица выхватила золотистый прямоугольник, срочно проглатывая остатки предыдущего:

— Ого! И у меня «исполнение мечты»!

— Прямо как близнецам, одинаковое!

— Йи, — драконица отстранилась, — твоя очередь брать.

Гэнги Тшу скривилась:

— Давай-давай! Про нас ты уже всё понял, нас ждут «процветание», «успех», «исполнение мечты» и «любовь», а тебя?

Йи смешно зажмурился, и Гэн снова заговорила о нём при нём, как без него:

— Смотри-смотри, это он у Маомао, у кота так научился!..

А пряник в коробке остался всего один. Йи вытянул его осторожно, погладил, пытаясь на ощупь определить иероглиф. Не вышло. Открыл глаза и увидел...

— «Бессмертие»?

Драконица счастливо рассмеялась:

— Здорово же! За всего-то одно бессмертие всего, чего нужно, добьёшься!

1

yǒuyì de sǐwáng Yǐyú Yǐdè Sūwánn — Крылатая Смерть

Глава 37. Живой клинок

Как на смену будням приходят праздники, так на смену лечению спешит выздоровление, а на смену периоду разрушений — новые стройки.

Раны Учителя зарастали тем скорее, чем чаще дорогу исцеления прописывали на его спине руки Звёздной Императрицы. Окончательно заросли, когда травяные красители целительных надписей смыло потом от «вешних утех»...

Йи всё же спел подружкам песню о путешествии в Персиковую Долину. Смущение на лицах всех троих, и певца, и слушательниц, когда зазвучали строки о дожде с облаков и праздничных фейерверках, видел только зоркий в темноте Маомао. Он благоразумно следил за друзьями с соседней крыши.

Если б мог говорить, уже принёс бы в зубах ключи от одного благоустроенного чердака с глухими шторами на окнах, гарантия, для таких историй и подготовили — и объяснил бы, что так долго примериваться, можно и промахнуться. Но разговаривать кот не умел. И даже ключей не принёс.

Нуорэдэ уехала в Клан Нефритовой Богини первой. Её заждались мужа, дети недовышитые пионы.

Второй отправилась в летнюю резиденцию клана Водных Драконов Чинь Хуа. Приглашала погостить и Гэн, и Йи с Учителем, и Нуорэдэ, и все вежливо соглашались, ставя мысленные зарубки, куда и к кому обращаться за помощью.

А там подошёл срок и Учителю с Йи.

Клан Нефритовой Богини принял их с распростёртыми объятьями. За время их отсутствия только того и случилось, что просохли, как следует, подземелья.

Там с нетерпением ждали Заклинателей, которых передала в ведение Учителя столичная Судебная Канцелярия.

Дэй ненавидел своё умение, но ничего не мог поделать с прописанным в Нефритовых Скрижалях.

Дважды ученику палача доводилось завершать начатое Учителем. Дважды — начинать самому, чтобы передать следующему.

Ощущалось так странно! Учитель велел подготовить пленника для дознания к приходу Лю Чу — но пришёл другой ученик палача, и никто, кроме Йи, не вспомнил, что дознание хотели поручить Лю.

«Отцеженные» в страшную ночь «капли яда» предпочитали умереть, но не сдать подельников. А просить помощи у Небесной Императрицы — бесполезно. Она способна разглядеть демонов, когда их действия несут вред жителям Поднебесной, но Заклинатели видны лишь в момент, когда действуют призванные ими демоны.

Йи старался найти в Заклинателях что-то, что отличает их от обычных людей. Но они выглядели, как люди. Пахли, как люди...

Это драконов он теперь мог отличить — на запах. Ему так казалось.

Близилась церемония Дарения Оружия, и достигших пятнадцати и трёх вёсен парней должны были везти в Циньдар, в Оружейную Палату. Там каждому вручалось то оружие, с

которым он три весны спустя должен будет держать экзамен на знание профессии и звание мужчины.

Ежегодно право присутствовать на церемонии зрителями получали лучшие ученики. Йи впервые туда взяли восьмой весной, и с тех пор он стал постоянным гостем. Прошлого Дарение он пропустил, не на шутку разболевшись, а в этом году терпеливо ждал оглашения списков. Ждал — и нервничал. Никак и ничем не показывал своего беспокойства, и не сказать, чтобы были какие-то поводы волноваться, но...

Пару лет назад Йи встретил ту, что заставила иначе смотреть на деньги.

Точно знал: она ждёт его в подземном лабиринте. Ждёт ли?..

Позапрошлый год подарил Йи Дэю особенную, ни с чем не сравнимую радость.

Перед началом праздника гостей столицы водили по Оружейной палате с рассказами о клинках. Эту почётную миссию доверяли подмастерьям оружейников. Йи всё прекрасно помнил ещё с прошлых посещений. Учитель в тот раз не велел слушать внимательно и не отставать от экскурсии, и Дэй увлечённо глазел по сторонам, размышляя о том, что можно было бы составить отдельную карту Оружейной палаты, такой огромной она была и в такой прекрасный узор складывались все эти изгибы и повороты... а можно собрать шкатулку, в которой красавицы могли бы хранить украшения, но чтобы она, шкатулка, когда открываешь крышку, походила на Оружейную Палату, с которой сняли крышу, а когда нажимаешь по центру на опаловую имитацию зала церемонии выбора, секции с украшениями раздвигались бы в стороны, как лепестки цветка, обнажая ещё один ярус секторов... Помогая мастерам-столярам, Йи частенько придумывал то хитро спрятанные замочки ларчикам для флейт, чтоб случайно сами не раскрывались, то тайнички для ключей, а идеи приходили так же, из попыток скопировать увиденное.

В одной из боковых галерей внимание привлёк, как ему показалось, звук. А после движение. Это был слабенький язычок сквозняка, под которым нежно трепетала алая кисточка на рукояти дагьен¹. По ребру лезвия мёдом текли капли солнечного света.

Подмастерье повёл всех дальше, Йи сделал вид, что идёт вместе со всеми, а сам вернулся и до окончания праздника любовался, как меняется цвет клинка, колышется кисточка — не решался коснуться, просто смотрел, опустившись на колени рядом.

Праздник в тот раз продолжался меньше суток. Дэй загрустил: он до этого только единожды говорил со Стальной Женщиной — цепным ножом Гэнгти Тшу, — был уверен, что вновь встретил одну из них, знал, что должен первым заговорить, но не решался. Ему же было на тот момент меньше одиннадцать вёсен! Кто позволит забрать себе меч из Оружейной палаты? Но, когда настала пора возвращаться в клан, тихонько пообещал дагьен:

— Я через год вернусь, я очень-очень постараюсь...

И не решился попросить вслух: дождись меня, пожалуйста!

буду ждать

Он вздрогнул. Наверное, померещилось.

Но и год, и два спустя дагьен — мысленно Йи называл её Ша, Смертью, — ждала его всё на том же месте. Дождалась ли теперь?

Помочь успокоиться мог всего один человек в Поднебесной.

— Учитель! Скажи, можно ли мне заработать денег, переписывая тексты для библиотеки? Или работая писарем на почте...

К тринадцати годам Йи не только выглядел очень взросло, но практически в совершенстве научился скрывать свои эмоции от окружающих.

Не от Учителя.

Едва заметно подрагивающие рукава, слишком прямая спина — Йи нервничал, и Учитель не мог разобрать причину. Так он начинал себя вести, когда рядом появлялись Гэнгти Тшу или Чинь Хуа, но ни той, ни другой поблизости не наблюдалось.

— Переписывать книги — хорошее дело. Письма — тоже. Почему ты не говоришь о работе дворником или помощником лекаря?

— Но... — рядом с Учителем Йи даже не старался прятать смущение. — Но я...

Учитель понимающе улыбнулся.

Мальчик так и не заставил себя выговорить оправдание: он и так помогал и лекарям, и садовникам, и дворникам, и красавицам на кухне, и мастерам в оружейной, и много кому ещё — бесплатно. Все ученики проходили этот путь. Клан давал кров и питание, обувь и одежду. Клан учил ремеслу, а дети, едва вступив в сознательные годы, вносили посильный вклад в обустройство быта. Деньги же полагались только мастерам, за работу.

— Для чего тебе понадобились деньги?

Йи вздрогнул и почти не покраснел, но ответил сразу же:

— Выкупить меч.

Учитель с самого первого слова этой беседы понимал: Йи не просто так впервые в жизни заговорил о деньгах. И наверняка не просто так сказал «выкупить» — так полагалось говорить только о чём-то своём, по праву или по стечению обстоятельств оказавшемся в чужих руках.

Учитель повёл бровью:

— Выкупить.

— Выкупить у Мастера Оружия в Циньдаре!

— В Циньдаре, — кивнул Учитель.

— Да. В Оружейной палате.

— Боюсь, переписыванием книг ты заработаешь на меч из столичной Оружейной палаты годам к семидесяти...

Йи отшатнулся:

— Но как же тогда быть!..

— Ждать. Пять лет — и клан подарит тебе меч из Оружейной палаты. В пятнадцать и три года Небесная Императрица подберёт тебе оружие.

— Но Ша...

Так-так. Слово Древнего диалекта, означающее «Смерть».

— Ша, — кивнул Учитель. — Очень хорошо. Уже придумал имя будущему мечу.

Йи задохнулся от обиды:

— Я ничего не придумывал! Я уверен, что она сама так назвалась, и просто хочу её выкупить у Мастера! Учитель, если б ты её видел! — в голосе мальчика зазвучали какие-то совершенно новые ноты. — Она дагьен4, она... О, она прекрасна... — Йи закрыл глаза, чтобы убедиться, все ли подробности вида Ша хранит память. — Я... я пройду мимо неё третий раз, я каждый год жду встречи с ней... я...

Ему не хватало слов и он даже не замечал, как, забыв приличия, взмахивает рукавами, словно впервые пытающийся взлететь стрижонок.

Учитель всматривался в дрожащие ресницы любимого ученика.

Вот он, весь как на ладони: прямой, как лезвие бритвы, честный, как последний выдох.

Три года терпел и ждал, отлично зная, что с десятилеткой никто не станет разговаривать на подобную тему — но, получив право тренировок с парнями, достигшими возраста получения личного оружия, набрался смелости.

А уж когда доверили самому вести дознание...

— Хорошо, — вновь кивнул Учитель. — Хорошо. Видимо, это твоя судьба, начинать многое в жизни раньше, чем это предписано другим. Идём. Сначала к Алой Ленте, после... я уверен, она согласится, что ты можешь испросить у Небесной Императрицы совета в выборе оружия — сейчас.

Йи просиял такой счастливой улыбкой, что ею можно было бы освещать путь в ночи:

— Учитель, скажи мне, Учитель! Небесная Императрица может одобрить решение Стальной Женщины?..

— Намекаешь, что это она тебя выбрала?

— Нет. Я в этом просто уверен!

Алая Лента думала недолго.

В её глазах ещё в начале разговора заискрилась зелень тайной беседы с Небесной Императрицей.

— В следующее новолуние ты везёшь к Мастеру Оружия созревшие ростки — возьми с собой Йи.

Учитель понимал: даже если он ошибается, отменить решение Небесной Канцелярии он не в силах.

1

Дагъен, иск. «дан гъен» — узкий прямолезвийный обоюдоострый меч с гибким клинком

Глава 38. Забытый полудемон

Иногда Йи снились странные сны: он сказал Гэнги Тшу правду. В этих странных снах он словно прорезал себе окошко в крыше мира и наблюдал за происходящим с высоты птичьего полёта, а чей-то тёплый и родной, как у Учителя или Яшмовой Тёти, голос рассказывал о том, что было очень давно — или не очень давно. Или учил, как всё называется словами другого диалекта...

Иногда снились странные не совсем сны: в них Йи становился главным героем происходящего, смотрел своими глазами, но не из своего тела. То есть, как раз из своего, но такого чужого! Страшные, покрытые чёрной чешуёй лапы, непонятное, отчасти даже неприятное повышение уровня ловкости и силы — и каждый такой не совсем сон повторялся до тех пор, пока Йи не проживал его наяву, просто в своём привычном теле...

Редко-редко Йи видел совсем не сны. Семь и две категории духов приходили к нему и уводили не в Хрустальный Дворец Нефритового Кролика, а показывать то, что случится вскоре или происходит прямо сейчас, но очень далеко и без участия Йи.

Он просыпался после таких не-снов, подолгу не понимая, кто он, где он, и неужели всё увиденное уложилось в срок, отведённый всего одному зверю! Чаще всего не-сны показывали духи-подчинённые Тигра¹.

Так вышло и в этот раз.

До новолуния оставались ещё девять и два дня, наверное, Йи устал за день и мысли путались, не вывязываясь в стройные узлы, а закручиваясь в мохнатый клубок. Гэнги Тшу, фигурка из корня ясеня. Чинь Хуа, ручеёк, бодро стекающий по гладким камням у вершины — и сбивающий с ног у подножия горы. Маомао, пушистый и резвый...

И — Ша.

Дождалась ли?

Отдадут ли?..

Йи подгонял вола, напитывая багровым сиянием узоры на кольцах на рогах. Сегодня он будет брать во Тьму сразу много людей. А что? Ждущих пробуждения — горстка. Заклинателей — две горстки. Это разве армия?!

Но ведь есть, есть, есть настоящая армия, сотни, тысячи обученных воинов!

Любой, даже самой гигантской армией, по итогу, командует всего один человек.

Йи необязательно быть этим человеком.

Верховная главнокомандующая — красавица, и Йи достаточно взять под контроль её. И всё!

Под контроль. Ха! Это же так ненадёжно... ежесекундно думать о том, что приказывать ещё одной кукле... нет.

Сделать так, чтобы она сама, по доброй воле, всю свою кровь отцедила для него!

Демон Йи или нет...

Нет!

Йи — не демон!...

Йи хохотал в ночи и гнал вола всё ближе к реке.

Не Йи. Нет. Это всё не сон — это будущее? Настоящее? Но за сотню ли от клана Нефритовой Богини...

Лю казалось, эта скотина рогатая еле лапками перебирает! Как на одном месте, трюх-трюх, трюх-трюх... А плеснёшь в узоры больше магии — а ну как сдохнет?..

Ладно, пусть бежит к воде. Всё равно уже должен помнить, что там, у реки, будет ждать на привязи, когда начнётся обратный путь. Может, уже утром. А может, завтра в ночь. Или через три дня — всё равно никто ничего не докажет. Даже если этот гадёныш снова примется всех убеждать, что Лю не пришёл на какое-то занятие. Его рабы на славу вышколены, где надо соврут, где смогут, запугают.

Вот она — маленькая армия внутри охранного клана.

А как же здорово станет, когда во славу господства Лю Чу начнёт биться хорошо обученная и подготовленная армия Сигуана — целого государства!

Лю не первый раз проходил этим путём. Ещё год назад местный Ждущий поселился неподалёку рыбаком, и теперь встречал своего повелителя, получив вести с кем-нибудь из окрестных зверей. Приносил ему в дар свежий хлеб, жареную рыбку, варёных раков; принимал усталого вола.

Переведя дыхание, Лю продолжал путь. Ждущий перевозил его на вёрткой лодочке через реку, подавал заранее подготовленного свежего вола, карту, с пометками и рекомендациями.

Сигуан Лю не нравился. Шутка ли дело, хиленький приграничный городок нарекли столицей и успокоились!

Нет бы отстроить такую, как надо. Чтобы в центре — Запретный Город, к нему поближе — дома побогаче, ближе к окраинам — не наглеющие работающие середнячки, на окраинах, хмм... например, сеть Вешних Домов.

Лю с дороги не отказался бы от ванны с эфирными маслами шалфея, жасмина, розы, герани — и от оздоравливающего воскурения сандаловых палочек и массажа всех частей усталого тела сандаловым маслом, сделанного опытной красавицей Мастером Вешних утех...

Волы, конечно, были получше, чем долгий поход на своих двоих, но — звери, на них приятно смотреть во время Императорских гонок, но их совершенно невозможно понять. Вот что этой образине нужно, когда она тянется мордой к рукам? Пальцы, что ли, обгрызать надумала?

Высоченный, иссиня-чёрный вол нетерпеливо ждал Лю. Его, наверно, слепили из копоты костров Диюя и отпустили в Поднебесную только для того, чтобы он помог Лю Чу как можно быстрее достичь намеченной точки. Наглое животное уже успело облизнуть его, где только дотянулось!

— Ну вот и чего это ещё? — недовольно спросил Лю.

— Ездовой вол, — покорно и смиренно объяснил Ждущий.

Полудемон знал: верховых волов и тягловых растят и содержат по-разному, выпасают на разных лугах, сено в зиму заготавливают по отдельности. Одни должны послушно, но быстро преодолевать разные расстояния — другие так же послушно, пусть и не столь быстро, перевозить тяжёлые грузы.

Лю вспомнил, как год назад впервые переправлялся через реку вплавь, и этот же Ждущий встретил его с другим чёрным волем, не таким огромным, зато неосёдланным.

Мокрый, голодный, злой, Лю, уперев руки в бока, смотрел на Ждущего с недоумением: «Я тебе не дракон! Я без поводов такими управлять не умею!»

«Ты не дракон, — смирение было в крови у этого человека, и это успокаивало и радовало Лю. — Но в тебе кровь демонов, ты способен управлять любым живым существом во благо себе!»

В принципе, Лю это знал, но в тот раз с непривычки удалось запрыгнуть на спину рогатому монстру только со второй или третьей попытки.

«Ты слышал? Я тебе... повелеваю! Быстро вези меня в Байши!» Чёрный вол рванул с места — и Лю, слетев от неожиданности на прибрежный песок, обиженно завыл ему вслед: «Ну не так быстро, убогая ты скотина!..»

С той поры волов приводили осёдланными, но неприятное воспоминание оживало в памяти каждый раз.

— Пошёл, пошёл, чего стоишь? — похлопал Лю вола по хребту, запрыгнув в седло.

Эх, не будь так важна скорость, повелел бы подавать себе повозку, как самой Императрице...

Вол грациозно махнул длинными рогами, чуть не свалив Лю со своей спины. Протяжно замычал.

— Сожгу! — пригрозил полудемон.

Тяжёлые ворота в сложенной из серого пористого камня стене появились перед носом вола пусть и ожидаемо, но внезапно.

А как Лю впервые их увидел! Он не был столь внимателен на уроках географии, счёл Байши пограничным посёлком, забыв, что это столица.

Неплохо для пограничного посёлка! Даже в сторожевых кланах Циньана таких ограждений не ставили.

Никто не спешил открывать ворота, и Лю решил постучать. Сначала кулаком. Не открыли. Двумя. Снова не открыли. Пинками. Не услышали.

Или услышали — но откуда-то смотрят, видят, что стоит какой-то оборванец, и не торопятся впускать к себе непойми кого.

— Ну вот и чего это ещё?

Кажется, эта фраза стала любимой у Лю. Что поделать, раз она одна с лёгкостью подходит ко множеству ситуаций.

«Сожги их!» — пропел хор голосов в голове.

— Кого? — не понял Лю.

«Всех их! Они отказались впускать тебя — тебя! — в город!»

Лю прислушался к себе.

Где-то там, где в груди стыкуются рёбра, глухо ворочался тёмный жар: он однажды уже выходил наружу, когда Лю приказывал гореть огню, в котором почти сжёг гадёныша.

Тогда не было этого опыта.

Тогда гадёныш был перед глазами — а теперь...

А теперь гадёнышей было двое, нет, трое, третий, и правда, смотрит откуда-то сверху.

Лю чувствовал их за каменной стеной, за металлом ворот, знал, точно знал, где они, знал, им не уйти, им не скрыться от...

От его гнева.

Тёмный жар в его груди полыхнул резкой болью, будто распахнулись невидимые чёрные крылья, будто они сомкнулись над городом, как некогда тучи пепла над Циньдаром... и стали видимой мглой.

Солнце померкло.

За воротами кто-то закричал. Закричали двое.

— Открывайте немедленно! — приказал Лю — и чуть сам не присел от громового грохота собственного голоса. Словно тот хор, что раньше был слышен ему одному, неведомым образом сделался голосом Лю.

Ворота распахнулись.

На вымощенной гладкими камнями дороге двое мужчин извивались и корчились в языках багрового огня. У них уже не осталось сил кричать, но где-то наверху тоненько скулил то ли юноша, то ли красавица.

Одна широкая дорога разбегалась во все стороны извилистыми змейками тропок, и по ним к воротам спешили один за другим местные жители. Лю смотрел на них — и понимал, что должен что-то сказать. Должен что-то сделать. Должен...

Но что?

Остановить огонь! Остановить, пока они живы. Остановит сейчас — будет спаситель...

Лю Чу собрался с мыслями. Как он обычно гасит свой огонь... так. И вот так!

Чёрные крылья мрака свернулись, над воротами вновь проглянуло солнце. Ясная синева раскинулась над плоскими крышами особняков, крытыми зелёной черепицей, остроконечными деревянными крышами домиков победнее, маревом начинающих зеленеть деревьев...

Мужчины на дороге стонали, тонкий голос наверху умолк, сменился рыданиями.

— Кто ты? — спросил Лю Чу высокий седой мужчина в дорогих, богато расшитых золотом и серебром одеждах.

Лю казалось, он и сам уже знает, что надо сказать этим людям.

Можно дождаться, пока соберётся побольше.

Можно сказать прямо сейчас — пусть сами передают из уст в уста, что пришёл новый хозяин.

Лю заговорил — и его голос вновь гремел раскатами грома, распадаясь на хор, слышимый ранее только ему:

— Я — тот, кого вы ждали. Я — ваш повелитель. Я поведу тех, кто будет служить мне верой и правдой, к новой жизни. Что может случиться с теми, кто ослушается...

Лю развёл руками, указывая на покрытых страшными ожогами воинов.

— Что случается с теми, кто посмеет ослушаться... вы видите.

Теперь ворота перед Лю распахивали, стоило его волю подойти к ним.

Теперь перед ним выстраивались шеренгами чиновники с подобострастием на лицах.

Теперь он знал: тот, кого счёл седым мужчиной в богатых одеяниях — евнух.

О да! В Циньане эту практику запретила Небесная Императрица, но Сигуан жил без оглядки на её мнение, и здесь кого-то лишали естества в наказание, а кого-то в награду, для приобретения более высокой должности — как, например, Суодуанн Льяо². Поди-ка найди более щедро оплачиваемую должность, чем верховный хранитель гарема!

Здесь свой гарем был у Императрицы, свой — у Императора, Просвещённого государя, взошедшего на небо после непристойной болезни. Императрица повелела захоронить с ним лишь ту, что заразила его и лишь каким-то чудом не передала заразу ей самой, а гарем оставила, и смотрителя тоже.

Теперь Суодуанн Ляо исполнял обязанности и Собирателя Сосудов: новый Повелитель Лю Чу повелел собирать в зимней резиденции Императорской четы — девственниц. Цель этого деяния никто не понимал, но число молодых девиц, уже познавших Лунные Дни, но не познавших мужчин, неумолимо росло.

А заведёт свои гарем — заведёт и своих евнухов. Что может быть слаще, чем принуждать к жизни среди красавиц тех, кто навсегда лишён возможности удовлетворить свою похоть!

1

Тигр: с 3:00 до 5:00

2

suōduǎn liǎo — Суодуанн Ляо, укороченный

Глава 39. Гром и Молния

Близилась весенние экзамены.

Наставники не могли нарадоваться на Йи — какой прилежный, какой старательный, какой умный, сильный, ловкий, меткий... соученики разделились на два лагеря: друзья Лю Чу издевались вовсю и травили, а враги Лю Чу соболезовали и не трогали.

Но так получилось, что «враги Лю Чу» ещё не значило «друзья Йи».

— Учитель! — завела как-то раз беседу Алая Лента. — Учитель, скажи, почему у Йи нет друзей, ни одного друга, только враги и враги врагов?

Учитель искренне удивился:

— О Алая Лента! У него есть кот! Каждый раз, когда мы бываем в столице, он может сутки напролёт гулять и играть с боевым котом — если тот не на дежурстве.

О том, что в столице Йи общается ещё и с той девочкой, что лет семь назад была у них в гостях, Учитель промолчал, даже не потому, что сложно назвать дружбой отношения, назовём их так, охраняемого и охранника, но потому что не всех, о ком мы знаем, можно лишней раз тревожить.

— Кот, — вздохнула Алая Лента. — Всего лишь кот... а друзья?

— Я не думал, что мне придётся слышать от тебя этот вопрос! — деланно удивился Учитель. Он уже почти точно нашёл на него ответ. — Разве не твоя рука спеленала растущего Йи Дэя так, что в его сутках когда остаётся время на сон, а когда и нет?

Глава клана ненадолго задумалась. Опечалилась:

— Наше стремление взять под полный контроль предполагаемую угрозу миру лишило мальчика свободного времени, без которого сложно дружить...

Учитель кивнул:

— Я включу в его расписание два свободных часа, чтобы он совпал с ребятами постарше, ему с ними будет интереснее, чем с ровесниками...

Обретя неприкаянное время, Йи быстро нашёл ему применение. Два, целых два часа можно заучивать новые слова соседних диалектов и чужих языков! Или помогать в оружейной с ремонтом стоек и чисткой оружия. Или разучивать с малышами способы наложения повязок и связывания противника.

Нет. Лучше он два, целых два часа будет подгонять одну к другой детали шкатулки, которые приходят в движение при нажатии на камень! Йи старательно зарисовал по памяти схему Оружейных Палат и продумал, как её лучше оформить, сколько всего сделать ярусов, какие секции в каком из них и как могли бы раздвигаться и уже начал вытачивать первые детали... Похоже, мальчик просто не знал, что у времени — свободного времени! — может быть какое-то ещё применение. Хотя в Циньдаре-то утекал в неизвестном направлении при первой же возможности.

Учитель решил спросить напрямую:

— Скажи, почему ты с удовольствием гуляешь и отдыхаешь в столице, но стараешься забиться в комнату и занять себя делом каждую минуту дома?

Йи ответил не сразу:

— Но тут я уже всё знаю... я живу здесь каждый день. А там... — он заулыбался, — там всё такое разное!

«И Маомао», — добавил про себя. Вдруг боевому коту всё же нельзя столько времени с ним проводить.

«И Гэнги Тшу...» — эту мысль он старательно скрутил в клубочек, чтобы даже хвостика наружу не показала.

«И Отшельник с Жи Шиту Ри Ли». Но ведь Йи важнее другие столичные жители Жительницы! И гости...

«Чинь Хуа...»

Да что ж это такое! Йи жалобно взглянул на Учителя.

— А ты попробуй посмотреть вокруг дома.

Хватило суток, чтобы понять, что все попытки смотреть вокруг заканчиваются пересадкой цветов на клумбе и походами к реке с пучками бамбуковых трубочек. Заметив, что Йи не стал чаще появляться на улице там, где гуляют другие ученики, Учитель приказал ему проводить хотя бы час на тренировочной площадке, где как раз в свободное время Дзя собирались юноши пятнадцати-семнадцати лет. И чтобы никаких книг в руках!

Йи поблагодарил за приказ и смиренно подчинился ему. У него прекрасно получалось неприметно сливаться со скамеечкой неподалёку от площадки и подгонять одну к другой выточенные из бамбука трубочки.

Лэй¹и Ксиабо², друзья — не разлей вода, с упоением предавались тренировкам в свободное время. Они обучались владению мечом. Высокого стройного Лэя слышал металл, и он надеялся, что, возможно, дорастёт и до Мастера Оружейника, а коренастый плотный Ксиабо был на коротке с огнём и с упоением тренировался с разными видами мечей. В паре Маленький Борец и Гром скорей напоминали Гром и Молнию, так стремительны и красивы были их движения, и для Йи Дзя именно они стали любимой парой тренирующихся. Он даже сменил скамеечку на ту, что поближе к бойцам. Йи никогда раньше не пересекался с ними на уроках. Имена узнал лишь потому, что они обращались друг к другу по имени.

Особый интерес к себе юноши тоже заметили, причём довольно-таки быстро, уже на второй день.

— Идём с нами? — просто-запросто потащил за руку молчаливого наблюдателя Ксиабо. — Идём-идём, толку от того, что ты нами любишься, никакого, ни нам, ни тебе...

— А... а можно? — растерялся Йи.

Лэй фыркнул, примечая ломкие движения смирного зрителя, оценивая рост, силу:

— Можно подумать, если на тебя внезапно нападут враги, они будут спрашивать, можно, или нет!

— Сбегаешь за своим, или мой второй возьмёшь? — кивнул Ксиабо на дагьен.

Йи пожал плечами, опуская глаза и не скрывая улыбку:

— Можно подумать, те, кто нападут, сначала поинтересуются, а не забыл ли я дома свой меч...

Наверное, можно и в родном клане встретить то, что будет интересным и разным.

Лэй заразительно рассмеялся, а Ксиабо бесшумно отступил за спину Йи... и был крайне удивлён, что худенький паренёк уверенно скользнул одним слитным движением назад и вбок, перехватывая его руку с мечом. Ему не мешало закатное солнце, брызжащее в глаза через по-весеннему нагие ветви деревьев, хотя Лэю вот мешало, и Ксиабо намеревался использовать это преимущество с новичком. Куда только подевался неловкий неуклюжий

пацан...

Сил отнять оружие ему не хватило, но от дружеской тренировочной оплеухи он ловко увернулся, отпрыгивая туда, где не вдруг дотянется противник.

— И что, надеешься добыть себе мой меч?.. — скривился Маленький Борец.

Йи молча улыбнулся, вновь подставляя ему свою спину.

Лэй не вмешивался, хоть соблазн был велик.

Ксиабо, уверенный, что находится в выигрышной позиции, двинулся в атаку другим путём, не повторяясь — лишь для того, чтобы совершенно внезапно кувыркнуться через Йи, оставляя всё же свой меч в его руке.

— Ну ты даёшь! — восхитился Лэй. — А сможешь ещё раз так? Ну-ка, давай теперь я к тебе со спины захожу...

Сменился противник, сменился угол падения света — но история повторилась.

... — Я смотрю на тени и слушаю дыхание, — рассказывал Йи, объясняя, как у него получилось забрать меч у Ксиабо. О том, что слушает, скорее, стук сердца, он решил не говорить.

Лэй знал, к чему готовиться, держал крепче, и так просто завладеть его оружием не вышло, но потом ребята пришли к выводу, что вряд ли нападающие будут так-то уж вцепляться в рукояти.

— А хорошая штука, сам додумался, или кто показал? — интересовался Ксиабо, деля на троих кусок мяса и хлеб.

— Наверное, не сам, — задумался Йи. — Мне Учитель на одном из уроков показывал, как можно в бою отнимать ножи и мечи, именно такого движения не было, но было что-то похожее...

— Учитель? — переспасили Маленький Борец и Гром.

Им, как и всем ученикам клана, иногда доводилось вставать в пару с Учителем, но этот парень говорил о занятиях с ним так, словно они для него дело привычное и ежедневное.

— Да, — кивнул Йи. — Я буду палачом, и он меня учит пока тому, как защищаться...

— А вёсен тебе сколько? — спросил Лэй.

Он, внимательный и спокойный, и так уже задавался вопросом: почему не встречал этого юношу раньше.

— Тринадцать...

Ксиабо расхохотался:

— Да ладно! Для тринадцати ты что-то слишком крупный!

— Да и я со своих тринадцати не намного вырос, — заступился Лэй.

Узнав возраст Дэя, он с облегчением выдохнул: видел, видел его раньше среди палачей, просто их традиционно держали чуть в стороне от других. Да и не ожидал, что Йи так так стремительно выпрыгнет из малышей в юноши.

— Это же ты у нас ходишь в Тень?

— Мгм, — кивнул Йи, дожёвывая хлеб.

Что-то определённо приятельское между ними троими уже возникло — совсем не так, как с Гэнги Тшу. И, тем более, не так, как с Чинь Хуа.

Вот, наверное, умел бы Маомао говорить!..

1

Léishēng — Лэй, Лэй Шэнн, гром

2

xiǎo zhànshì — Ксиабо Джэнши, Маленький боец

Глава 40. Полдень и Полночь

Заживляющие мази в аптечке будущего палача стали подозрительно быстро заканчиваться: конечно, одно дело, когда он тратил их на себя после уроков с Тенями и Учителем и на малышей, которым в лазарет бежать страшно, а к палачам в самый раз. Но когда лечить ушибы и порезы теми же мазями стали ещё два здоровых лба...

— Эх вы, слабаки! — обидно расхохотался как-то раз Лю Чу, заприметив, что на тренировочной площадке открыли полевой лазарет. — Шрамы украшают воинов!

Йи больше не прятался от него в Тень, проходил как мимо пустого места, а теперь впервые за долгое время встретился взглядом — и, кажется, Лю не понравилось сапфировое мерцание в бездонной черноте глаз Дэя:

— Это ты о шрамах, полученных в учебных боях?..

Хохот невольных слушателей вышел куда более обидным, чем шутка полудемона, тем более, Чу не нашёлся, что ответить. Но он знал, как оставить поле боя за собой: демонстративно погладил свой новый кулон. «Это мамин подарок», — честно врал он Учителю на вопрос, откуда такое оригинальное украшение: два коротких, в мизинец длиной, узких серповидных лезвия на одной цепочке. Лю сразу заметил, как дёргается при виде него Йи Дэи. Стоило теперь Йи «показать зубы», как рука Лю сама тянулась к стали, чернёной с серебром, белой с позолотой. Гладил он, впрочем, больше рубаху рядом с кулоном — пальцы слишком хорошо помнили боль от порезов, зарастить которые помогала только мамина магия.

Так вышло и в этот раз: Гром и Молния смеялись удачной перепалке, а Йи — нет. О, да он даже трясся от злости! Пусть все считают, что Лю улыбается его словам, признаёт поражение. Но он-то знает, что его радует бессильная злоба любимчика учителей.

— Ты как-то странно реагируешь на подвеску этого воображалы, — заметил Лэй, когда помогал Йи относить в его спальню опустевшие баночки от мазей.

От природы наблюдательный, он всегда старался замечать странное и находить ему объяснение.

Йи, вовсе не такой уж скромник, как могло бы показаться, замялся, засмутился:

— Я знаю, ты не будешь смеяться... — Дэи прищурился и будто бы невзначай сделал вывод:

— И знаю, что ты никому не расскажешь...

Долгая пауза и едва заметный кивок подтвердили: Лэй понял и принял эту просьбу. Что бы ни сказал будущий палач, это будут знать он и Гром. Даже лучший друг, Ксиабо, не узнает.

Йи долго молчал, то ли подбирая слова, то ли собираясь с духом, но всё же решился:

— Лиэр-Дьян, Полдень, и Шиэр-Дьен, Полночь, что носит на цепочке Лю Чу, не украшение, а оружие. Пара волосяных клинков, я таких здесь больше ни у кого не видел, но в Оружейной Палате... ты же помнишь, нам о них говорили?

— Да, — кивнул Лэй.

Он совсем забыл, однако после слов Йи сразу же вспомнил, как молодой подмастерье-оружейник — вот бы стать одним из них! — им показывал волосяные клинки на стойке. Такие одинаковые, но такие разные, изогнутые чуть больше и чуть меньше, длиннее и короче, серебряные и позолоченные, с узорами для яда и для красоты, и в подарочном

футляре, и вплетённые в косу манекена, и в бороду... а не знать, куда смотреть и на что обращать внимание — никогда не найдёшь!

— Хитрое оружие для шпионов, — сказал Лэй.

Йи покачал головой. Вроде бы, уже решился, но что же так тяжело. Вдох — выдох, начал говорить, значит... он вдохнул — и с жаром выпалил:

— Когда я вижу Полдень и Полночь, беспомощно свисающими с этой цепи, я ненавижу Лю! Разве можно так издеваться над боевыми клинками!

— Нельзя, — возмущённо припечатал Лэй. Его верно избрали в собеседники. — Ни с каким оружием так нельзя! А ты о них говоришь так, словно они Стальные Женщины?

— Да! — восторженно выдохнул Йи. — Да, они живые! Мы почти не слышим друг друга, Лю что-то с ними делает...

— погоди, — остановил его Гром. — Раз они — Стальные Женщины, говорить с ними может только тот, кого они признают хозяином. Они — клинки Лю, но признали тебя?

Йи снова надолго замолчал. Решил, что, попробовав рассказать другу, сможет лучше понять сам:

— Мне кажется, они... мои. Я их услышал, когда впервые увидел, я слышал их так хорошо, они звали меня на помощь, только я был слишком маленький и слабый, и я до сих пор стараюсь их освободить... — Дэй приложил ладонь к боку, там ещё не до конца сошёл синяк. — Я попробовал их забрать, но Лю сильнее меня. А потом он что-то стал делать с ними, я почти перестал их слышать.

Лэй задумчиво проговорил:

— И если мы сейчас... хорошо, если ты сейчас обратишься за помощью к наставникам...

— ...получится, что я ещё совсем маленький и меня рано называть не то, что юношей, но даже мальчиком, — печально договорил Йи. — А ведь через пять дней церемония Дарения.

Конечно, именно таких ситуаций ни Лэй, ни Дэй не помнили, зато были свидетелями наказаний мальчиков и юношей, которые приходили к учителям с жалобами на несправедливость ровесников. Взрослые каждый раз говорили: у любой проблемы есть решение, если не можешь найти его сам — обратись за помощью к равным, не перекладывай ответственность за принятие решения на старших, учишься понимать, заслуживает ли их внимания мешающая тебе мелочь.

— Я постараюсь что-то придумать, — пообещал Лэй.

Йи поблагодарил его поклоном.

Он так и не сумел признаться даже другу, как всё получилось с этими волосяными клинками.

Сначала ему был сон, из тех, что не совсем сны. Был он и раз, и другой, и третий, и почти вытеснил из ночей сны, где Йи пел о путешествии в Персиковую Долину Гэн и Чинь — о, в снах он не только пел! — наверное, снился и в те ночи, после которых утром Йи не мог вспомнить, что снилось.

Сон — не совсем сон, скорее, мечта увидеть реальное до одури перекошенное ужасом лицо Лю — и Йи, его рука, и в ней Лиэр-Дьян и Шиэр-Дьен, не впервые взятое в руки чужое оружие, а продолжение пальцев Дэя... взмах! И волна алой крови, Йи ощущает, какая она горячая, чует её запах, вкус, опьянение, горечь... неясно, что было до, непонятно, будет ли

что-то после, но Йи пришёл в ужас, когда увидел Полдень и Полночь наяву, подвешенными, словно в насмешку над их боевой сутью, на красивую цепочку. И где? На шее того, чью кровь он с восторгом отведал в повторяющемся сне.

Нет.

Йи не рассказал о нём даже Учителю — никому не доверял настолько, насколько ему! Старался пересказать каждый странный сон... Но сознаться в том, что получил удовольствие от смерти Лю Чу, испытал радость от вкуса его крови, как от глотка воды в жажду, пусть даже во сне... об этом он сумел не сказать и Лэю.

Оставалось только сдерживать себя, не давать рукам воли сорвать украшение с шеи врага, ведь он знает, что случится, когда Полдень и Полночь окажутся в его руках.

Глава 41. Церемония Дарения

Мастер Оружия говорил с Учителем, а улыбался мечу, как единственной подруге:
— Веришь ли, все последние одиннадцать и две весны я жду, когда придёт её хозяин.
— Верю.
— Веришь ли, я нарёк её Смертью, ещё разжигая огонь в кузне.
— Верю.

Учитель знал, на эти вопросы можно не отвечать, но это было частью ритуала.

Мастера Оружия — совершенно особая каста, сродни палачам, но, в отличие от них, не только почитаемая, но и любимая. Если палачами становились только рождённые от палачей — или выданные за рождённых от палачей! — то стать Мастером Оружия мог каждый, кому отзывался Металл, и многие мечтали об этом. Но не каждому Мастеру Оружия было по силам чувствовать, который из мечей он наделяет особым сознанием, который из мечей становится живым, «стальной женщиной», которая примет имя и сама себе выберет хозяина.

Учитель думал над этим долго. Очень долго:

— Могу ли просить тебя, Мастер, об одной маленькой услуге?

Мастер поднял взгляд:

— Разумеется!

Учитель улыбнулся.

Маленькая проверка — это всего лишь маленькая проверка.

Солнце лениво поглядывало вниз из-за лёгкой кисеи утренних облаков. Каждую весну сторожевые кланы привозили в столицу своих юношей, готовящихся стать мужчинами, каждую весну наполнялись площади нестройным гулом голосов, непривычных ещё к низкому тембру. Оружейная Палата — огромное строение на окраине Циньдара — встречала учеников имперскими флагами над пагодами и нежным перезвоном «музыки ветра» в арках галерей.

Все волновались. Да, они уже взрослые, почти все станут воинами, кто-то пойдёт в подмастерья к оружейникам, вон, Лэй сдерживается, как может, хочет казаться солиднее, благонадёжнее, чем есть, а не скакать от счастья кроликом. Ксиабо изо всех сил старается сделать вид, что не очень-то он и переживает — быть бойцом по-любому проще, чем оружейником или палачом...

Йи знал, что это тоже экзамен, но не понимал, что может зависеть от него — сейчас. Он видел в прошлом году, как один из парней, едва заметив одну из дагъен в лаковых ножнах, радостно воскликнул: «Юуми!» — и Мастер Оружия взял тот меч с подушки, все опустились на колени, соглашаясь с волей Небесной Императрицы, и парень смог взять в руки Стальную Женщину. И Мастер Оружия говорил древнюю формулу принятия крови и стали...

Если бы Йи позволили, как в прошлые посещения Оружейной Палаты, пройти теми галереями, по которым три года назад впервые провёл подмастерье и в которые после сбегал он сам, он бы уже нашёл её. Её, Ша. Стальную Женщину, что лукаво улыбнулась ему колыханием алой кисточки. Он бы нашёл её и принёс Мастеру Оружия, чтобы просить разрешения... непонятно, правда, на что, но вместе бы как-нибудь разобрались. А он шёл

вместе со всеми в торжественный зал. Там на подушках лежали рядами мечи, и Дэй не чувствовал, где же Ша.

Торжественно сверкали острями шипов изогнутые дао². Ветер играл кисточками длинных цянь³и коротких дагъен... ни одна из которых не была Ша!

Молодые парни, когда их называли по имени, выходили по одному, принимать в дар оружие, и всё холоднее становились руки Йи.

Взгляд скользил по лицам собравшихся в зале мужчин и красавиц, детей и юношей, чей срок ещё не настал. Учителя среди них не было, да и того Мастера Оружия, к которому Йи пришёл бы с вопросом о цене меча, тоже... что делать, как быть... так не хотелось ломать церемонию!

Он не мог, не имел права принимать другой, чужой меч.

Голос Мастера Оружия раскатился над толпой счастливых молодых людей и гостей праздника:

— Йи Дэй!

Всё. Так и кончается жизнь.

Йи знал, что должен подойти к Мастеру Оружия, опуститься на колени, склонив голову, поблагодарить, забрать меч...

У Мастера в руках красовалась изогнутая, с широким концом дао. Сверкающая. Почему-то Дэй знал её имя так же, как знал имя Ша — словно оно всегда было в его памяти. Блеск шипов по вогнутой стороне, искры на выгнутом лезвии словно поддразнивали Йи: *ну же, давай, забирай меня! А что, мы поладим, ты подрастёшь, приучишь ко мне своё тело, и я постараюсь служить тебе верой и правдой, никогда не напомню, что свою первую женщину ты бросил...*

Йи качнулся, не понимая, шагнёт ли вперёд, к чужому мечу, или отшатнётся назад, в Тень...

Тень! Не назад, нет, вперёд, только вперёд, одним долгим шагом, но сразу за спину Мастеру Оружия, сразу туда, где уже ждёт Новый Канг с понимающей улыбкой... разговаривать здесь, где за радужной плёнкой замирал на медленном выдохе весь мир, было невозможно, но жест «следуй за мной» Йи знал с семи вёсен.

Канг уводил его из торжественного зала. Канг выводил его смежным путём сквозь стену. Йи запоминал, что и как он делает, понимая, что может никогда так и не научиться этому действию.

Шагнув из Тени, Канг преклонил колени перед Учителем.

Йи, не смея верить своим глазам, смотрел на него, падая на колени в одуряющем бессилии — и опускал взгляд.

Дэй испортил церемонию. Дэй сломал свою жизнь. Лучше бы он работал писарем до семидесяти лет... но то, что Ша никто не забрал у Мастеров за прошедшие со дня их знакомства три года, ещё не значит, что она ждала бы его и дальше.

— Кстати, Циньхуа⁴, Сверкающая, тоже не отказалась бы стать его Стальной Женщиной!

Йи показалось, он оглох. Не может быть, чтобы так спокойно, с таким непередаваемым теплом в голосе Мастер Оружия говорил о той дао и... о нём ли, неясно, видимо, здесь есть кто-то ещё. Да, есть Канг... нет, Канга уже нет, вернулся в Тень, на церемонию. Йи Дэй не был последним из получающих оружие, а Тени хранили покой там, где могли разглядеть беду раньше, чем она пришла бы в видимый всем мир.

Дэй никак не мог отдышаться, никак не решался поднять глаза. Разглядывал расшитый золотом подол плаща Мастера Оружия, первозданно-чистый, чёрный подол плаща Учителя...

— Дао? Это интересно! Как правило, к нам идут цянь, редко дагьен, и ни одна из дао на моей памяти не изъявляла желания стать оружием палача.

В голосе Учителя не было ни злости, ни раздражения.

— Да они вообще людей не очень любят! — голос Мастера Оружия лучился добродушием.

Йи всё же поднял голову — и увидел, что Учитель протягивает ему руку.

О нет. Он быстро поднялся на ноги, с благодарностью поклонился Учителю.

— Дозволено ли будет спросить...

— Йи Дэй, ты ничего не испортил и не сломал. Успокойся. Я хочу просить у тебя прощения.

Воздух отказался входить в грудь. Учитель — просит прощения у него. Второй раз. Нет, это сон...

Отбросив кисею облаков, солнце светило в спины Учителю и Мастеру Оружия, мешая Йи рассмотреть их лица, но голос Учителя, серьёзный, спокойный и с едва заметной нотой вины, не оставлял ни тени сомнений.

— Прости эту нелепую шутку. Я не мог поверить, что ты настолько серьёзно отнёсся к выбору оружия. Вернее, что она выбрала тебя.

— Они любят его, Учитель! — рассмеялся Мастер. — Ему не поверил, мне верь Циныхуа у меня тоже пятый год без хозяина, ни с кем общего языка не находила, а гляди-ка. Этого увидела и уже успела порезать того Мастера, что вёл церемонию, обиделась, небось, что Йи не отдали, а попытались всу... кхм... вручить следующему за ним...

— А где... — хрипло заговорил Йи, понимая, что говорит что-то не то. — Учитель! Я не обижен, я просто... где Ша?

Йи по-прежнему не чувствовал её, но почему-то казалось, что она где-то очень-очень близко.

— Здесь, — улыбнулся Учитель, отстёгивая от пояса чёрные кожаные ножны с затейливым тиснением; на рукояти алая кисточка на хитром замочке — такую можно отстегнуть в бою, сбивая внимание противника. — Здесь.

Йи бесшумно преклонил колена, принимая в руки вожделенную тяжесть Стальной Женщины.

Без ножен весь её вес стекался к рукояти. Йи казалось, что, наверное, он, и правда, умер там, на церемонии дарения оружия, чтобы теперь заново родиться в прикосновении губ к прохладному клинку. Красная кисточка игриво трепетала в струях ветра: *вот ты и дождался, вот ты и нашёл меня, Смерть, что теперь, что дальше, готов мне отдать ещё чью-то жизнь, кроме своей?*

— Хватит тебе моей, — тихо шепнул Йи.

А вот так, наверное, сходят с ума. Начинают говорить с оружием, и всё.

— Я тоже её слышу, — склонился к нему Мастер Оружия. — Не волнуйся, ты со временем привыкнешь. Не каждый меч — истинная Стальная Женщина, но каждая Стальная Женщина, если признает себя твоей, будет служить тебе верой и правдой... ты подумай о Сверкающей. Жаль, если ей придётся и дальше лежать здесь, ожидая судьбы.

— Но Ша...

По лезвию скользил солнечный свет. Казалось, он течёт медовыми каплями вдоль ребра к острию. В этом золотом свечении Йи чудилась гордая улыбка: *я твоя с самого рождения — твоего, моего, я с тобой все последние три года, я такая же, как те мечи, с которыми ты учился боевым приёмам, нам не нужна даже церемония единения крови и стали, а дао... пусть. Пусть будет. Мы примем её в нашу семью...*

Мастер Оружия поцокал языком:

— Ну ты гляди-ка!

Учитель не был Мастером Оружия, он не мог слышать чужих Стальных Женщин, но опыт жизни подсказывал ему, что могут значить игривое восхищение Мастера и жарко пылающие щёки Йи.

Стальные Женщины Йи подружились молниеносно, в тот же день.

Йи засыпал в обнимку с ними. Просыпался раньше, чтобы успевать делать те упражнения, которые показал Новый Канг. Выходил в свободные часы на тренировочную площадку — и Новый Канг тут же разнообразил отдых молодёжи тренировками боя на двух мечах разной конфигурации.

— Пара одинаковых мечей в бою — это просто. Пара совершенно разных мечей при должном умении может дать хорошее преимущество, — говорил Канг юношам.

И показывал, и становилось ясно, где молодая поросль, а где мужчина.

Новые мечи Ксиабо оказались парными дагъен, Лэя дождалась дикая цянъ Пейжи⁸⁵.

В один из дней нежданная гроза, налетевшая от Крокодилового хребта, разогнала молодёжь по зимним тренировочным залам и крытым галереям. Друзья решили переждать её рядом с домом целителей. Там для выздоравливающих выстроили просторные залы, широкие веранды, рядом с которыми дети клана каждую весну рассаживали красивые растения. Буря, как могла, перемалывала цветник жерновами ветра и тяжёлых капель, но в глубину веранды им тяжело было долетать.

Лэй, любясь усеянной жемчужинами брызг паутиной на резной раме — кроме целителей никто не давал столько воли паукам — вдруг что-то вспомнил:

— Йи, вот смотри, Ша — твоё оружие по рождению, Циньхуа — оружие после рождения, а оружие до рождения у тебя есть? Было бы, и ты был бы легендой!

— Это тебе уже подмастерья оружейников разных оружейных сказок нарасказывали? — заинтересовался Ксиабо.

Йи попытался сделать вид, что не расслышал, но Лэй не привык так просто сдаваться.

— Нет, ты что, мне вообще предложили ещё раз подумать как следует, а действительно ли я хочу быть Мастером Оружейником! А про трёх Стальных Женщин, одна из которых у мужчины появляется до рождения, вторая при рождении, а третья после него, мне рассказывал дедушка. Так что, Йи? Как у тебя с оружием, которое родилось раньше тебя, но назначено тебе? Или Ша и есть оно?

Дэй вздохнул, протяжно и грустно, и попробовал отклонить тему:

— А что значит, быть легендой в таком случае, когда есть и то, и другое, и третье?

Лэй решил, что готов идти и долгим путём:

— Дедушка говорил, что такой мужчина может стать бессмертным в боях...

— Неуязвимым? — восторженно протянул Ксиабо.

— Что ты, вполне уязвимым, но его Женщины встанут на его защиту и не дадут противникам нанести смертельный удар... неуязвимость не подарят, но и ничего страшного

со своим мужчиной сделать не позволят. А такой мужчина, которого невозможно убить в бою, непременно войдёт в легенды! Вот только редко такое бывает, чтобы одному человеку сразу столько Стальных Женщин досталось. Я почему спрашиваю, вот — две-то у тебя уже есть. А может, где и третья! Или третьи. Оружие бывает и парным...

— Вряд ли, — сделав вид, что усеянная каплями паутина куда интересней всего прочего, Йи отвернулся от друзей.

Он отчасти был благодарен Лэю, потому что сразу понял, на что тот и так и этак пытается намекнуть второй день подряд: Полдень и Полночь, волосяные клинки, кулоном болтающиеся на шее Лю.

Они же, и правда, то оружие, что появилось у Йи ещё до того, как он родился.

А ведь заманчивая, как ни крути, перспектива!

Ша скромно молчала, тогда как Циньхуа прям-таки вибрировала предвкушением крови: *хорошо, не убить, порвать, порвать руки той жадной твари, что тянется к чужому, порвать, порвать лицо ей, чтобы каждый раз в зеркале видела урок, чужое нельзя брать!*

Громы и молнии мерцали и гудели где-то вдаль, на пути к Сигуану. Ливень стихал. В лазарете у целителей было пусто, а сами они под непромокаемыми плащами ушли в сторону кухни.

Йи Дэй проводил их взглядом и принял решение:

— Ксиабо... Лэй... я и Ша знаем, что родились на свет в один и тот же день. Циньхуа появилась значительно позднее. Но есть ещё Лиэр-Дьян и Шиэр-Дьен. Полдень и Полночь Я... я, наверное, узнаю о них больше, когда возьму в руки, пока же знаю только то, что они появились на свет задолго до моего рождения. Возможно, задолго до рождения моего... отца.

Обозначить как-то ещё ту пропасть времени, которая разделяла его и волосяные клинки, у Йи не получилось.

Выговорить слово «отец» вслух почему-то оказалось непросто. Хотя, казалось бы, что такого, у каждого из ныне живущих есть родители. Кого-то они растят в любви и ласке — вон тот же Лю, мама чужим в его сторону дохнуть несвежим не давала. Но Йи... если его отец был палачом, неужели так сложно было сделать всё, согласно правилам и не оставить за собой следов? А если он не был палачом... Дэй понимал, что вряд ли когда-нибудь узнает, кем были его родители, и утешал себя только тем, что не мог думать о них иначе как в прошедшем времени: может быть, они давно уже поступили в распоряжение Небесной Канцелярии.

— Мне точно неизвестно, каким образом Полдень и Полночь попали к Лю Чу...

Ксиабо с глухим рычанием вторя рокоту дальнего грома поднялся со скамейки:

— Я убью его, сам!

— Нет. Сядь, пожалуйста... — Йи взял друга за руку. — Сядь. Послушай. Я уже пытался рассказать это Лэю... не рискнул. Расскажу теперь вам двоим. Я вижу сны.

Друзья уже знали: Йи не часто, но очень метко видит сны, которые непременно сбываются, стоит только им повториться, а Йи вспомнить, что он уже видел такое. Так случилось, когда Дэй увидел приезд в клан посланника от горных драконов — правда, так его сам и не увидел, был вызван в Столицу, — так было, когда ему снилось, что все экзамены по истории перенесут с весны на осень, потому что тяжело заболел наставник...

— Я вижу сны. В них вижу Лю... это же он нашёл меня, ему было всего семь лет, а клинки... я жене знаю, где они были. Но теперь во снах вижу Лю, свои руки... в них —

Лиэр-Дьян и Шиэр-Дъен. Мы... убиваем Лю. Я не хочу его убивать, но видел это уже столько раз, что...

Оказалось, это так просто — открыть душу тем, кого можно назвать братьями.

— А сон про то, как Лю натянули на голову мешок и долго-долго пинали по пустырю за садом — не снится? — осторожно уточнил Ксиабо. — Пусть приснится, что ли. Хотя, это всё сбудется по-любому. Уже сегодня...

1

у̀,у̀ — Юуми, нефрит

2

Дао — меч-оружие с ножом с однолезвийным лезвием

3

Цянь, иск. «цзянь», китайский прямой меч, в классическом варианте с длиной клинка около метра, но встречаются и более длинные экземпляры

4

shǎnshǎnfā guāng, Циньхуа, Сверкающая

5

Пейжи — Восхищённая радугой

Глава 42. Татуировка не по чину

Незаметно Йи стал не только отдыхать со старшими учениками, но и посещать с ними вместе занятия. Наставники радовались: мальчику было интересно абсолютно всё!

Жарким летом начались каникулы — а в кланы пришли Мастера Татуировок.

Каждому живущему в Циньане, будь то мужчина или красавица, Небесная Императрица назначала его личный узор на теле. Иногда он подтверждал выбор человека или выбор, сделанный за него другими, но иногда в корне менял.

— Мой прадед был целителем, — поделился Ксиабо. — И дед стал целителем. И его приняла в мужья целительница, и все были уверены, что их дети тоже станут целителями. Но моего отца, конечно, растили, как целителя — а Мастер Татуировок подарил ему не полынь травника на лопатки, не змей хирурга на запястья... и даже не жабу повитух на лоно. Щит пехотинца между ключиц! И тогда моему отцу, наконец, позволили всецело посвятить себя боевым искусствам. Я тоже хотел бы стать воином — полагаю, мои дагьен свидетели, что из меня вышел бы не самый плохой разведчик... но я жду, какое направление подскажет мне Мастер Татуировок.

— А я даже как-то не задумывался, каким знаком меня одарят, — улыбнулся Лэй. — Мастера-оружейники все носят цветы — розы, шиповник, чертополох...

— О, у вас есть варианты! — изобразил восторженную зависть Йи. — И только мне, как палачу нашего клана, положен хвост скорпиона поверх позвоночника.

Хвост скорпиона носил Учитель. Хвост скорпиона подарили Лю Чу, хоть на теле полудемона татуировки и не задерживались. Этим знаком отмечали всех палачей Зимнего сторожевого клана. В Весеннем и Осеннем набивали пауков, лапами поверх рёбер. А в Летнем, приморском, кракена между лопаток.

— Ты так говоришь... — задумался Лэй, — словно не хочешь этого знака отличия?

— Знака принадлежности, — вздохнул Йи. — Мне кажется, пока на моём теле его нет, у меня ещё есть шанс не быть палачом.

— Но у тебя же получается? — не понял Ксиабо. — Тебя же хвалят и ставят в пример даже старшим! Даже Лю!

Йи надолго задумался. Потом тихо-тихо сказал:

— У твоего отца тоже получалось лечить...

Мастера Татуировок никому не сообщали заранее о своём приходе, просто в одно утро ставили свои палатки у Весенних ворот клана — чтобы через десять и два дня ночью бесшумно растаять на дорогах и в бездорожье. До зимы они готовили материалы для красок, собирали камни, травы, чтобы осесть на самое морозное время в одном из поселений, близких к горам. Долгими тёмными ночами при свете лучин они раскладывали, сушили травы, крошили, толкли и растирали камни, кристаллы, металлы, панцири насекомых, чтобы чуть появится свежая трава, вновь отправиться в путь.

Когда они приходили утром, дети выносили им еду, воду. Уже через пару часов к палаткам по одному подтягивались готовые принять татуировки юноши и девушки. Очереди не занимали — Мастера выходили из палаток и по одному забирали тех, на кого им указывала Небесная Императрица.

Ксиабо нервничал. Лэй тоже. Йи ещё было рано делать татуировку, но он вышел

проводить друзей.

— Хорошее утро, — заговорил он просто для того, чтобы отвлечь их от тяжёлого ожидания. — Красивое утро! На небе ни облачка...

— Скоро появятся — фыркнул Лэй. — Ветер! Сейчас принесёт.

К ним направилась зрелая красавица Мастер — обычно мужчины делали татуировки мужчинам, красавицы красавицам, но парни не обнаружили ни одной девушки у себя за спиной.

— Иди за мной, — легонько толкнула Мастер пальцами в грудь Йи.

— А... я уже ухожу! — растерялся он. — Извините, я не думал, что нельзя подходить...

— Куда? — Мастер цепко ухватила его за запястье. — Я сказала: иди за мной!

Её глаза полыхнули изумрудным огнём.

Йи с непониманием оглянулся на друзей, снова поклонился Мастеру:

— Простите, пожалуйста, я больше не буду! Я не знал...

Мастер поцокала языком и уверенно потащила Йи за собой к палатке. Он от растерянности попытался было упираться, но вовремя опомнился — сияние в глазах засвидетельствовало, что сама Небесная Императрица сейчас держит Йи за руку и ведёт принимать знак отличия.

— Бежим за Учителем! — шепнул Ксиабо.

— Иди сюда! — тут же позвал его Мастер мужчина из крайней левой палатки.

— Иди сюда! — позвал Лэй ещё один Мастер.

— Ох, что-то будет... — пробормотал Лэй, подчиняясь.

Под ногами вились дети — наверняка кто-то из них сообщит Учителю.

Но, может быть, и нет. Йи забрали так быстро, что взрослые торговцы, которые могли бы обратить на это внимание, ещё не вышли с товарами для Мастеров Татуировки. А для детей Йи был просто ещё одним созревшим до татуировок парнем.

В палатке не было окон, но света хватало. На узких столиках, опоясывавших в три ряда высокую лежанку в центре комнаты, хаотично перемешивались определённо пыточного вида иглы, плоски с маслянистыми на вид красками и странные глиняные горшочки, накрытые стеклянными вазочками, внутри которых горели фитильки. Йи потянулся к одной, взять и рассмотреть поближе, но голос Мастера, тягучий и низкий, заставил вздрогнуть и отдернуть руку:

— Снимай одежду. Я уже вижу, что должна сделать. Ты сейчас разденешься, выпьешь отвар, который нам принесут, и уснёшь...

Её глаза, чёрные как ночь, вдруг особенно ярко полыхнули кристальной зеленью:

— Я вижу два варианта, чем наградить тебя. Даю тебе выбор: ты можешь принять хорошо известный тебе Хвост Скорпиона. Ты можешь принять, — она запнулась, её глаза закатились:

— Можешь принять иную судьбу. Не могу тебе сказать, в чём она заключается. Вижу её. Но не понимаю.

— Иную! — жарко выдохнул Йи, с мольбой протягивая руки к Мастеру,

Та улыбнулась:

— Подумай. Быть палачом — честь! Что несёт иная судьба... я не вижу.

— Иную, — сказал Йи сурово, неожиданно даже для самого себя.

— Я принимаю твой выбор, — кивнула Мастер, застёгивая на запястьях широкие

манжеты с мягкими подушечками и кармашками. — Снимай одежду, пей отвар и ложись.

Молоденькая девочка в широкополой шляпе вроде тех, что носят пчеловоды на пасеке, принесла дымящуюся чашу немалых размеров.

— Выпей всё, — голос Мастера стал глуше, а в палатку вошли ещё две Мастера-красавицы.

Йи поставил чашу на край лежанки, стянул рубашку...

— Снимай всё, — сказала одна из вошедших. — Нам нужно всё твоё тело.

— Но татуировка над позвоночником... — попытался объяснить Йи, и его перебила третья Мастер:

— Ты отрёкся от Хвоста Скорпиона. Ты выбрал иную судьбу.

Она не могла слышать этих слов, значит...

Ледяные коготки предчувствия беды заскребли по спине.

Небесная Императрица уже приходила в его сны. Она всегда была в точности та же, что и Звёздная, только не прятала лицо за яшмовыми бусами, не отвлекала внимание гостей летящими по рукавам халата журавлями.

— Хочешь заплести мне косу? — спросила она Йи.

Мальчик — или юноша? Он же сейчас не просто так спит, ему делают татуировку, а их делают только юношам — так и не определившись, как себя называть, Йи молча поклонился в благодарность за щедрое предложение и принял из рук Небесной Императрицы густую щётку. Под её щетинками густые шелковистые волосы небесной красавицы словно сами плелись в косу.

— Ты сделал неожиданный выбор, — мягко укорила его Императрица. — Я так надеялась, что ты останешься на том пути, что я создавала для тебя!

Дольше молчать не имело смысла. Йи тихо прошептал:

— Я не хочу быть палачом.

— Но ты знаешь этот путь, у тебя есть Учитель, способный провести через самые сложные повороты!

Ловкие пальцы Йи уже заканчивали переплестать последние пряди, когда к нему из вешней зелени сияния шагнула... ещё одна Небесная Императрица.

— Так и мне заплети косу! — игриво улыбнулась она. — Две косы, как два гребня!

— Но я не плёл так раньше! — поклонился, извиняясь, Йи.

— Я подскажу, — улыбнулась вторая Небесная Императрица — а первая начала таять, пульсируя в разгорающейся зелени.

— Я буду стараться! — заверил Йи вторую — ну чисто отражение первой! Только коса гуще и длиннее.

— Это я дала тебе выбор, — склонила она голову, своими руками направляя руки Йи. — Это я настояла на том, чтобы показать тебе, как ты теперь будешь плести косу. Вот так, как я сейчас показываю, только от ушей будешь вести так... и вот так. И сводить в одну, чтобы получался мужской вариант. Со временем ты привыкнешь.

Йи точно знал: он лежит, недвижимый, нагой, под руками трёх красавиц Мастеров Татуировок.

Йи точно знал: он учится делать новую причёску в неведомом тёмном, но светлом коконе, куда нет доступа ни у одной живой души.

Интересно, а мёртвые души могли бы сюда прийти? Он мог бы увидеть здесь своих

родителей?..

— Ой-ёй, как многого ты хочешь! — рассмеялась вторая Небесная Императрица. — А время твоё здесь подходит к концу!

Третьи сутки Мастера Татуировок сменяли друг друга в палатке, в которую звали Йи. Уже к вечеру первого дня, когда получил свой «браслет» из цветущего терновника Лэй, когда «спрытались» кошачьи лапы разведчика подмышками Ксиабо, сменили друг друга по два захода юношей и девушек, а Йи всё оставался внутри палатки, друзья всё же привели Учителя к Мастерам. Те, кто не был занят Йи, развели руками:

— Мы ничего не решаем сами. Мы делаем то, что велит нам Небесная Императрица.

В ночь Мастера попросили ещё ламп. Те, кто покинули палатку Йи, молчали, не отвечали на вопросы Учителя, Ксиабо, Лэя — а Алая Лента даже не пошла спрашивать, только покачала головой:

— Чего же вы ждали? Он отправился за татуировкой раньше срока, он получит своё позже срока.

Юноши, поклонившись, убежали хвастать татуировками друзьям, а Учителю Алая Лента напомнила:

— Мы до сих пор не смогли услышать ответ Небесной Императрицы, он ли Воплощённое Зло. Может быть, Мастера Татуировки по её велению куют цепи, что удержат Зло за Гранью?..

Учитель вздохнул, поклонился и ушёл к себе, чтобы ещё два дня не покидать помещений, назначенных ему для проживания, а ученикам для уроков.

К концу третьего дня красавица Мастер Татуировок, которая уводила Йи за собой, велела привести Учителя:

— Мы закончили, теперь ему нужно три дня сна, отвар вот этого сбора, — она передала Учителю конверт с травами, — если попросит пить, и никакой еды. На четвёртый день предложите молоко. Но ещё пять и два дня давайте только молоко и отвар. Надеюсь, он выживет.

Учитель чёрной молнией метнулся в палатку и не поверил собственным глазам: Йи Дэя кольцами обвил живой дракон! Рогатая голова мирно покоилась на груди стремительно взрослеющего мальчика, но огромный янтарный глаз заглядывал прямо в душу Учителя.

О нет. Это не дракон, а всего лишь татуировка!

Учитель поклоном поблагодарил красавицу:

— Вы свершили невозможное!..

— Мы сделали то, что велела Небесная Императрица! Но будьте так добры, попросите заварить нам чай.

— Я лично проведу для вас церемонию благодарения, — поклонился ещё раз Учитель.

Для начала надо было позвать старших учеников, чтобы помогли отнести Йи в спальню.

— Вот это да! — восхитился Лэй.

— Как живой! — зауважал Ксиабо.

— Вот уродец! — рассмеялся Лю.

Его поддержали ещё двое учеников, его друзей, которых позвали переносить Йи.

Красавица Мастер на чайной церемонии то ли ответила на вопросы Учителя, то ли

вынудила задать новые:

— Эта татуировка на его теле — защита ему. Нет, не нам от него — ему от того, что не может свершиться в его жизни, пока он жив. Да, он не человек. Он с тобой каждый день, и ты не знаешь, кто он? Да, он знает, что не из людей. Нет, его Стальные Женщины не позволят ему понять, кто он. Не пустят за порог. При чём тут Диюй? Диюй боится его. Я и так сказала уже больше, чем вам надо знать. Вы заварили лучший цветочный чай, каким только нас угощали в кланах по весне!

Йи лежал, не шевелясь. Дышал редко, трудно: его тело страшно отекло, раздулось, как труп, оставленный на солнце.

Дракон-татуировка казался живым. Все, кто заходил в спальню, видели, как он следит за ними янтарным глазом. Учитель знал: алые с золотом драконы являются хранителями огня, их клан стоит особняком, и в Циньане уцелело всего одно Гнездо Огненных. Они реже всех прочих оборачиваются людьми, но у самих Драконов считаются самыми сильными. Об этом Учителю рассказывал Отшельник, когда приступал к переводу на бумагу Каменного Календаря.

Получалось, что татуировка Огненного Дракона на теле Воплощённого Зла — способ оградить мир от него! Но Мастер сказала, что в охране нуждается он сам...

Однажды утром жители клана проснулись, а Мастера Татуировок растаяли вместе с утренним туманом.

Глава 43. Дождь из рыб и жаб

Йи спал. А потом не спал.

Снова спал.

В нём так замедлялось течение жизни — нет, он так не говорит, так говорит Учитель, но оно всё равно замедлялось, пока вовсе не остановилось. Жизнь в теле течёт с кровью, но кровь в теле Йи перестала течь.

Нездешняя чернота, покрытая сияющими алмазами, висела перед глазами, пока он не заметил, что алмазы вглядываются в него. Не алмазы, звёзды.

Не звёзды: сотни, тысячи глаз.

От их пристального внимания неуютный холодок разгуливал по всему телу, но ведь это просто кровь раньше согревалась дыханием в движении и разносила по жилкам и жилочкам тепло, а теперь стояла и стыла.

Что-то тёплое грело снаружи. Наверное, Йи забыл, а сам сейчас в Столице, снова вёл кого-то Теневыми путями и заболел, и это Ронмао пришёл согреть его. Обвился вокруг тела уютной пушистой змейкой — хвост, хвост, он же длинный, он же большой...

И Йи тоже уже не маленький.

Сколько он ни закрывал глаза, продолжал видеть тысячи глаз, сверлящих в нём отверстия любопытством, ждущих чего-то.

Чего?

Пробуждения памяти: так уже было, Йи уже видел такую черноту, и она мерцала перед глазами, пока он не открыл их! Тогда открыть велел Учитель. И это потребовало адских усилий. Огромного напряжения.

Как сейчас.

Раз он засматривается на чужие взгляды, у него должны найтись силы разлепить веки.

Напрячься — и...

Тысячи глаз в нездешней черноте заискрились сочувствием: куда-то тянешься, чего-то хочешь, а ведь у тебя есть все. Любуйся нами, растворяйся в нас, стань нами...

Нет. Напрячься ещё раз. Должно быть что-то, что поможет преодолеть этот барьер. В тот раз спасательным кругом стал голос Учителя. В этот памяти о нём оказалось мало.

Пусть Учителя рядом нет, есть же...

— Ша... — шепнул Йи сухими губами, которые тут же треснули от этого незначительного усилия.

Её тоже не было рядом. Но она родилась в один день с ним, незримо присутствовала в каждом шаге, она... держала за правую руку. Не давала соскользнуть в пропасть.

За левую — держала Циньхуа.

открой глаза. Тебе достаточно сил. Открывай!

Йи увидел, как любопытные алмазы во тьме начинают гаснуть, отворачиваются в попытках понять, чей голос зазвенел в окружающей их черноте.

Усилие. Ещё.

— Ша!..

Сухим языком по сухим губам, легче не стало, но хлынул слепящий свет!

Йи зажмурился, застонал, ощутил, как чья-то рука обтирает его лицо влажной тканью. А вот теперь легче — стало.

Протяжный выдох и незнакомый голос:

— Очнулся! Беги за Учителем!..

Нездешняя чернота больше не смотрела на Йи алмазными глазами. Попытки открывать глаза давались куда легче. Ослепительный свет оказался тусклым светом свечи. Пошевелиться не было никакой возможности!..

Знакомые голоса прозвучали, как иглы, воткнутые в барабанные перепонки:

— Вот это да! Экий монстр! Как живой! Вот уродец! Чудовище!

Йи, не шевелясь, цеплялся за них сознанием, как летящий в пропасть ловит верёвку.

Оставленные Мастерами Татуировки травы помогли или то, что Йи, едва придя в себя, начал пить много-много воды, неизвестно, но он шёл на поправку быстро. Уже на следующий день, как очнулся, смог сам подняться и увидеть своё отражение.

Учитель был рядом, и ему стало очень не по себе от странного голоса Йи, он уже говорил таким, когда самостоятельно вёл дознание:

— Клан Хранителей Вольного Пламени прислал свой привет...

Ещё через день Йи смог натянуть одежду — но тут же снял, попросив у Учителя какого-нибудь масла, смягчить кожу.

Учитель покачал головой:

— Найду-найду масло... и бригаду юных лекарей. С честью вынеси пытки, которым они тебя подвергнут...

Учитель знал, о чём говорит! Рвение начинающих лекарей, даже направляемое гневными окриками наставников, могло и совершенно здорового в гроб загнать, что уж говорить о несчастных нездоровых. Впрочем, Йи оказался крепче, чем даже сам о себе думал. Примочки, растирки, компрессы поставили его на ноги за неполных два дня.

— Сознайся, ты нарочно так быстро выздоровел! — алым маком зацвела юная целительница.

Йи, встретивший её в чёрных штанах и рубаше, развёл руками:

— Огненный дракон стесняется, когда на него не просто смотрят, но ещё и трогают.

— Я же его ласково и с нежностью! — затрепетала ресничками красавица.

— Так ему же ещё сильнее стыдно!

— Ах!..

Целительница, кажется, только теперь поняла, что исцеляющие растирки нужны были не только животу, бёдрам и ягодицам будущего палача, а слова его несли определённый скрытый смысл...

Это её подружка растирала всё тело Йи, равномерно, не выделяя никаких интересных ей зон — а юноша мог спокойно представлять на её месте Стальную Паучиху.

Или Крылатую Смерть.

Или обеих.

*

Лю сидел на корточках на перилах лестницы, вцепившись в них руками. Сидел, хищно сгорбившись, и сам себе напоминал чжэнь няо¹, только не фиолетового с медно-красным клювом — чёрного, с алыми полосами на лице. Хотя птица с человеческим лицом — с девятью лицами! — цзю фэн²... и уж она-то точно алая с золотом, как ни крути, а феникс. С чёрных рукавов халата ученика палача капала алая кровь, оставляя на серых пористых

ступенях грязно-серые пятна.

Суодуанн Ляо стоял рядом, почтительно пряча руки в рукава. Старался не смотреть на Повелителя.

— Позволишь подготовить тебе новую одежду? — спросил евнух, больше надеясь поскорее сбежать и сменить свой собственный халат на чистый — до него тоже долетела кровь.

— Будущее вызрело во мне, — глухо сказал Лю. — Моё будущее. Ваше будущее... вели выстирать и высушить это, — он спрыгнул с перил и быстро поскидывал на ступени халат, рубаху, штаны.

Лю совершенно не волновало то, что он окажется нагим перед рабом. Пусть любит красивым, гладким, загорелым телом — нет. Надо отдать ещё одно указание:

— Вели подготовить купальню. Позови туда императрицу, парней и девиц, умеющих делать массаж...

Пока прачки будут отстирывать его вещи, можно продолжить начатое с местной правительницей.

Ей же понравилось.

Прошлая ночь, о, прошлая ночь!..

О, наложницы из гарема императора!..

О, императрица!..

Её наложники так старательно демонстрировали свои умения, что распалившиеся аппетиты развратной императрицы перестали удивлять Лю. Он и сам становился ненасытным, играя с нею в «дождь и облако». Вот только ему мало интереса было в банальном удовлетворении похоти.

Да, красавица щедро делилась своей ци. Да, он впитывал её, перетапливая в заряды разрушительной энергии. Но для тех целей, что он преследовал, требовалось нечто большее.

Нужно добавить в горнило похоти — смерть.

Двое мужчин, одновременно дарящих радость своей императрице... трое... семеро... они не Лю, они могут, а значит, должны растрачивать своё семя, напитывая энергиями жизни красавицу, чтобы она сторицей отдавала их полудемону.

Её силы на исходе, рассвет щедро красит алым низкие облака, и что-то очень правильное ветер приносит от зимней резиденции, где собралась уже сотня девственниц...

Лю залюбовался влажным телом императрицы на золоте шелков, в окружении семи трудящихся над её удовольствием наложников. Парень, которому велели дарить ей радость языком и губами, уже приближается к своей цели. Ему не привыкать к затеям императрицы, и его не настораживает вцепившаяся в его волосы на темени рука, неважно, чья. Не пугает холод металла рядом с шеей.

Кульминация!

Широкий жест полудемона!

Шуангоузв его руке ловко отделяет голову раба от тела, и кровь из вскрытых артерий щедро заливает всё и всех вокруг. Никто не кричит. Кого-то тошнит.

Глаза императрицы распахнуты от восторга! Пальцы умело удерживают напряжение...

Лю в мыслях топчет не горячую кровь раба — саму Поднебесную.

Именно это именно то, чего не хватало для завершения картины «Полная готовность». Теперь врата между Поднебесной и Диюем легко распахнутся в нужное время.

*

Что-то зрело в воздухе. Что-то висело в нём, как марево от дальнего пожара. Что-то...

Йи привыкал к новому телу. Казалось бы, нового — стремительно заживающая кожа. Из-под одежды татуировку почти не видно — так, кончики ногтей на тыльных сторонах ладоней, но кто будет всматриваться в руки палача? Тем более, ученика палача. А он ощущал дракона — втравлённый в кожу, но всего лишь рисунок — так, словно это живой змей обвил его тело. Прятался на нём под одеждой.

— Есть ли те, кто хотел бы по доброй воле отправиться в Циньдар в День Наречения? — спросила Алая Лента как-то утром, объявив общий сбор среди мальчиков, девочек, юношей и девушек, не достигших ещё срока Наречения взрослыми.

— Но ведь это не Дарение оружия, которое не состоится без Оружейной палаты... — вслух задумался Лэй. — Имеет ли смысл ехать в Столицу?

— Это предложение Небесной Императрицы. Она советует желающим уже сейчас начинать путь. Пяти дней вам должно хватить.

Раз сама Небесная Императрица приглашает — значит, будет не просто праздник, будет что-то грандиозное!

Йи промолчал. Это приглашение разлилось ещё одним слоем марева над миром. Словно Императрица хотела собрать ближе к себе... тех, кого хочет защитить?

Надо сказать Учителю.

Занятия катились своим чередом, уроков даже прибавилось: раз сама Звёздная Императрица учредила дополнительные каникулы, надо успеть передать подрастающим те знания, без которых они в свой срок не сдадут экзамены Наречения. Йи поначалу не мог понять, что не так с учениками — а потом вдруг дошло: ни на один урок не пришёл Лю Чу. Даже на тренировки, а их он не пропускал, осваивал недавно показанное старшим оружие, шуангоу.

Спрашиваешь друзей Лю — нагло врут, глядя в глаза: «Здесь он, только что вышел», «Да вот же он, ой, не он, обознался, но где-то тут».

Йи тянуло в стойло ездовых волов. Половины не было на месте, кого увели на занятия по езде, кого забрали посыльные... и никто из пастухов не мог сказать, что точно знает, кто где.

Дэй был уверен: нет одного вола и нет Лю Чу.

Учитель всё выслушал и развёл руками:

— Предлагаешь мне пойти с тобой на разведку?

— Да! — обрадовался Йи. — Точно! На разведку! Я чувствую направление, я просто уже видел, как он сбегает в ту сторону, я уверен, он как-то обходит пограничные патрули, и нужно осмотреть ту точку, где река уже всего! Потому что он, я полагаю, нет, я знаю, уходит в Сигуан!

— И, значит, ты намерен повторить путь Лю Чу?

Йи скопировал жест Учителя, тоже развёл руками:

— Я не знаю...

Печать-на-устах, давно привычная, научила на ходу изобретать объяснения действий, любых. Даже самых необъяснимых. Чаще — не объяснять ничего вообще. В конце концов, он Учитель, и ему лучше знать, что делать или не делать.

Забрать двух осёдланных волов, взять воды, плащи, и в путь.

— А если спросят, зачем?.. — Йи ничуть не огорчился, что тех самых, на которых они ездили в Циньдар охотиться на отравителей, не нашлось.

— Кто? — беспечно ответил Учитель. — Все заняты сборами в дорогу, всем некогда.

— Но ведь едут не все?

— Так ведь помогают собираться в путь!

Учитель следил за Йи. Этого высокого стройного юношу, совершенно чуждых Циньану пропорций, который только вчера был малышом, что-то словно вело по жизни. То, как он слушает, говорит, смотрит сейчас, один в один похоже на поведение перед потопом: чувствует грядущее, но не в состоянии подобрать слова объяснения, пока оно не случится.

Или пока Отшельник не найдёт нужные записи в Жи Шиту Ри Ли — Бумажном Каменном Календаре Драконов.

Отправляясь в путь для того, чтобы успокоить малыша, Учитель с каждым пройденным ли все сильнее нервничал сам. Одновременно с Йи или минутой раньше находил подтверждения тому, что это не просто удачно ложатся складки земли, но давно используемая дорога. Не просто поваленное дерево, метка на поворот... Места остановок, тихий звон магии — Лю не умеет или просто не считает нужным скрывать, что использует присущие демонам силы. Но... если Учителю подсказывает Стальная Женщина, кнут, средство борьбы с демонами, долгие годы помогающая закрывать двери в Диюй, то как узнаёт Йи? Неужели оружие общается и делится опытом, передаёт подсказки Стальным Женщинам ученика...

От реки веяло холодом и предчувствием беды.

— Слишком тихо, — заметил Учитель.

— Сейчас... уже скоро, — прислушался Йи.

Замычал вол.

Идя на протяжный зов, у самого берега обнаружили крохотный рыбацкий домик, три стены, занавеска вместо четвертой, плоская крыша — и перевязь с волем.

— Так селятся Заклинатели.

— Уже сейчас! — таким детским, испуганным жестом Йи схватил Учителя за руку, Учитель рывком втянул его под крышу...

...и с неба посыпались рыбы!

Серебристые толстолобики, болотно-зелёные сомы, золотистые и пёстрые мальки карпов, взрослые бело-чёрные осетры...

— Головастик!.. — с недоумевающей улыбкой разжал ладонь Йи.

Бледно-жёлтый лягушонок с ещё не выросшим в спину хвостом с пронзительным «ква!» ускакал к товарищам.

— Дождь из рыб и жаб, — грустно улыбнулся Учитель.

— Э... это не я?.. — с надеждой спросил Йи. — Это же точно не я?..

Йи развязал пояс и, спустив один рукав и соорудив из второго и полы халата что-то

вроде сумки, таскал к реке ещё живую рыбу. Вытряхивал собранных в воду и бежал собирать обладателей дёргающихся хвостов.

— Хоть кого-то спасти, — объяснил он Учителю. — Жабы и лягушки сами доберутся до воды, если им надо, а рыбам ведь надо помочь! А потом сказать на кухне, пусть пришлют кого собрать...

Учитель не спешил присоединяться:

— Они все мертвы, Йи. И... некого спасать и нечего передавать на кухню.

— Но нет же! — ухватив тяжеленного осетра, Дэй потянул его к реке... и уже через пару шагов остановился.

— Учитель! Что это?!.. — протянул он покрытые серой слизью ладони к наставнику.

Выпущенный из рук осётр оседал бело-чёрной горой чего-то похожего одновременно на глину и на желе.

— Не знаю, Йи. Но мне кажется, оно несъедобно.

1

чжэнь-няо приводится в сунском словаре «Пия» (埤雅), где тот представлен как тёмно-фиолетовый гусь, имеющий медно-красный клюв длиной 7–8 цунь (около 26–29 см

2

одна из самых ранних форм китайского феникса, с телом птицы и девятью головами с человеческими лицами

3

Меч с наконечником в виде крюка, навершием в виде острия кинжала и гардой-серпом

Глава 44. Заноза Когтя

Лю Чу, красавчик-паинька, встретил Учителя и Йи очень-очень ядовитой улыбкой. Чжэнь няо, как он есть. На его прекрасной внешности никак не отразились бессонные ночи, буря прожитых эмоций, головокружительный полёт, завершившийся падением — многократным, многочисленным, надо будет следующий раз думать не об игре «дождь из облаков», а о полёте. Птичьём!

Стая ворон — не стая лягушек и карпов. Потеряешь над ними контроль — не рухнут с неба на землю, разлетятся.

Час испытания близился неотвратимо.

Лю уже знал, что сделает, начиная бой за освобождение.

Учитель делал вид, что ничего не случилось. Подумаешь, выгулял подрастающую Гибель Мира... зато Йи еле удавалось сдерживаться. Он же видел, что Лю — меняется. Пытался объяснить это Учителю, и не смог. Да и как рассказать о том, что неосязаемая вонь от Лю обрела запах крови? Лю готовится к Наречению, совсем скоро сдаст экзамен, получит звание палача... Он же единственный полудемон, с которым Йи знаком. Может, все взрослые полудемоны пахнут так...

Что-то надвигалось. Что-то туманило взор и путало мысли.

— В ночь мы едем в Столицу, — шепнул Учитель, задержавшись на минутку рядом с Йи по пути на кухню. — Форма одежды удобная, пройди сам и друзей захвати в Оружейную, посоветуйся со своими Женщинами, чем обрасти на время... — он не сказал «боя», но Йи — услышал.

Значит, не мерещится, и в Циньдаре будет ждать... что-то, чему пока нет названия.

Потому что оно ещё не определилось, как родится.

Лан Ма Нао навещала Когтя каждую ночь. Могла прийти под утро, перекинуться парой слов, а могла пожаловать с вечерней зарёй и просидеть до утренней. Не пила чай, не притрагивалась к еде, какими бы деликатесами ни приготовился встретить главу клана Цао Цзао.

Сегодня пришла, лишь только укрепились ночная тьма, и тон её речей был по-вешнему игрив. Она всё не сдавалась, пыталась донести некую мысль до Когтя. Мысль о его возлюбленной — да, она предательница. Да, понесла заслуженную кару! Но все могло быть иначе, не случись того, что не может быть, потому что не может — не должно было! — быть никогда... И о том, кто похитил у него любовь красавицы — хоть что-то удалось исправить. Как ранее с Заклинателями. Стало ведь легче! Пусть ненадолго, но теперь в памяти есть миг возмездия.

И об их незаконном сыне — она была бы жива, если б не родила собственное проклятье. Собственный приговор! Собственную смерть...

— А хотел бы прервать и его жизнь? — вдруг спросила глава клана. Не в первый раз, и каждый раз, словно читая мысли Когтя, но неожиданно.

— Да! Конечно! Очень! — обрадовался и тут же загрустил дракон:

— Я готов к этому всегда! Но не хотел бы сдать себя-убийцу, а он никогда не бывает один, даже когда по ночам раскурочивает часы на площадях... а где я найду место, где никто

не увидит рядом с ним — меня?..

— А если бывает? А если сейчас он там, где и не увидят, и не помогут, и не докажут...

Коготь ощутил небывалый прилив сил от этих слов:

— И ты готова раскрыть мне тайну, где искать то, чего не должно было случиться в жизни Водного клана?..

— И даже дать в твои руки то, что сразу вычеркнет тебя из списка подозреваемых.

На стол легла цян¹. Дерево, металл, тайные знаки Заклинателей испещряют древко...

— Да! — он схватил копьё, взбрасывая над головой. — Да... — отложил, трансформируя пальцы в драконьи лапы. — Да!.. — снова взял со стола, но уже прижимая к груди, как потерянного, но вновь обретённого сына.

Глаза красавицы полыхнули багровым пламенем под капюшоном:

— Ступай за мной.

Столица как будто ошетилилась во все стороны клиньями рядов праздничных палаток.

— А вон те вон наши? — спросил Лэй.

— Да нет, вон же воздушные шары с флагами! — показал Ксиабо. — Или и те не наши...

— Церемония начнётся завтра в полдень, — подошёл Учитель. — И это их только собирают, а переставят на места завтра утром.

— Это мы ещё рано приехали! — рассмеялся Лэй.

— Это вы уже к завершению перестановок приехали! — умение подкрадываться незамеченным, несмотря на солидный возраст и увесистый посох в руках, Отшельник не выработывал долгими тренировками — так умели с рождения все Заклинатели. — Зато больше суток вам ждать начала... не побрезгуете моим гостеприимством — мой дом к вашим услугам... как раз накрутил баоцзы², со свининой, с тыквой. Ну, не всё сам, ещё девочки помогли...

— Дай угадаю, — приветственно поклонился Учитель. — Гэнгти Тшу и Чинь Хуа?

— Ох, ох, проникательность твоя не знает себе равных... Но другим красавицам я уже, увы, неинтересен.

Старые во всех отношениях друзья рассмеялись. То, что к Отшельнику красавицы перестали хаживать толпами по «вешним нуждам», вызвала не старческая немощь, а Императорская Корона на дверях домика и бесконечная очередь желающих проконсультироваться с Драконьим Календарём.

— Йи скоро закончит?.. — тихо уточнил Отшельник, когда Ксиабо и Лэй убежали в кондитерскую лавку «Золотой улей», мол, баоцзы хорошо, а «борода дракона», каштановый пирог и палочки с засахаренным боярышником сами не прибегут.

— Мне кажется, уже давно закончил, — улыбнулся Учитель.

Мастера Огненной Пыли позвали Йи, чтобы он показал, как поднять в воздух платформу с заряженными фейерверками, они с мужем Нуорэдэ устраивали такое в клане Нефритовой Богини, но Учитель был уверен, что Дэй отправится на поиски сначала кота, потом Гэн...

— Ему нравится гулять по Столице. Ну и вот... гуляет. А в этот раз ожидается делегация драконов?

— Нет, местные пообещали присоединиться к празднеству.

Йи чувствовал присутствие Гэнги Тшу.

Иногда — Чинь Хуа.

Временами вместе, но чаще то одну, то другую.

Очень хотел найти их обеих и попросить Крылатую Смерть увести куда-нибудь подальше от Столицы — Гэн. Она же не Звёздная Императрица, которая способна взглядом камни крошить! Она — что она сможет противопоставить... кому, Йи не знал. Предчувствие беды душило его сохнувшим кожаным ремнём на шее, но...

Нужно не просто попросить Чинь Хуа увести Гэн в безопасное место — но и остаться там рядом с ней. Это же так просто! Это — то, что даст хоть один шанс сохранить их жизни. Остаться здесь — опасно, здесь с минуты на минуту прорвётся нарыв...

А красавицы словно прятались от него. Словно насмехались: «Строй, строй свои планы, а будет так, как решили мы».

Наверное, знай Йи, кто он, что он такое, ему было бы проще. А так — ну, чудовище. Так они бывают разными! Есть вот хуодоу, огромные черные собаки, извергающие огонь из пасти. А есть йерены, мохнатые люди, причиняющие немало вреда жителям горных селений. Но есть же и цзянши — это против них в домах ставят высокие пороги!

Знай Йи, что способен сделать он сам, кроме как командовать пауками, его не разрывало бы на части изнутри.

Одно дело, побеждать в учебных боях, но в реальный же он ни разу не попадал.

И увидеться с Яшмовой Тётей не удалось: перехватила та знакомая безымянная красавица в чёрном. И отыскать, где дежурит Маомао, тоже. Мастера Огненной Пыли закончили с ним, когда солнце уже покатилося вниз, и теперь он, пытаясь нащупать точку, в которой найдётся Золотой Цветок или Стальная Паучиха, не заметил, что путь ему освещают звёзды.

Как он зашёл в эти места, непонятно. Кажется, здесь жили люди, хотя научиться сходу отличать драконью архитектуру Йи ещё не научился. Наверное, это были административные постройки, если в них и оставляли охрану на ночь, она чаще всего спала.

беги отсюда! — толкнулась в сердце Ша.

беги! — поддержала Циньхуа.

Йи заозирался. Нет, он чувствовал опасность, но ею пах каждый камень мостовой!

Кажется, он увидел тень. Человека? Демона?.. Запах опасности и крови, как от Лю Взрослый полудемон?.. Что-то невнятное шевельнулось во тьме вдали улицы. Стройный ряд кирпичных зданий надёжно скрывал то, что стронулось с места ещё раз, уже значительно ближе. Фонари здесь на ночь не разжигали, а Дни Наречения всегда подгадывали к новолунию, чтобы новая жизнь Ростков начиналась вместе с ростом Луны.

Ша, распрямляясь, подарила темноте каплю накопленного солнечного света. Его хватило, чтобы показать силуэт перегородившего улицу мужчины с копьём в руке. Копьём рядом с рукой.

Копьё, мёртвое железо на мёртвом дереве, выдающее себя только лёгким свистом полёта...

Коготь спешил. Спешил со всех ног! Не шёл Драконьими путями, не летел — ещё сожмёт сильно лапой копьё и сломает, а ведь оно — хитрая задумка Лан Ма Нао. Действительно, драконы не очень дружат с Заклинателями, а тут мелкий змеёныш убит копьём Заклинателя, на дракона подумают в последнюю очередь...

Этот ученик, видите ли, палача — мерзость! Не должен был появиться на свет! Его не должно было быть, его должно не стать. Коготь и так уже пережил достаточно: часто ли дракону, подарившему всего себя красавице, приходится её казнить? Много ли драконов вынуждено жить, не имея возможности смыть с рук кровь возлюбленной, перестать слышать её последние крики боли, её проклятья?..

А его, этого маленького ящерёныша, надо было растоптать прямо рядом с телом матери. А лучше сначала растоптать, чтобы она увидела и осознала ошибку, может, она бы тогда раскаялась, а потом уже привести в исполнение приговор за измену.

Что ж. Ошибки надо исправлять. Куда змеёныша спрятали тогда — да какая разница! Главное, сомнений не осталось теперь: он, Йи Дэй. Несуразный уродец, ещё и не знающий, что его жизнь — цена измены его матери.

Цао Цзао жадно принялся: ни единой нотки любимого аромата, только мускус, сандал, чайное дерево — ящерёныш отрастил свой, ни на чей не похожий запах. И отвратительным или даже неприятным не назвать...

Ничего, недолго осталось.

А змеёныш застыл, как загипнотизированный — но и Коготь как в густую смолу влип. Сами собой находились объяснения, оправдывающие промедление: жертвенный ящерёныш всё равно замер. Удобно. Можно не спешить. Можно медленно подходить, наслаждаясь картиной «Приговорённый к смерти ученик палача», просто чудо какое-то! Исправление ошибки! Как тринадцать зим назад.

Что тогда он не сумел разделаться с незаконным дитя, что теперь чего-то ждёт...

Может, надо найти и сказать верные слова. Это младенец не мог бы понять их, он просто принял бы смерть — так пусть и юноша отдаст свою жизнь тихо, навсегда унося с собой ответ на все вопросы. Ни слова. Ни звука. Когда идёшь убивать, иди убивать, держи язык за зубами.

Замах! Бросок!

Но... по-че-му ящерёныш моргает слева от валящегося на дорогу сторожевого кота?!

Йи показалось, что мир вокруг страшно замедлился. Или он невероятно ускорился... пока копьё летело к нему, Йи успел шагнуть в сторону.

Не успел оттолкнуть прыгнувшего из темноты Ронгмао! Маомао! Откуда он здесь?!?

Со страшным боевым воплем кинулась в бой Гэнги Тшу!..

Нет, а он-то сам чего стоит, или... уже не стоит ведь.

Йи изо всех сил крутит Ша и Циньхуа, как показывал Новый Канг. Шаг навстречу мужчине? Чудовищу! Оно громогласно рычит и кошмарно изменяет форму, становится драконом, словно сходит со старинных гравюр, хранящихся в библиотеке.

Его рык отзывается частой барабанной дробью где-то внизу живота и Йи тоже рычит. Рык обдирает горло и выворачивает челюсти, словно их размеров не хватает для того утробного звука, от которого у него самого вдоль хребта прокатывает лёд.

Учитель говорил, когда идёшь в бой против человека, лучше дать ему время замахнуться, но о том, как сражаться с драконами, ни разу не говорил ни слова. Однако первый удар дракон уже нанёс, копьё в бок кота! Теперь важно успеть к Маомао. Да, и защитить Стальную Паучиху!

Отвлечь на себя. Удар «обезглавить статую» по шее монстра. Промах, голова на месте, у

человека бы уже отлетела, хотя у дракона пасть стала шире и брызжет во все стороны чёрной кровью, Йи — видит в темноте?.. Удар «драконий коготь», сверху вниз, втыкающим движением распороть бок. Попал! Тут же хвост сбивает Йи с ног, тем же движением отбрасывает куда-то в сторону Гэн.

Стальная Паучиха летит, как тряпочная кукла — всё! Кто только что сомневался, как поведёт себя в настоящем бою?..

Прыжок. Мельница ударов. Дракон сбрасывает запрыгнувшего на спину Йи на землю. Откатиться от лапы. Чему учили — удар «бычий хвост» — чему не учили — оседлать дракона, как вола, и удар-удар-удар, по одному месту, с двух рук, накрест... Дракон резко изгибает спину и тут же выгибается в обратную сторону, но так легко Йи в этот раз не сбросить. Дракон не сдаётся, выгнуть-прогнуть, ещё раз, с размаху вбивая Йи в стену дома — но наглого змеёныша там уже нет. Прорубленная до мяса двумя Стальными Женщинами чешуя болезненно стыкуется с кирпичами. Дракон не рычит, кричит от боли. Снова рычит.

Йи тоже рычит. Чувствует кровь на губах.

Слышит тихий-тихий голос, дальнейшее эхо песни в горах:

— За-а-а... бира-а-а-ю... за-а-а... бира-а-а-ю... всю-у-у до ка-а-апли... не-э-э теря-а-а-ю...

А это — Гэнгти Тшу?

Нет. Это та, кого родители назвали Веретенем.

Она так и не научилась никаким убивающим в бою песням, но слова и мелодию, отнимающую силы — запомнила.

Чёрный дракон её слышит и рычит в ярости: Заклинатели! Снова Заклинатели! Он — теряет ци.

Но Йи... наверное, Веретено наматывает силы Когтя — на Йи.

Сейчас! Решающий удар!..

Стальные женщины еле успевают задержать руки Йи в замахе, чтобы не врезаться в брусчатку.

Коготь распадается на ленты чёрного тумана и втягивается в не приметные щели.

Йи очень бережно кладёт Стальных Женщин на брусчатку и бросается к коту:

— Маомао! Ронгмао!..

1

Цян — самое распространённое копьё с длинной рукоятью, используемое китайскими воинами.

2

Баоцзы — небольшой пирожок, приготовляемый на пару

Глава 45. День Наречения

«Ты — чудовище», — сказала Йи Гэнгти Тшу, когда допела исцеляющий призыв Маомао, и он пошевелился и застонал. От её глухого речитатива наполовину состоящего из звуков, не имеющих для Дэя никакого смысла, даже у него оставленные чёрным драконом раны переставали кровоточить. «Ты чудовище, — ей нравилось повторять это снова и снова, — и когда-нибудь я найду способ убить тебя. Но пока одно из моих заданий — тебя оберегать. Так что не зазнавайся...»

Йи даже и не думал. Благодарственно поклонился, предложил помощь в приведении в порядок одежды и причёски — получил в ответ согласие.

Пока длилось сражение-покушение, пока лечили кота, пока искали место, где Маомао сможет лечиться и выздоравливать, начался рассвет.

— Я тебя не сдам, — серьёзно пообещала Гэнгти Тшу. — Раз никто из стражей не явился на шум, а шумели мы изрядно, я никому ничего не стану говорить, что ты — кошмарный сон. Они же мне не говорят, чем все так сильно заняты в последнюю неделю...

— Войной, — сказал Йи — и сам удивился, что сказал это.

Гэн тоже удивилась, молча вопросительно вскинула брови.

Йи вздохнул, словно слыша её насмешливое «и кто ж тебе такое сказал?»:

— Мне никто так не говорил, я так сам догадался. Вот понимаешь, это чудовище сегодня ночью, оно шло за мной, оно пахло кровью и ненавистью только ко мне. Но то, что нас окружает, не имеет к нему никакого отношения. Последнюю неделю мы живём как под водой... в такой концентрированной ненависти сразу ко всем. Учитель думает, что это готовится прорыв из Диюя.

Гэн тряхнула головой:

— У нас есть, чем их встретить!

— У вас — у Заклинателей?.. — Гэнгти Тшу заалела щеками, Йи умиротворяюще с извинениями поклонился. — Так они все не на нашей стороне. И есть ещё Ждущие Пробуждения. И Сигуан, весь, вся его армия... а их Заклинатели перебираются к нам. Я думаю, что это очень похоже на войну Золотых Акаций, триста лет назад, как её описывают в летописях.

Гэн снова тряхнула головой, мысли в ней вились, как чайники в струе кипятка. Она тихонько подсказала:

— И войну Зимней и Летней Вершин...

— Да, — кивнул Йи. — И я чувствую, что нарыв не просто готов прорваться, а уже истекает гноем.

— Фу! — скривилась и замахала руками Стальная Паучиха. — Мерзость какая! Вот не умеешь ты сравнения подбирать!

— Так это не сравнение, это описание процесса.

Они нашли «своих» сразу же. Мало того, что Йи слышал много знакомых голосов едва ли не из-за городской стены, так ещё и флаг со скорпионом над палаткой: больше всего вступающих во взрослую жизнь набралось у палачей.

Палатки для Ростков расположили полукругом, огораживая зону испытаний. Народу набралось очень много — не только клан Нефритовой Богини вёз своих подросших в

Циньдар.

В низинах стоял туман. И он нервировал Йи.

Воздушные змеи над стеной, акробаты на ходулях на стене и на поле испытаний, четыре, по числу времён года, помоста, чтобы не затягивать экзамен на трое суток... На них уже установили пыточные орудия, ткацкие станки, поварские столы; помосты медленно вращались, показывая, какими профессиями наградят вступающих во взрослую жизнь — всё рассеивало напряжение готовящихся к экзамену, прикрывало собой ощущение злобного взгляда в спину. Сегодня оглядывались многие.

О том, что скоро всё начнётся, сказало появление танцующих драконов.

Конечно, это были костюмы для танца, их выносили на шестах молодые драконы-оборотни в человеческом обличье. Гигантские «гусеницы», составляющие тела, из двадцати семи и двух сегментов каждое, огромные богато украшенные камнями головы, появлялись одна за другой. Первой вышла та, что представляла Водный клан. Она собрала в себя все оттенки голубого и синего цветов, перламутровые окантовки, как барашки на волнах. Второй появилась серо-стальная с белоснежным, от клана Горных, и третьей выбралась из ворот зелёная с коричневым, от клана Лесных. Сначала все три «дракона» исполнили по очереди каждый танец своего клана, а после юные драконы-оборотни явно не первый раз сплели своих «драконов» в один большой коллективный танец.

Толпа аплодировала!

Гэнгти Тшу уже успела убежать на поиски Чинь Хуа: «Ты же всё равно сегодня ещё не проходишь испытание, встретимся за столом». Лэя зазвали в палатку Оружейников, Ксиабо выступал с борцами перед посвящением в пастухи, изображал вола, и его забрали к соседней платформе.

Лю Чу, воплощение канонов мужской красоты, появился как из-под земли рядом с Йи — а может, и реально из-под земли:

— Страшно, гадёныш? Как ты помято выглядишь! — его голос источал буйную смесь презрения и жалости. — А у меня, между прочим, сегодня праздник. А это, между прочим, должно и твоим праздником стать. Я буду отныне палачом и, уверен, не останусь в клане Нефритовой Богини. А ты бы мог ради такого случая хотя бы в чистой одежде прийти. Чем от тебя так воняет?..

Йи не ответил. Ему хватило одного взгляда, пристального, как за мгновение до ухода в Тень, чтобы отступить на шаг подальше от Лю: идеал красоты на самом деле выглядел удручающе. Под нездоровой на вид кожей словно перекатывались клубки червей. Йи решил не вступать в диалог. К тому же, Драконий Танец завершился, и Алые Ленты Охранных кланов вышли на помосты, вызывать первых испытуемых.

В их числе оказался и Лю Чу.

— Не грусти, малыш! — помахал он рукой Йи, легко и непринуждённо запрыгивая на помост без лестницы.

Учителя Йи не видел. Обычно наставники сопровождали Ростки до завершения экзамена, но... Учитель, вероятно, сейчас рядом со Звёздной Императрицей. Почему Йи так решил, непонятно.

На всех четырёх платформах испытуемые приступили к экзамену.

Устная часть его была по сути ритуалом, своего рода клятвой принять дарованное Небесной Императрицей и с честью прожить всё, что вписано в Небесные Скрижали.

А вот практическая... да, по сути, тоже ритуал! Полностью завершали свою работу по

сложным заданиям одни повара — их экзаменационные ответы сразу же уносили на общий стол. Прочие получали те задания, которые не растянут церемонию на трое суток. Так, палачам позволяли наказывать драчунов, пьяниц. Изменников выводили к последним экзаменуемым — им полагались несколько суток в тисках или в чехах, и оценивалась только скорость и качество процедуры.

Повар уверенно рубил овощи, жарил их, раскатывал тесто, размалывал орехи, чистил карпа — ни баоцзы на завтрак, ни «чёрная хризантема» на ужин не терпят суеты — но требуют скорости.

Портной делал замеры, составлял фасоны, раскраивал ткань.

Художник разводил краски, грунтовал холст, готовил кисти...

Лю уверенно наказывал дебошира.

Йи всматривался в лицо Алой Ленты, что отдавала команды. Оно было таким знакомым... ему не хватало яшмовой кисеи, закрывающей от порчи и сглаза, как у...

«Звёздная Императрица!» — Йи успел остановить слова на пути к воле.

То-то он удивился, что хозяйка праздника на праздник не явилась!

На платформе слева экзамен сдавал музыкант, флейта исполняла заказы Алой Ленты клана Зимней Свечи, музыка, светлая и чистая, звенела над полем песней жаворонка.

Платформу справа курировала Алая Лента клана Нефритовых Скрижалей. Там как раз бил копытом «ездовой вол» Ксиабо.

— А теперь, Лю, освободи жертву, — попросила Звёздная Императрица. То есть, Алая Лента.

Но Лю только вошёл в раж.

Он догадывался, что приказ закрепить дебошира на посыпанном солью пыточном столе после десяти ударов кнута был продолжением мягкого внушения мужчине, но — как же так? Такой куцый экзамен!..

— Что значит, освободи? — вкрадчиво поинтересовался он, обходя по кругу стол, беря баоцзы со стола у повара, прикасаясь к дебоширу. — А если я скажу — нет?

Йи почувствовал, как с неба осыпается штукатурка. Вот, Гэн права, он не умеет своими словами описывать происходящее!

Лю между тем спокойнѐхонько затянул на шее мужчины удавку:

— Палач здесь — я. Я — гуужи шуу! Привожу в исполнение наказания. Я — ченгфа жи, каратель, несущий возмездие! Смерть или жизнь, решать мне!

Мужчина тем временем уже был мёртв.

Да он же умер, когда Йи показалось, что сыплется штукатурка с неба! Оно, с утра чистое и высокое, спряталось за низкими серыми облаками.

— Ну, как? — упѐр он руки в бока. — Прошёл я экзамен?..

«Алая Лента» грустно улыбнулась:

— Осталась самая малость: последнее задание — выдержать те же пытки, которым ты только что подверг жертву.

— Все? — игриво повёл плечами полудемон, указывая на тело на столе.

— Все, — Алая Лента спрятала руки в рукава.

— Ну ладно, так и быть. Учитель?.. — Лю обвёл взглядом зрителей. Те стояли, как присыпанные мелом, тихие и серьёзные. Даже постановку с волом оборвали. И все экзамены, похоже, приостановились. Не бывало ещё такого, чтобы экзаменуемый не исполнял заданное!

Алая Лента покачала головой:

— Много тебе чести, чтоб Учитель к тебе прикасался... процедуру для тебя проведёт... — она сделала вид, что ищет в толпе нужного ей человека, но Йи знал, на ком остановится её взгляд. — Проведёт Йи Дэй.

Её глаза полыхнули изумрудной зеленью:

— Этим он тоже сегодня пройдёт экзамен на звание мужчины. Йи Дэй! Ты — готов?

Внутри него словно заработал гейзер:

— Да!..

Сложив оружие, на миг проваливаясь в Тень, Йи шагнул на помост. Да, рядом с Лю было заметно, что Йи Дэй теперь даже выше него ростом.

Полудемон не смог до конца удержать на лице маску высокомерного безразличия, но быстро справился с испугом.

— Это очень забавная штука! — по-клоунски поклонился Лю Чу, стаскивая фартук, халат... — Но ты же знаешь, у меня есть ещё одна, куда более смешная!

На груди Лю жалобно звякнул кулон из двух клинков.

Йи прерывисто вздохнул. Посмотрел на свои бледные тонкие пальцы. Ну не лип к нему загар! Посмотрел на Лю. Не надо входить в Тень, чтобы увидеть, какой болезненно-серой сделалась его кожа.

Молча показал на бревно с крюком. Лю смело подошёл, со смешками и шуточками перенёс подвешивание на крюк за руки:

— О, да ты недаром всё бегаешь за ткачихами! Научили узелки вязать!

У него словно проступала надпись на лбу: «Да скажи уже хоть слово!» Не прекращая кривляться и хохотать, Лю вынес все удары кнута. Всё пытался добиться хоть словечка от Йи:

— Неужели тебе не нравится мой кулончик? Ну сознайся, ты же завидуешь. Ты же хочешь себе такой же. Ты послушай, как мелодично звенит!..

Если бы Йи умел убивать так же, как Лю — бесшумно и тихо, одним касанием, как того несчастного мужчину — уже убил бы.

Хорошенько посыпал стол солью, понимая, что Лю Чу всё равно не почувствует. От его тела осталась только полупрозрачная оболочка как выскобленная изнутри хуапигуем. Йи тщательно затягивал крепления, уже зная, что будет делать дальше. Это же столько раз приходило к нему в не совсем снах!

— Ах, какой ты старательный! Как добросовестно повторяешь всё, что делал я! Но убить ты меня не сможешь! Ты опоздал на много, много, невероятно много лет!..

Йи, даже не пытаясь снимать цепочку с клинками с шеи Лю, зажал их, сложив, как ножницы и двумя уверенными быстрыми движениями перерезал сонные артерии полудемона.

Чвак! Чвак!..

И на стол посыпались чёрные опарыши.

Пульсируя в ритме медленно и натужно бьющегося сердца Лю Чу, горсти опарышей выплёскивались на стол, ссыпались на пол, пытались расползаться по светлым доскам... и исчезали.

А за полукругом праздничных палаток клочья тумана превращались в проходы в Диюй.

— Все, не достигшие девятнадцати и двух лет, строятся группами и проходят за

Тенями! — загремел над толпой голос Звёздной Императрицы. Она больше не пряталась за обликом фальшивой «Алой Ленты». — Все, кто пришёл на Наречение, но не успел пройти экзамен — прошли его! Красавицы помогают Теням уводить юношей и девушек в город! Мужчины берут оружие и с оружием в руках не мешают воинам!.. Все слышали? Занимают круговую оборону у стен и ждут, когда до них докатится бой!

Все пришло в движение.

— Палачи! За мной! — Учитель стоял за кругом палаток и звал к себе тех, кто был обучен сражаться с демонами, что так часто занимают человеческие тела.

А за его спиной выходил из клок тумана отряд демонов. Во главе него стояла жуткая пародия на красавицу: наверное, шутки про сто девственниц, покончивших наместни с собой в Сигуане, были не совсем шутками, и этот олень стоящий на двух задних ногах, олень с ветвистыми рогами и с девичьим лицом, олень с огромной человеческой грудью, соски которой истекают вонючим гноем — он и был одной из них.

Бой начался.

Под руками Йи хохотал, отплёвываясь чёрными опарышами, Лю:

— Ну, что, мальчишка? Захотел и стал взрослым? Ха-ха-ха! Не всё так просто в этой жизни, ой, не всё!

Йи помнил: не совсем сны заканчивались тем, что не совсем Йи выкусывал сердце из груди Лю Чу. Но... наяву у него не было драконьей пасти.

Татуировка дракона сжала лапу на правой руке Йи. По тыльной стороне ладони потекла струйка крови.

Лю почувал, что все идёт не так, как он спланировал, и с почти не скрываемым испугом завопил:

— Эй! Ты же не хочешь меня убивать? Ты же не любишь никого убивать? Ты же не умеешь убивать!..

Йи вздохнул и впервые за всю экзекуцию заговорил:

— Умею. Но ты же сам сказал, я на много лет опоздал убивать Лю Чу. А ведь против таких, как ты, тоже должно быть средство?..

Он оглянулся на Яшмовую Тётю и очень удивился, что её стало три!

Да нет же, шутки плывущего сознания... К Йи чуть ближе подошли Звёздная Императрица, Нуорэдэ и Знакомая Незнакомка, на этот раз в алом. Они шагнули и больше не двигались, но с их рук стекало зелёное сияние. Изумрудный свет не касался досок помоста, вился тонкими струйками к пыточному столу, на котором нервно задёргался полудемон.

Йи знал, что не раз будет заново проживать, до мелочей восстанавливая в памяти этот день, но сейчас, прямо сейчас — как ему выкусить сердце из груди Лю?..

Так он же вырос вместе с котом!

У него же «когти» — Полночь и Полдень!

Он ещё додумывал эту мысль, а правая рука уже сорвала с шеи полудемона «кулончик», и пальцы, словно тысячу раз это делали, стиснули клинки. Замахнулся, посылая всю свою ци в удар. Жестом боевого кота проломил рёбра Лю... или того, кто занял его тело.

— Ты был кисточкой на рукояти дагьен... — тихо проговорила Нуорэдэ. Или Императрица? Обращаясь к Лю — или к Дэю...

Йи вырвал сердце из груди чудовища, основавшегося внутри тела полудемона — живое! Багровое! Пульсирующее! Истекающее тёмной грязью, в которую превратилась его кровь! —

и тут же изумрудное сияние взорвало раскученное тело мириадами чёрных личинок!..

Звёздная Императрица повернулась к Йи и хотела что-то сказать, но он уже шагнул через тень к Смерти и Сверкающей — и от них прокричал:

— Я к Учителю! Ему нужна помощь!..

Изломанная химера оленя и красавицы застыла на камнях с лицом, искажённым предсмертной мукой. Огромный монстр, похожий на ерша, выбравшегося на сушу, на глазах у Йи смял, разрезая когтями, незнакомого воина.

— Ты совершил одну ошибку, мальчик, — неприспособленная к человеческой речи пасть — клюв? Короткий хобот?! — коверкала слова, но что-то в самом звуке было... узнаваемое?

— По незнанию. Ты зря окружил себя таким количеством Стальных Женщин, — а вот теперь голос стал полностью узнаваем.

— Йогоаи!.. — Йи замер на месте. — Йогоаи... я...

Сказать демонице «я только что убил твоего сына» значит подписать себе смертный приговор.

Вдвое выше, чем даже Лэй, шипастый монстр втягивал шипы, светлел чешуёй, расправляя полы шёлкового халата — ничуть не теряя в росте. С каждой секундой демоница всё более походила на хрупкую красавицу Йогоаи, но как будто лучшие скульпторы прошлого увековечили её образ в самом белом мраморе — а статуя возьми да оживи.

— Это все твоя память, малыш, — улыбнулась демоница. — Это ты меня помнишь вдвое выше себя. Мне не хочется связываться с твоими Ржавулями...

да как она смеет! что она себе позволяет!.. — закричала Циньхуа.

дослушай до конца... — прошелестела Ша.

— ...поэтому я не хочу даже пытаться тебя убить.

Йи благодарственно поклонился.

Врагу! В бою!..

Красавице, которая угощала сладкими сливами и мандаринами малыша, которого травил её сын.

— Ты только что отправил моего ленивого сына на долгие каникулы, — демоница всё улыбалась, но как будто стала чуть ниже ростом. — Ничего. Когда он вернётся, он станет сильнее и умнее...

Йогоаи ещё чуть потеряла в росте.

Она сказала, что не хочет связываться с его Стальными Женщинами. Неужели легенда, которую рассказывал Лэй, правдива?

— Но вокруг достаточно тех, кого очень просто убить! — из-за спины красавицы поднялись осьминожки щупальца. Неотличимые по цвету от её бежеватого-сливочного наряда, они особенно жутко подчёркивали алебастровую бледность её прекрасного — но такого громадного! — лица в обрамлении иссиня-чёрных кос до земли.

— И достаточно тех, кто более не связан с тобой никакими клятвами! — раздался за спиной демоницы хриплый голос Учителя. — Это её магия лишила Полдень и Полночь речи.

— Надеешься принудить меня снять заклятье?! — расхохоталась Йогоаи, поворачиваясь к Учителю и расправляя щупальца — и косы.

— Зачем? Оно само спадёт, как только за тобой захлопнутся ворота Диюя!

Чёрные косы, метнувшиеся к Учителю, сбил в полёте кнут. Бежевые с белыми

присосками щупальца часть устремились следом за косами, кнут же уже не опасен, а меч... у этого человека есть ещё и меч?! — а часть упреждающе потянулись к Йи:

— Не вмешивайся, мальчик...

Это инстинктивно, крест-накрест рубить дракона, который шёл убивать тебя... это больно: бить в спину красавицу, рядом с которой мирно жил первые семь лет твоей жизни.

Но если не вмешиваться, сколько Учитель ещё продержится в одиночку?

Ша в правой руке завертелась, сливаясь в золотой диск. Циньхуа в левой прицельно укорачивала слишком далеко сунувшиеся щупальца. Демоница хохотала, плевала в Учителя ядом, от которого плавилась камни. Он уже вырвал ей кнутом часть кос, Йи видел, как медленно течёт из ран, оставленных на голове, синяя жижа.

Сознание меркло, замечая реальность странным сновидением. В нем Йи был чёрным ящером. Его мощные лапы сами по себе являлись оружием — но по ту сторону сна, там, где Йи прицеливался обрубить очередное щупальце, у него не было когтей!..

Шиэр-Дъен. Лиэр-Дъян.

ты же пробовал. А меня можно метнуть!

Ша договаривала напоминание уже в полёте.

Может быть, Йи раньше не обращал внимания, может быть, ему просто негде было слушать, с каким звуком меч вонзается в плоть человека, но в спину демоницы, как раз в ту точку, из которой расходились многочисленные щупальца, Ша воткнулась с мерзким чавканьем.

Йогоаи взвыла. С лица её обихаживали кнут и меч Учителя, а тут ещё и в спину!..

Йи одним прыжком встал на расстоянии выдоха от неё. Рукоять Ша торчала из её спины — о, как глубоко вошла! — и Дэй подпрыгнул, чтобы ухватиться за неё левой рукой.

В правой уже были Полдень и Полночь.

Сознание снова раздваивалось. По одну сторону реальности спину Йогоаи полосовала кошмарная лапища — по другую странно зажатые в пальцах Йи короткие клинки. Однако синяя жижа, заменявшая демонице кровь, исправно хлестала и там, и тут.

А на землю она упала уже без щупалец и намного ниже Йи ростом. Встала бы на ноги, оказалась бы по плечо. Он успел отскочить, выдёргивая Ша, когда она начала падать.

— Я скоро вернусь! — пообещала демоница, прожигая Йи бездонной чернотой глаз.

— Нескоро, — подсказал ей Учитель. — Гораздо позже окончания каникул твоего сына.

Йогоаи, только что терявшая сознание, бешено заизвивалась, зарычала: её втягивала земля, внезапно жидкая, как болотная трясина. Лишь только земляные валы сомкнулись над телом демоницы, снова каменя, как в голове Йи зазвенели, вынуждая поморщиться от боли, четыре голоса:

аньсу!

аньсу!

ну наконец-то!

ты молодец!

Йи обвёл взглядом поле боя.

А боя уже и не было: земля уверенно втягивала в себя следом за предводительницей демонов, всех сразу, кого быстрее, кого медленнее. Люди и драконы, где могли, добивали их, зарекая появляться раньше, чем вода и земля поменяются местами.

Учитель сел на землю там же, где стоял. Похлопал рядом с собой рукой:

— Садись, коллега. Твой экзамен прошёл внезапно, но так, что вспоминать будут спустя поколения.

Лето вспомнило, что доросло до своей макушки, и решило порадовать всех солнечными днями. Луга, поля, леса напились в непогоду и теперь густели, колосились, наливались, одаривали пышным цветением, первыми плодами.

Звёздная Императрица медленно выздоравливала. Да, она способна пропускать через своё тело, свой разум, направляя в нужные точки, колоссальные заряды энергии — но ей требовалось также и некоторое время на восстановление. Травяные отвары, массаж, солнечные ванны... обе руки, отказавшие, как и у Дъи, как и у Нуорэдэ, уже начали слушаться.

Нуорэдэ покинула Столицу всего через пять дней от прорыва, едва начала ходить. Её любимый вол Баловник дал себя запрячь, как тягтяглового, и ни разу не взбрыкнул, пока вёз хозяйку в тележке — она «сняла алое», но Алое не отпустило её. Ей просто физически нужно было помогать юной Алой Ленте всем, чем только допустимо — так, может, это и служило поводом как можно скорее исцелиться? Начиная поездку лёжа на подушках, Нуорэдэ заканчивала путь сидя.

Дъи перенесла схватку тяжелее всех. От неё теперь день и ночь не отходила Гэнгти Тшу, а где юная Заклинательница, там и юная драконица. А где эти две красавицы, там неподалёку пылают восторженным восхищением чёрные агаты глаз Йи Дэя... только позволю — перепоёт все «вешние» песни, какие знает.

Заклинатели, как и триста лет назад, стали главной движущей силой прорыва Диюя.

Ни Звёздная Императрица, ни Звёздная Драконица не торопились высылать карательные отряды в селения Заклинателей.

— Все, кто вышли организовывать прорыв, остались на полях сражений. Все, кто остался дома — остались дома, — говорили они едва не в один голос. — Их, Заклинателей, сама природа такова, что сила пробудится и потребует выхода, но не раньше, чем лет через сто пятьдесят — триста.

Гэнгти Тшу пела Дъи исцеляющие песни, и глава Правой Руки Ночи чувствовала себя всё лучше. К ней приходили её Советницы. Их пугала Гэнгти Тшу, причём, с первого дня её появления:

— Сколько ни расти из дикого волчонка домашнего котика, он всё равно в лес убежит!

Дъи улыбалась:

— Сколько ни лечи нанесённые Заклинателями раны травами, а затянутся от горлового речитатива!

Советницы находили аргумент за аргументом, но Дъи потому и стала их главой, что контраргументов у неё находилось поболее.

— Ничто не изменит её принадлежности к Заклинателям, — убеждали Советницы.

— Предсказавший её появление двадцать лет назад создатель Бумажного Каменного Календаря Драконов — тоже Заклинатель! — парировала Дъи. — То, что вы пытаетесь мне доказать — ущемление циньанца в правах по месту рождения! Да, она не выйдет сама на связь с Небесной Императрицей, но таких красавиц много и на улицах Циньдара, вообще, любого города. Да, Небесная Императрица не способна прочесть в свитках ее судьбы ни слова... но вчера вы поили меня с ложечки, а сегодня я уже могу держать чашу с отваром,

который вы принесли — сама.

Учитель много времени проводил с Божественной Княгиней. Он же мог и нужные отвары приготовить, и компрессы поставить, и добавить заживляющих мазей из своего арсенала, и на солнечные ванны свою Звёздную Зазнобу — нет, он даже в мыслях так её старался не называть — вынести, и правильный массаж сделать...

— Если я в состоянии её сейчас правильно понять, Небесная Императрица по-прежнему говорит, что Йи — Гибель Мира, а Воплощённое Зло близко...

Учитель кивнул:

— Верю. Мы выиграли первый бой, но ощущение грядущей войны не покидает. Мы слишком просто справились с армией, словно это первая стрела, проверка ветра.

— А Йи Дея она советует отправить в Суосверг, — повернула разговор Яшмовая Красавица.

— Зачем это? — изумился Учитель.

— Сам подумай: ты растил его палачом, он сдал экзамен Наречения как палач... но Небесная Императрица дала ему право выбора. Уже в момент получения татуировки. Он может не становиться палачом... может быть, из него выйдет неплохой дипломат. Вспомни, как он ловко Дъи зубы заговаривал за столом!

— Помню... — усмехнулся Учитель.

Йи Дэй, которому разрешили не носить больше чёрное, не спешил сменить одежду.

— Но мне же удобно, — говорил он Учителю, шустро запрыгивая по утрам в чёрную рубаху, чёрные штаны.

— Но я же привык, — говорил, когда Гэнгти Тшу грозила взять Кусаку и «пообкусывать» с него чёрные вещи.

— Я прошёл посвящение, и теперь я взрослый. Мне, как сироте, предложили остаться в клане Нефритовой Богини, и я остался. Я уже заканчиваю вытачивать ларчик для драгоценностей, который продам в ювелирную лавку. Мне дадут денег, и я найду что-нибудь... наверное, тоже чёрное. Или тёмно-синее... — объяснял он подробно драконице.

Но им с Учителем предложили сопровождать Звёздную Императрицу к речной гавани, откуда должна была отправиться домой делегация из Суосверга — и дипломаты Циньана, от людей, от драконов. И на пристань Йи велели явиться не в чёрном.

Лет пятнадцать назад случилось некое происшествие, которое едва не привело к войне между Суосвергом и Циньаном. И, вроде бы, совсем недавнее, многие должны были помнить, но на все вопросы Йи все отвечали так размыто, что он сумел только понять: суосвержцы чем-то сильно обидели драконов.

Ближайшим к Дэю драконом оказалась Чинь Хуа. Она тоже провожала делегацию и напросилась в ту повозку, где ехал Йи.

Ему удалось уговорить Яшмовую Тётю на тёмно-синие штаны, светло-синюю юбку, такую же рубаху и тёмно-синий халат с белоснежными манжетами и поясом.

Йи чувствовал себя несчастным в не-чёрной одежде.

Золотой Цветок качала головой:

— От нас, от Водных, в Суосверг плывёт Цао Цзао, я его попробовала спросить, но он мне ответил, что, если ты ещё раз попробуешь с моей помощью пролезть в тайны Водных, то

он за себя не ручается. В то, что это стало интересно мне самой, он не поверил.

— И правильно сделал, — благодарственно поклонился Йи. — Ты решила его расспросить о тех временах, потому что я начал спрашивать тебя.

На берегу собирался к отплытию экипаж «Повелителя Морей» и готова была тронуться в дальний путь императорская джонка «Благословенный ветер».

Учитель и «зимний муж» Звёздной Императрицы сразу же взялись за обустройство удобного кресла в летнем павильоне, откуда планировалось наблюдать за стартом путешествия.

От Звёздной Императрицы требовалось только присутствие, и уж его-то она обеспечить могла.

Степенно прошла в павильон и Лан Ма Нао — от неё тоже требовалось уже только присутствие.

Собрались зрители: не каждый день провожаешь в трудный долгий путь, полный опасностей, тех, от кого зависит будущее твоей родины. Люди, драконы, неспешно прогуливались по павильону, выбирая себе то окно, из которого будет лучше видно.

Йи не бродил, потому что знал: идут последние минуты, когда он может стоять рядом с Крылатой Смертью и дышать её ароматом. О, он, как мог, убеждал Звёздную Императрицу, что его не стоит отправлять в Суосверг! Но...

Но слово красавицы — закон.

А Гэнги Тшу не может его проводить, потому что ухаживает за Знакомой Незнакомкой.

А за Маомао сейчас ухаживает Отшельник...

— Я не хотел быть палачом, — тихо сказал он Чинь Хуа. — Я хотел не быть палачом! Но мне в голову не приходило подумать о том, кем бы я мог быть... кем бы хотел.

— А я хотела бы попробовать походить на кнорре, — задумчиво проговорила драконица. — Расскажешь мне потом, каково это?..

Йи зажмурился, крепко-крепко:

— Прости! Но мне же надо уже бежать!..

Да, ему сказали, что, хочет он того или нет, а в Суосверг он — поплывёт.

Поклон-прощание Учителю. Поклон-прощание Яшмовой Тё... стоп! Так близко к ней думать только о Божественной Княгине!

Шаг в Тень, и под ногами духовитые просмолённые доски суосвержского корабля.

— Надо же, успел! — расхохотался капитан — с осенне-кленово-огненной гривой на голове и чёрной бородой. — Покажешь потом ещё, как ты так делаешь?..

Сова пришёл провожать дядюшку Когтя в путь. Хотелось сразу и всего! Да будут благословенны Драконьи Тропы! Шаг — и он помогает Цао Цзао закреплять под скамьёй сундук. Шаг — и любуется прощанием Йи Дэя с Крылатой Смертью. Шаг — и расспрашивает капитана, как рулят драккаром. А, это кнорр!.. Шаг...

Первым отошёл от причала «Благословенный ветер». На нём предложили плыть суосвержцам, мол, кнорр вы знаете, а теперь сравните с джонкой.

Река не подходила вплотную к Столице, но для удобства судоходных путей в незапамятные времена прорыли каналы, по которым ходили и лёгкие рыбацкие лодочки, и джонки, большие и маленькие, и даже плоты-крепости. До впадения этого широкого, но

неглубокого канала в Сианцзе оба судна шли неторопливо, словно примериваясь к дальней дороге, разминаясь перед более быстрым течением.

Провожающие показывали уплывающим раскрытые ладони, помахивали ими, чтоб такой же открытой и лёгкой стала водная дорога. Драконы, драконицы, кроме Синего Агата, Лан Ма Нао, поднимались вверх в драконьих телах, зависали в позах «морских коньков», чтобы корабли пропустили Хранители Глубин.

Учитель на пристани, вместе со всеми, помахивал своему ученику, желая лёгкой дороги, пока корабли не вошли в поворот.

Сова, приняв крылатую драконью форму, завис вместе со всеми, благословляя мореплавателей. Когда движение «Благословенного Ветра» и «Повелителя Бурь» ускорилося, сложным кувыркoм приземлился и выдохнул рядом с Учителем. «Деятельная натура», или просто молодость, заставила его задать вопрос, мучивший весь путь до гавани:

— А сколько лет Йи? Семь? Или десять?..

Ну правда же! Он мог думать только об этом всю дорогу от Циньдара до гавани.

Учитель не понял, почему юному дракону пришли на ум эти цифры. Решил уточнить:

— А почему так — или семь, или десять?

— Да он странный какой-то! — всплеснул Сова рукавами. — Ну, понятно, что из наших, только странный...

— Тринадцать, — ответил Учитель племяннику Когтя.

«Из наших» — дракон?!

Сердце заколотилось где-то в горле. «Старею»...

Учителю бы быть — Тенью! Он бы прыгнул на уплывающий кнорр, догнал бы, остановил!

Но зачем. Столько лет — тринадцать! — Йи не знал, что он дракон-оборотень. А он, дурак, даже не догадывался. Все-таки люди ничего о драконах не знают. Мысли закипали в голове. Дурак, дурак...

Но пусть будет пауза. Как в музыкальной пьесе. Пусть будет передышка. Йи уплыл, и, пока он будет там — будет время посоветоваться со Звёздной Императрицей, с Отшельником здесь... теперь же смысл в Печати-на-Устах — отпал...

Коготь сидел на скамье, стараясь не буравить взглядом спину сидящего впереди Йи.

Речная вода, мягкая и плавная, по сравнению с морской, едва покачивала «Покорителя Морей» на волнах, как в колыбели.

Эта поездка — насмешка судьбы!

Или подарок?.. Лан Ма Нао перестала приходить к нему по ночам для бесед, не давала больше никаких подсказок, но ему уже было довольно, Он знал: Йи — то, чего не должно быть.

Йи должен умереть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net